

Джанни Родари СКАЗКИ

ДЖАННИ РОДАРИ

СКАЗКИ

**Торт в небе
Путешествие Голубой Стрелы
Джип в телевизоре**

Перевод с итальянского

**ЙОШКАР-ОЛА
МАРИЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1992**

ТОРТ в небе

Эту историю сочинили ребята начальной школы Коллоди в римском пригороде Трулло, ученики синьорины Марии Луизы Биджаретти, которые окончили пятый класс в 1964 году, напечатали её в «Известиях малышей», тоже в 1964 году, и посвящается она всем своим читателям с первой страницы до последней, каждому читателю каждая страница.

МАРСИАНЕ

Дело было апрельским утром в Трулло, часов около шести. Люди стояли на остановке и ждали первого автобуса в центр, смотрели, какая сегодня будет погода. И вдруг глядь — чуть ли не всё небо закрыло что-то огромное, круглое, тёмное; и вот уж не видать облаков, а только какой-то непонятный предмет неподвижно повис на высоте тысячи метров над крышами домов.

— Ах! — вскрикнули одни.

— Ох! — вскрикнули другие.

Потом раздался возглас:

— Марсиане!

Он прозвучал как сигнал, как призыв. Посёлок сразу зашумел, на площадь стала стекаться толпа. Распахивались настежь окна, из них с любопытством высывались люди — небось опять автомобильная катастрофа; но только они поднимали глаза к небу — и ну галдеть, хлопать дверьми, спускать жалюзи и топать по лестницам и дворам.

— Марсиане!

— Летающая тарелка!

— Уж не затмение ли?

Тарелка казалась дыркой в небе, а вокруг светилась прозрачная голубая корона.

— Выдумали тоже — затмение! Светопреставление!

— Преувеличиваете! Ни с того ни с сего светопреставление?

— Как же, вас должны любезно предупредить заказным письмом: «Приготовьтесь: в такой-то день, в такой час весь свет полетит вверх тормашками!»

Из бара «Италия», вытирая руки о грязный передник, вышел официант. Он глянул на небо и вдруг согнулся пополам, словно его схватили сзади по черепу. Какая-то женщина крикнула ему с балкона:

— Позвони пожарным, Августо!

— А чего им звонить?

— Скажи им, у нас марсиане, скажи им, глупый. Неужто не видишь сам?

— А при чём тут пожарные? Так они их и испугались!

— Позвони, позвони, вот увидишь, испугаются.

Августо вернулся в бар, опустил жетон и набрал номер пожарной команды.

— Алло, скорее в Трулло, у нас марсиане!

— Кто говорит?

— Августо.

— С приветом, я — Юлий Цезарь. Не стыдно, набрался в такую рань?

И телефонист повесил трубку. Но через две минуты, ответив чуть ли не на два десятка вызовов в том же духе, он наконец решил поднять тревогу и сказал дежурному:

— Похоже, у них там массовое помешательство. Может, известить психиатрическую больницу?

А в Трулло кто не показывал носу из дому, тот стоял как пригвождённый у телефона. Одни вызывали полицию, другие пожарников, третьи карабинеров.

Вот из булочной вышел пекарский подмастерье — каскерино, он каждое утро в этот час развозил по барам рожки и коврижки с изюмом. Он поставил корзинку со своим пахучим грузом на руль велосипеда и собрался вскочить в седло, как вдруг взглянул на небо — и бух на землю вместе с корзинкой и велосипедом.

Хоть римские каскерино и гордятся тем, что никогда не падают, ну да и на старуху бывает проруха. Каскерино вскочил на ноги, вбежал в лавку и завопил:

— Караул! Луна с неба свалилась!

Только космической катастрофой он мог оправдать своё падение.

Рожки и коврижки так и остались лежать посреди дороги. Вдруг, откуда ни возьмись, набежал пёс, хватить в зубы коврижку и давай бог ноги, не дожидаясь палки.

— Это собака синьора Мелетти,— сказал мясник своей жене.— Самая скверная собака в посёлке принадлежит полицейскому. Вот и удивляйся после этого, что у нас в Италии всё идёт вкривь да вкось.

Как-то раз полицейский Мелетти, горя желанием содрать штраф с какого-нибудь автомобилиста, спрятался в засаду за лошадьёю одного извозчика. С тех пор мальчишки из «образованных», звали его не иначе как Хитроумный Одиссей, а его пса — Аргус, хотя на самом деле имя пса было Зорро.

Он был умный пёс и отзывался на обе клички. Но в то утро он не отозвался бы и на «ваше превосходительство». Крепко сжимая в зубах коврижку, он шмыгнул в подъезд и помчался по лестнице к дверям родной квартиры. Паоло сегодня встал пораньше, чтобы сделать уроки. Он услышал, как Зорро скребётся, и открыл ему.

— Откуда бежишь, бродяжка?

Но Зорро был слишком занят, чтобы отвечать, он пробежал через кухню на балкон и улёгся с намерением тихо-мирно позавтракать.

— Что там у тебя? Коврижка? А ну, дай кусочек, не то скажу папе, когда он придёт.

Синьор Мелетти спозаранку ушёл на службу; его жену, синьору Чечилию, срочно вызвали делать укол. В доме оставались только Паоло и Рита — она ещё спала. Паоло как старший должен был вовремя разбудить её и вскипятить молоко.

— Поди сюда!

Но Зорро даже не подумал делиться лакомством и единым духом проглотил коврижку.

Паоло прошёл на балкон, полный решимости наказать Зорро за неповиновение, и тут увидел такое, что забыл и про собаку, и про коврижку.

— Рита! — крикнул он. — Иди скорее сюда! Рита!

— А что такое? — отозвался сонный голосок.

— Иди посмотри, ну же!

— А что, уже пора в школу?

— Похоже, школы сегодня не будет.

При этих словах Рита мигом проснулась и выбежала на балкон, и в тот же момент раздался вой сирены: это на площадь Трулло вкатили пожарники.

— Мамочки! Пожар!

— Да ещё какой пожар! Глянь-ка на небо!

— Фу, какое гадкое облако! Наверное, будет сильная гроза!

— Дурочка ты, дурочка. Да ведь это космическая станция.

— Какая-какая?

— Ах ты невежда, невежда! И чему только тебя учат во втором классе!

— Тому же, чему и тебя в пятом. А что, пожарники должны залезть туда по лестнице?

— Да, и потушить луну. Там наверху астронавты.

— А, понятно! Позови меня, когда начнут, ладно? А я пока пойду зубы чистить.

И Рита грациозно удалилась в направлении ванной; мамы нет, неплохо бы вымыть голову кукле, подумалось ей.

Паоло не удерживал её: чего с такой разговаривать?

А тем временем на площади каждую минуту происходило что-нибудь новое. Вслед за пожарными посёлок наводнили полицейские автомобили. А вот уж и на дороге из Рима что-то показалось. Ба, да это броневик, и ещё броневик, и ещё! А там и танк, и ещё танк! А это что, неужели пушки? Ну да, пушки. И даже ракеты, чёрт побери!

«Прямо как на торжественном параде», — подумал Паоло.

Но куда интереснее было глядеть на большущий таинственный предмет в небе. Он был не меньше километра в поперечнике и бросал зловещую чёрную тень на дома, цементные сушильни и гремящие бронемашинами дороги.

— Неужели будет война?

С востока, звеня, словно металлический комар, прилетел вертолёт. Он приблизился к «тарелке» на сто метров и стал медленно-медленно облетать её. Казалось, он выискивает местечко, куда бы удобнее её ужалить.

«Сейчас он тебе задаст»,— подумал Паоло, в душе сочувствуя тому, кого считал сильнее.

Зорро тоскливо подвывал и повизгивал.

— Что, перетрусил?— сказал Паоло и, нагнувшись, почесал ему спину.

«Внимание, внимание!— загремел громкоговоритель на полицейском автомобиле.— Население призывается сохранять спокойствие. Военное командование полностью контролирует положение. Объявляется тревога. Вплоть до последующих распоряжений запрещается входить и выходить из посёлка. Зайдите в дома, спуститесь в погреба и спокойно ждите дальнейших указаний. Внимание, внимание...»— вновь забубил громкоговоритель.

— О чём они там?— крикнула Рита из ванной.

— Ни о чём.

— Как — ни о чём? Какой шум подняли! Наверное, это какое-нибудь объявление. Уж не раздают ли опять что-нибудь? В тот раз, когда раздавали воздушные шары, я из-за тебя опоздала!

Рита вышла на балкон, ожесточённо растирая сухие глаза полотенцем — надо ведь показать брату, что она как следует умылась.

Паоло повернулся и хотел ей что-то сказать, как вдруг в воздухе мелькнула какая-то тень. Птица? Нет, для птицы она была слишком велика.

— Ложись!— крикнул он, обхватил испуганную Риту за плечи и бросился на пол, увлекая её за собой.

— А что такое?

Что-то шлёпнулось в правый угол балкона, в метре от руки Паоло, в тридцати сантиметрах от лапы Зорро, который с ворчанием отскочил назад. Шлёпнулось, но не взорвалось, а так и осталось лежать между двумя горшками с геранями. Непонятный предмет был того же цвета, что и непонятная штука в небе. Паоло рассмотрел это сквозь растопыренные пальцы, которыми прикрыл лицо. На бомбу не похоже. Тогда, может, какое-нибудь сообщение?

— Ой, страшно!— прошептала Рита.— Давай тоже спустимся в подвал, а?

— Тогда мы ничего не увидим.

— А мне страшно! И потом, слышишь, что говорит репродуктор?

Голос из громкоговорителя монотонно долбил свои распоряжения, объезжая двор за двором.

«А что, если подойти к этому снаряду и исследовать его научным способом? Если б Христофор Колумб боялся, как я,— думал Паоло, подбодряя себя,— Америка до сих пор не была бы открыта».

— Что нам делать?— хныкала Рита.— Я испачкаю себе пижаму, если буду так валяться на полу, вот скажу маме, тогда увидишь!

— Молчи, я думаю.

Но долго думать ему не пришлось. Зорро тихонько протянул лапу к загадочному предмету и, молотя от волнения хвостом, шлёпнул его разок для пробы.

— Пошёл прочь, Зорро!

— Не смей трогать!

Зорро оглянулся, его влажные глаза говорили: «Спокойно, спокойно, я своё дело знаю. Уж на мой-то нюх можно положиться».

Он высунул кончик языка и пополз на брюхе вперёд. Пять... Четыре... Три... Два... Один... Контакт!

Зорро коснулся цели языком и начал быстро-быстро лизать её. А его хвост заработал, словно винт вертолёта.

Тут уж Паоло не вытерпел, подскочил к Зорро, отшвырнул его ногой и стал на страже возле неизвестной штуки.

— Что это? — спросила Рита, поднимая всклокоченную голову.

— Сейчас посмотрю. Наверно, там внутри какое-нибудь сообщение.

— А ты не чувствуешь запаха?

— Запаха? Ты что, ещё не проснулась?

Рита оттолкнула Зорро, который норовил вернуть утраченные позиции, и тоже приблизилась к непонятному предмету.

— Хочешь, дотронусь? — спросила она.

— Дурочка, думаешь, я боюсь? Просто я хочу сперва немножко изучить эту фиговину.

— Ты правда-правда не чуешь запаха?

— Не чую.

Недолго думая Рита перешла от слов к делу. Она дотронулась до неизвестного предмета, и на её пальце осталось тёмное пятно. Она внимательно рассмотрела пятно и решительно сунула палец в рот. Пососала палец, поднесла его к глазам, розовый и влажный, и издала торжествующий вопль:

— Шоколад! Что я тебе говорила! Попробуй сам, если не веришь! Ну попробуй!

Паоло попробовал. Рита попробовала ещё, и Паоло тоже попробовал ещё. Сомнений быть не могло: к ним с неба свалился большущий кусок шоколада. Причём высшего сорта, такой у него был запах и вкус, такое приятное ощущение он оставлял во рту.

— Умм... Вкусный! — сказала Рита.

— Отличный, — поддакнул Паоло с набитым ртом. — Почём знать, может, они увидели нас и бросили шоколад в знак дружеских намерений?

— Кто «они»?

— Ну, эти, марсиане или кто там ещё может быть. Откуда я знаю, кто?

— По-моему, это пицца, — вынесла приговор Рита, указывая на большое круглое пятно в небе.

По-нашему, Рите следовало бы сказать «торт». Но в Трулло одним словом называют и ватрушку с помидорами, и шоколадный торт, и слово это — «пицца». Можно ещё сказать «сладкая пицца». И если торты, благородные сыны кондитерского искусства, обижаются, когда их заодно с их более скромными сёстрами называют «пицца», тем хуже для них.

«ДИОМЕД, Я ДЕДАЛ...»

— Диомед, я Дедал. Диомед, я Дедал. Приём.

— Я Диомед. Вас слышу. Приём.

— Закончил облёт неопознанного объекта. По моим расчётам, его окружность составляет три тысячи сто сорок метров. Чтобы определить диаметр, следует разделить на три целых четырнадцать сотых.

— Знаем, знаем. Продолжайте.

— Слушаюсь. Боковая поверхность окрашена в полосы разного цвета. Расположение полос снизу вверх: коричневая, розовая, зелёная, снова коричневая, жёлтая, фиолетовая, белая. Хочу подняться выше. Приём.

— Я Диомед. Погодите. Вы не обнаружили на боках объекта каких-либо отверстий? Каких-нибудь окошечек, иллюминаторов, дверей?

— Я Дедал. Ничего подобного не обнаружил. Боковая поверхность повсюду сплошная. Приём.

— Я Диомед. Поднимайтесь выше и замерьте высоту, обследуйте верхнюю поверхность. Соблюдайте безопасную дистанцию. Приём.

— Вас понял. Кончаю приём.

Такой разговор состоялся около восьми часов того незабываемого утра между пилотом военного вертолёта под условным наименованием «Дедал» и генеральным командованием ОКО, разместившимся в здании школьного управления Трулло, причём ОКО в данном случае означало не око, а Операция Космическая Опасность. Так называли власти военные меры, принятые в связи с появлением загадочной летающей тарелки. Само командование обозначалось условным наименованием «Диомед». Придумав три звучных названия, власти получили полное основание считать себя на высоте положения.

В комнате «Диомеда» собралось множество высокопоставленных особ, среди них один генерал, двое знаменитых учёных — профессор Росси и профессор Теренцио, а также синьор Мелетти, по прозвищу Хитроумный Одиссей, полицейский и отец Паоло и Риты, приставленный к этим особам для выполнения срочных поручений. (Так, он уже раза два бегал организовывать для них кофе.)

— Я Дедал, вызываю командование,— вновь раздался голос пилота.

Генерал собственноручно склонился к микрофону и ответил:

— Я Диомед. Докладывайте.

— Высота неопознанного объекта около двадцати пяти метров. Чтобы рассчитать объём...

— Знаем мы геометрию! Ограничьтесь изложением фактов.

— Слушаюсь. Верхняя поверхность представляет собой восхитительную панораму сливочного цвета. Это поистине замечательное зрелище!

— Отставить восклицательные знаки!— рявкнул «Диомед».— Вы не продавец холодильников! Докладывайте о том, что видите — и точка. Приём.

— Слушаюсь, синьор. Вижу красные шары, равномерно распределённые по белой поверхности. Их несколько сот. Похожи на большие засахаренные вишни, если мне будет позволено сравнение.

— Не будет!— рассвирепел генерал.— Избавьте нас от сравнений! Лучше сосчитайте шары.

«Дедал» умолк — принялся подсчитывать шары, а профессор Росси озабоченно покачал головой и пробормотал:

— Ловко придумано, ничего не скажешь!

— Вы находите?— усмехнулся профессор Теренцио.

— А вы разве не думаете то же самое?

— Отнюдь, многоуважаемый коллега. Я думаю как раз обратное.

— Помилуйте, синьоры!— взмолился генерал.— Позвольте узнать, что же вы в конце концов думаете?

— Я Дедал,— вновь зазвучал репродуктор, прерывая беседу.— Вы меня слышите? Приём.

— К сожалению, слышим,— ответил «Диомед».— Слышим весь тот вздор, который вы несёте.

— Заметил бумажного змея.

— Что-о-о? Вы совсем ошалели!

— Подтверждаю, синьор: заметил бумажного змея. Поднимается с одной из крыш посёлка. Должен ли я пойти на перехват? Приём.

— Я Диомед. Ничего не предпринимайте. Оставайтесь на месте, мы сейчас произведём расследование. Кончаю приём.

Расследование было произведено немедленно и не заняло много времени: все бросились к окну и увидели бумажного змея — он поднимался навстречу загадочному объекту, трепыхая на ветру тремя разноцветными бумажными хвостами.

— Сигнализация с земли,— раздался зловещий голос.— Донесения тайных разведчиков. Очевидно, космические агрессоры имеют сторонников среди населения.

— Не может этого быть!— испуганно воскликнул полицейский Мелетти.— Я в Трулло всех знаю: славный народ, отличные люди. Какие у них сношения с марсианами, помилуйте!

— Что ж тогда?

«Чтоб я помер, это змей моего Паоло!»— воскликнул про себя Хитроумный Одиссей, осенённый ужасной догадкой.

Ни слова не сказав, не дожидаясь никаких приказаний, он очертя голову вылетел на улицу и вскочил на велосипед. Не прошло и нескольких минут, как он вкатил на обезлюдевший двор своего дома, вмиг отыскал взглядом свой балкон и громко крикнул:

— Паоло! Рита! Что вы там вытворяете? Почему вы не спустились в подвал со всеми? Вы что, не слышали тревоги?

— Папочка!— отозвалась Рита, хлопая в ладоши.— Иди помоги нам!

— Уберите немедленно змея! Вы что, хотите, чтобы меня упрятали в тюрьму за шпионаж?

— А мы ничутьюшки не шпионим, мы просто хотим достать кусок торта, вот и всё.

— Я вам дам торт! Чтоб духу вашего не было на балконе!

— Ну папочка...

— Хотите, чтобы я поднялся? А ну марш с балкона!

Удручённые ребяташки нехотя подчинились и выполнили по

крайней мере половину приказа: убрали змея. Но спускаться в подвал они и не подумали, а только ушли с балкона и продолжали наблюдать за небом из кухни.

— Жалко! — сказала Рита. — Ведь со змеем-то мы здорово придумали!

— Так-то оно так, да нам не ответили, — сказал Паоло.

— А кто бы, ты хотел, чтобы тебе ответил? Ведь это всего-навсего торт, как его ещё назовёшь?

— Это космический корабль, дурочка.

— Тогда зачем же ты согласился со мной и запустил змея?

— Уж конечно, не за тем, чтобы достать еще кусочек шоколада, я хотел подать сигнал марсианам.

— Эх ты, голова у тебя опилками набита! Да и у всех вас в голове опилки. Эти внизу хотят палить по тарту из пушек. Ты хочешь, чтобы торт написал тебе записку?

— Это не торт.

— А я тебе говорю — это торт; ты что, итальянского языка не понимаешь?

— Ладно, хватит! Давай лучше посидим да поразмыслим. Со змеем не вышло, может, что другое надумаем.

Несколько часов спустя:

— Диомед, я Дедал. Приём.

— Я Диомед. Докладывайте. Приём.

— Их тысяча двести сорок семь. Снова поднялся к верхней поверхности наблюдаемого объекта. Нахожусь на высоте шестьсот пятьдесят четыре метра над уровнем моря...

— Как вы сказали?

— Нахожусь на высоте шестьсот пятьдесят четыре метра над уровнем моря. А что?

— А то, что вы несомненно пьяны. Утром, когда вы впервые обследовали объект, вы доложили, что находитесь на высоте девятьсот восемнадцать метров. Чем вы объясняете разницу?

— Я не объясняю. Могу лишь определить её: девятьсот восемнадцать минус шестьсот пятьдесят четыре равно...

— Ну хватит. Кончаю приём.

И генерал подкрепил слово «кончаю» здоровенным ударом кулака об стол.

— Так вот какое дело, синьоры, — обратился он к присутствующим, — загадочный космический корабль приземляется.

Потянулось напряжённое ожидание, оно длилось до самого заката. Таинственный объект постепенно, метр за метром, терял высоту. К тому же часов около трёх дня, слабо колыхаясь, он начал пе-

ремещаться на северо-восток. «Диомед» с облегчением вздохнул: хорошо хоть, противник не намеревается снизиться на крыши и балконы и раздавить посёлок.

По примерным расчётам приземление должно было состояться на горе Коко — каменистом голом бугре, который возвышался за школой. Ребятишки бегали туда играть в любую погоду. На плоской верхушке бугра стоял соломенный шалаш абруцских пастухов, которые спускались зимовать со своим скотом в долину, а на середине склона — простой загон из колючей проволоки, куда загонялись на ночь овцы.

Что до генерала, то он охотно сократил бы время выжидания и открыл огонь. Но директивы правительства — а оно вот уже несколько часов поддерживало контакт с великими мировыми державами — категорически гласили: прибегнуть к оружию лишь в том случае, если неведомые пришельцы из космоса нападут первыми; воздерживаться от всяких враждебных действий во избежание жесточайших ответных мер, чтобы не привести к плачевному концу первую встречу человечества с существами другого мира; быть начеку, готовыми ко всему.

Вот почему, когда намерения летающей тарелки проявились, «Диомед» развернул свои боевые порядки вокруг холма по фронту в несколько километров. Пушки, огнемёты, танки, ракеты класса «Земля — Земля» взяли в кольцо осады гору Коко, когда непонятная штука мягко и беззвучно опустилась на неё, полностью очистив тронутое закатными красками небо.

ТАИНСТВЕННЫЙ СИНЬОР ДЖЕППЕТТО

— Прощай торт,— вздохнула Рита, наблюдая за манёврами осадных средств и сглатывая слюнки.

— Вот сумасшедшая!— пробормотал Паоло.— Тебе говорят: это космический корабль.

— Открой глаза! Не видишь, что ли, он весь внизу шоколадный. А сверху розовый, жёлтый, зелёный. Вкуснящий торт!

— Нет, это, наверное, цвета марсианского флага.

— Давай поспорим? Я говорю: торт; ты говоришь: космический корабль. Кто победит, тот забирает все карманные деньги на неделю.

— На месяц,— поправил Паоло.

— Хоть на целый год, хочешь?— подхватила Рита.

— Год — это долго...

— Ага, трусил! А я вот нисколько не боюсь.

— Ладно, на год так на год,— вспыхнув, ответил Паоло.— Ну, а теперь пойдём смотреть, что это такое.

Тут настал Ритин черёд призадуматься.

— А ты думаешь, нас пропустят?

Паоло не ответил. Он уже некоторое время смотрел в сторону Мальяны на пустынную дорогу, по которой брело стадо баранов под присмотром двух пастухов. Они шли с пастбищ, с жёлтых холмов Агро, изрытых заброшенными песчаными карьерами. Как всякий вечер, они возвращались на закате к горе Коко, проходя через весь посёлок.

«Хотел бы я посмотреть, как баранов будут загонять в подвал,— усмехнулся про себя Паоло.— И собаку тоже».

Но вооружённые силы ни о чём таком и не помышляли. Они стояли к Трулло спиной и видели перед собой лишь гору Коко и диковинную штуку, которая прикрывала её, словно огромная шляпа. Бараны сплошной кучей с блеянием продвигались вперёд, и когда какой-нибудь один отбивался от стада, норовя ущипнуть на обочине пучок травы, собака подбегала и загоняла его обратно в строй. Зорро, который продремал весь день на балконе, приветственно гавкнул своему собрату, но тот даже не обратил на него внимания — занят, мол, не до тебя.

— Возьми с собой совки,— сказал Паоло, вдруг что-то надумав.— Те, что ты брала на море в прошлом году. А я возьму карманный фонарик.

— Зачем?— удивилась Рита.

— Хочу выиграть спор. Ну, а если трусишь, не ходи.

— Вот ещё! Обязательно пойду!

— Тогда так: помнишь Хитроумного Одиссея?

— Ты хочешь, чтобы я про папу не думала?

— Дурочка, я про настоящего Одиссея говорю. Сколько раз я тебе про него рассказывал. Как он вышел из пещеры Полифема.

— А, он уцепился за шерсть на брюхе барана, по-твоему, мы тоже так сможем?.. Только ведь я у барана под брюхом не помещусь.

— И не надо. Пошли.

— А маме оставим записку?

Синьору Чечилию тревога застала в доме больного, и, перед тем как спуститься в погреб, она выбежала позвонить своим отпрыскам и велела им спрятаться у соседки. Оставить ей записку значило признаться, что они её не послушались.

— Мы вернёмся домой раньше неё,— сказал Паоло.

Рита не была в этом уверена, но, не раздумывая, последовала за братом. Сейчас главный был он. Бросив взгляд на Зорро, который все лаял на баранов, она взяла совки и вышла вслед за Паоло на лестницу.

Их никто не остановил в подъезде, никто не задержал на улице и не посадил под замок.

Паоло пропустил стадо и пристроился ему в хвост. Сестрёнка последовала за ним. Сторожевой пёс недоверчиво зарычал, но тут же бросился за ягнёнком, нарушившим строй. Пастухи, не оборачиваясь, спокойно приближались к холму. Похоже, они и думать не думали, что сегодняшний вечер особенный, что на их знакомой тропинке стал заслоном целый отряд пожарников, а на верхушке горы Коко разлеглась диковинная штукавина, от которой у всего мира дух занялся.

— Вы куда?— вдруг крикнул один из полицейских, услышав у себя за спиной топот стада.

— Добрый вечер, синьор лейтенант. Разве нельзя? Мы же пастухи, идём со стадом.

— А ну-ка, заворачивайте назад, ну!

Остальные полицейские обернулись и добродушно расхохотались. И это была их ошибка, как объяснил потом Паоло Рите. Бараны шуток не понимают. В двадцати метрах перед собой они видели лишь свой холм и привычный загон, который примет их на ночь. Они бы ещё послушались своих поводырей, но один был несмышлёный мальчонка, а другой туг на ухо. И не успели полицейские втолковать пастухам, что подниматься на холм нельзя, как упрямые да ещё напуганные бараны, толкаясь, напирая и отчаянно блея, прорвались сквозь ряды осадного воинства, подняв к небу тучу пыли.

— Делай, как я,— вполголоса приказал Паоло Рите.— Живее.

Он под шумок прошмыгнул на четвереньках в середину стада, и этого было достаточно — об остальном позаботились бараны. Они подхватили и понесли его вверх по склону — его и Риту с ним вместе. Когда прошёл первый страх, ей даже понравился такой способ передвижения, и она страшно веселилась, бодая баранов головой в их тёплые шерстистые бока.

«Ещё посмотрим, чей черепок крепче»,— думала она, скача на четвереньках. Сухие сучья и камни царапали и обдирали ей руки и колени, и ей стало так жалко себя, что по её щекам скатилось несколько слезинок, хотя она совсем не чувствовала боли.

— Давай сюда!— услышала она голос Паоло.

Чуть повыше загона виднелась низенькая полуразвалившаяся каменная кладка, и Паоло уже спрятался за ней, как за окопным валом.

— Здесь нас никто не увидит,— сказал Паоло.— Поднимемся вот по этому каньону.

«Каньон» был овраг на склоне холма, прорытый дождями.

— Ты взаправду хочешь туда?— боязливо спросила Рита и поглядела на верхушку горы.

Чуть повыше, метрах в двадцати над ними, темнел край диковинной штуки. Теперь, когда до неё было так близко, Рита даже про себя не осмеливалась называть её тортом: она вдруг стала для неё чем-то таинственным, Штукой с заглавной буквы.

— Если хочешь, жди меня здесь.

Паоло был уверен и полон решимости, словно Колумб, вступающий в Новый Свет. Но Рита справилась со страхом и сказала:

— Нет, пойду!

Недолгий молчаливый подъём вверх по склону — и вот уж до Штуки остались считанные шаги. Вблизи бок её имел зловещий вид неприступной стены.

— Я пойду первым, — сказал Паоло. — Дам знак — поднимайся ко мне. Услышишь крик — не пугайся.

— Господи боже, а вдруг в меня пульнут?

— Поднимайся ко мне, никто в тебя не пулнёт.

— Постой, на вот совок: если это торт, проделаешь в нём дырку, и мы спрячемся внутри.

Паоло нехотя принял совок. Ведь взять совок — это всё равно что отречься от всех своих убеждений. Да и смешно как-то выйти навстречу пришельцам из космоса с детским совком в руке.

«У них наверняка какой-нибудь смертоносный луч, дезинтегратор, и чего только нет!» — думалось ему.

Но он всё же взял совок — и правильно сделал, потому что на верхушке горы Коко его ждали не марсиане и не венерианцы, готовые раздавить его, словно козявку; и не было никакого космического корабля, хоть сколько-нибудь похожего на те, что он видел в фантастических фильмах. Там ждал его торт — только и всего.

Можно было даже не обладать тонким чутьём, чтобы услышать его запах, вернее, сотни, тысячи запахов, разнообразных и пьянящих. Паоло воткнул совок в стенку торта и мигом вырубил в ней нишу для себя и сестрёнки.

Рита напряжённо прислушивалась, ожидая, когда брат позовёт её, а на неё градом сыпались куски марципана и слоёного теста, лились водопады сладкого вина и ручьи наливки. Тут уж она не стала терять даром времени и принялась отведывать всё, что валилось ей под руку, и до того увлеклась, что Паоло пришлось трижды окликнуть её.

— Иду, иду! — отозвалась она с полным ртом и юркнула в ароматную нишу.

Паоло быстро замуровал вход глыбой засахаренного бергамота, оставив лишь маленькое окошечко для воздуха и света.

— Ну что, убедился? — спросила Рита и откусила от стены кусок побольше.

— Ладно уж, ты победила. Это торт. Я тебе заплачу.

— Ещё как заплатишь, для чего ж ещё и спорить! Не будешь зря бросаться словами.

— Ладно, я тебе должен. А теперь не мешай мне работать. Ну-ка подвинься, хочу проложить галерею. Надо исследовать весь торт. Ты что думаешь, я сюда обжираться пришёл?

— Фу, какой! У нас под ногами с полметра шоколаду, мы сидим в гроте из слоёного теста, нам тут безопаснее, чем Пиноккио в брюхе акулы, а у тебя всё исследования на уме!

— Ну, ты лопай, а я буду копать.

— Ладно уж! — снисзошла Рита. — Буду помогать тебе другой рукой. Для еды мне и одной хватит.

Паоло и Рита без труда проходили слои крема, сливок и миндальной нуги. Они перескакивали через ручьи густого сиропа, переходили вброд лужи смородинового сока, и луч их фонарика выхватывал из темноты маленькие гроты, промытые в недрах торта потоками ликёра, совсем как реки Карста, уходя в толщу гор, промывают там естественные пещеры и акведуки.

Время от времени на их пути вставляли огромные, как тумбы, засахаренные вишни. Паоло, которого жажда открытий, как мотор, гнала всё вперёд и вперёд, обходил их, ну а Рита знай себе набивала сочной мякотью рот. Одной рукой она рассеянно помогала пробивать галерею, другой ощупывала стенки из глазированных каштанов, пыталась запихнуть в рот большущий, как тыква, фаршированный орех и пробовала на зубок диковинные камни, которые попадались ей под ноги, — это были по большей части жареный миндаль и орехи.

— Давай, давай, — время от времени поторапливал её Паоло. — Да нет же, не здесь, вот так копай, по радиусу надо идти, только тогда доберешься до центра.

— Ах, как жалко! Вон оттуда, справа, потянуло холодком... Должно же тут быть мороженое!

— Эх, не взял я с собой компас, вот бы ориентироваться!

— А зачем? Тут повсюду торт: на север и на юг, на запад и на отток.

— Надо говорить не отток, а восток. Сколько раз я тебя учил!

— Ладно уж, знаю, что ты отличник! Зато кто мне проспорил? Фу, фу, в этом месте слишком много ликёру. Не опьянеть бы. Ай! Полилось... Ну-ка, попробую... Точно: не вода, а марсала. Караул, тону! Нет, ничего, всё в порядке. Топаем по бисквитам! Правду сказать, мне больше нравятся миндальные: они крепче.

Паоло не переставая работал совком и молча перечислял про себя материалы, которые ему приходилось обрабатывать: «Малиновое варенье... изюм... крем... фисташковое мороженое...»

Вдруг он остановился и схватил Риту за руку — тревога!

— Гаси фонарь! — шёпотом приказал он.

— Да ведь ничего особенного тут нет. Что случилось?

— Тише! Вон, посмотри.

Из стены перед ними, сквозь проделанное совком отверстие, пробивался тоненький лучик света.

Рита заглянула в дырку: там за стенкой была пещера... А посреди пещеры при свете электрического фонарика, воткнутого в апельсиновый цукат, сидел человек и что-то лихорадочно писал на листах бумаги, лежавших у него на коленях.

— Да ведь это Джеппетто! — прошептала Рита.

— Ну да, а ты Фея с синими волосами... Не мели чепухи. Дай мне подумать.

Паоло и Рита поочерёдно прикладывались к наблюдательному оконцу. Так прошло две минуты.

— Ну как, подумал?

— Нет ещё.

— Скажи хоть, о чём думать, тогда я тоже буду думать вместе с тобой. Ждать просто так — скучно!

— Ладно, пока будем звать его синьор Джеппетто, ведь надо же как-то его называть, — ответил Паоло. — Но кто он такой? Что он тут делает? Как сюда попал?

— Я почём знаю, может, как мы, так и он. И потом, видишь: он пишет — значит, он писатель. Журналист.

— Ну ладно, теперь у тебя есть о чём думать? Думай да помалкивай, пока он нас не заметил.

Рита притихла и стала лизать стенки из мороженого. Но в ту же минуту тишина взорвалась, словно бомба.

— Это Зорро! — воскликнула Рита. — Прибежал по нашим следам.

— Всё погибло, — сказал Паоло тоже во весь голос: он так взволновался, что позабыл про всякую осторожность.

Зорро с радостным лаем бросился к ним, а Паоло припал к отверстию да так и обмер: таинственный синьор Джеппетто вскочил на ноги и стал испуганно озиаться по сторонам.

— Молодец, Зорро! — прошептал Паоло.

Пёс улёгся и завилял хвостом.

— Синьор Джеппетто услышал, — сказал Паоло. — Он обходит пещеру, осматривает стены...

— Похоже, пора смываться.

— Постой. Мне хочется установить...

— Ну да, вот он сейчас сам нас «установит», тогда узнаешь!

— Тихо. Он подходит сюда.

Загадочный обитатель торта, осматривая стены пещеры, подошёл вплотную к отверстию, и Паоло мог рассмотреть его вблизи. Это был староватый, лысоватый, сутуловатый — словом, во всех отноше-

ниях чуточку «атый» человек, вот разве что стёкла очков у него были не толстоватые, а прямо-таки толстенные, толщиной в палец, а за ними сверкали необычайно живые чёрные глаза. На нём был длинный широкий балахон, нечто среднее между халатом продавца и фартуком аптекаря. На шее болтался похожий на тряпку галстук, измятый воротник был расстёгнут.

— Бежим, Паоло!

Но Паоло словно прирос к глазку в стене и даже не шелохнулся, когда «синьор Джеппетто» навёл на него свои окуляры. С обеих сторон стены — а она, как мы знаем, была из фисташкового мороженого — две пары любопытных глаз сверлили друг друга взглядом. У Паоло душа в пятки ушла, но он не сдвинулся с места. А загадочный и, ясное дело, не настоящий синьор Джеппетто, похоже, ничуть не испугался. Он крикнул раздражённым голосом:

— Сквак сквок карапак пик!

Такие примерно звуки слышали Паоло и Рита. А также голос Зорро — он вскочил и залаял.

— Брек брок караброк пок! — выкрикнул старикан и принялся обеими руками расширять отверстие. В несколько секунд он проделал в стене окошко и выглянул в него, не переставая квакать на своём непонятном языке.

— Бежим! — крикнул Паоло и попятился назад, не спуская глаз с лица в квадратном окошке посреди зеленоватой стены, освещённой дрожащим лучом фонарика в руке любопытной Риты.

И тут он увидел, или ему почудилось, что за стёклами очков мелькнула улыбка... Ну, а потом они повернулись и ну нарезать во все лопатки по галерее, так что пятки засверкали. Задыхаясь, продирались они сквозь топи сиропа, ликёра и мармелада, с разбегу налетали на стенки из сливок и слоёного теста.

А вон и свет блеснул там внизу... Уже ночь, но все прожекторы зажжены и наведены на торт... Паоло лихорадочно соображал, пробивая отверстие для выхода, потом бросил фонарик под гору и крикнул:

— Зорро, возьми!

Зорро не заставил повторять приказание: он с лаем выскочил из галереи и помчался за фонариком вниз по склону, верный старой игре, которой Паоло и Рита обучили его. Лучи прожекторов, рассекая воздух, вмиг обратились на него. Внизу поднялась страшная суматоха.

Замысел Паоло оправдался. Они побежали вниз по склону, оставленному во тьме словно взбесившимися прожекторами.

— Ну, вот и выбрались...

— Ой, мамочки! — вдруг воскликнула Рита. — Ботинок потеряла!

— Где?

— Не знаю, наверное, когда спускались с горы. Пойти поискать, что ли?

— Умница! Тебя съапают, и всё откроется.

— А торт съедят! Нет уж, ну его, этот ботинок.

Мама дома не было. Она пришла полчаса спустя, когда «Диомед», уверившись, что марсиане не проявляют враждебных намерений, разрешил обитателям выйти из подвалов.

— Вы хорошо себя вели? Испугались?

— Да, мама,— ответил Паоло на первый вопрос.

— Нет, мама,— ответила Рита на второй.

— Молодцы!— сказала синьорина Чечилия.— Сейчас я приготовлю вам ужин.

«Караул»!— подумала про себя Рита, но смолчала.

ЗОЛУШКИН БОТИНОК

Прожекторы оставили Зорро в покое и вновь залили холм потоками света, и тут один из пожарников заметил детский ботинок, он лежал в запретной зоне, прямо у него под носом.

— А ведь этого ботинка тут раньше не было,— сказал он.— Я с этого места весь вечер глаз не спускаю, каждый камешек на нём сосчитал. Ей-богу, только что никакого ботинка тут не было. Правда, сдаётся мне, вроде бы я видел, как сверху что-то такое пронеслось, когда тут вся эта каша вокруг глупого пса заварилась...

— А ты отнеси ботинок начальству да обо всём и доложи,— подал ему мысль товарищ.

— И то верно, пойду отнесу.

«Диомед», он же командование, принял ботинок скептически.

Генерал спросил у присутствующих, уж не ставит ли ОКО своей целью открыть торговлю ношеной обувью. Присутствующие, среди которых особенным — научным — смехом выделялись профессор Теренцио и профессор Росси, усмотрели на подошве ботинка две дырки: не иначе как марсиане носят такие ботинки на голове, сказали они, на манер шлема, а в дырки продевают антенны. Но полицейский Мелетти — он тоже присутствовал при разговоре — недаром прозывался Хитроумным Одиссеем. Он напал прямо-таки на хитроумную мысль.

— Прошу прощения, синьоры,— сказал он.— Детишки, известно, пренебрегают опасностью и не понимают, что хорошо, что плохо. Кто поручится, что противник, или обитатели неопознанного объекта, не подговорил какого-нибудь ребёнка собирать для него информацию?

— Ближе к делу,— сказал генерал.

— Так вот, если какой-нибудь мальчишка действительно побывал там, наверху, внутри этой штуки, и, удирая, потерял ботинок, мы можем довольно легко это установить.

— Каким образом?

— Проверить ботинки у всех ребят в посёлке.

— Это что же, как в сказке о Золушке!— со смехом отозвался профессор Теренцио.

— А что ж, сказка ложь, да в ней намёк,— возразил профессор Росси: ведь надо же хоть как-то наперчить собрату по науке.

— Ладно,— отрубил генерал.— Сличите ботинок. Не добьётесь ничего путного, так хоть заработаете благодарность какой-нибудь мамыши. Как-никак доброе дело.

— Хитроумный Одиссей завернул ботинок в газету, обвязал пакет толстым шпагатом, опечатал и положил в шкаф школьной библиотеки, наказав часовому всю ночь не спускать с него глаз.

— Военная тайна,— сказал он.— Никому ни гугу.

Когда он пришёл домой, дети уже спали. Он вкратце изложил синьоре Чечилии события дня, но про ботинок умолчал: военными тайнами не положено делиться даже с жёнами.

Наутро он спозаранку явился в штаб, достал ботинок и пустился в обход — дом за домом, лестница за лестницей, двор за двором.

Тук-тук!..

— Кто там?

— Откройте, синьора Роза. Это я, полицейский Мелетти. Насчёт вашего сына.

— Ну, что там ещё натворил мой негодник?

— Ничего особенного, синьора Роза. Просто приказ командования. Требуется сличить ботинок.

Синьора Роза — или синьора Чезира, или синьора Матильда — в капоте и туфлях на босу ногу выходила к дверям с кувшином в руке, потом будила своего «негодника», и сличение начиналось.

— Как же вы не видите, синьор Мелетти? Ведь это ботинок тридцать второго размера. А мой сын носит сороковой, смотрите, какие здоровущие...

— Приказ есть приказ...

Сличались ботинки целых выводков спящих малышей, и отцы, брея бороды, спрашивали:

— А что, муниципалитет собирается даром раздавать непарные башмаки, да ещё с дыркой? Ах нет, даже с двумя!

— Терпение, терпение, приказ есть приказ.

Разумеется, к ботинку находились парные, и тогда синьор Мелетти учинял допрос.

— А где другой?

— Какой — другой? Другой обуви у моей девочки нет.

— А где ты была вчера вечером в десять часов?

— Синьор Мелетти, — отвечала за девочку мамаша, — во Франции она была, прокатилась в Париж. Где ж ей ещё быть в это время, как не в постели? У меня свидетели есть, спросите хоть у синьора Густаво напротив, он весь вечер у нас просидел, смотрел телевизор.

Синьор Густаво подтверждал. Странствие Хитроумного Одиссея продолжалось.

— А ведь, сдаётся, видел я уже где-то этот ботинок, — бурчал себе под нос рьяный блюститель порядка. — У кого-то на ногах я его уже видел, прах меня разбери. Да, да, видел я уже этот ботинок, как пить дать видел, вот и две дырки на нём. Да, кстати, про какие такие дырки толковала мне утром моя жена? Ах да, Ритучча опять износила ботинки. Обувь на ней так и горит, на этой девчонке, прямо-таки сгорает.

Так, обходя двор за двором, синьор Мелетти добрался до своего дома. Перво-наперво он постучался к привратнице; у неё была дочь лет пяти-шести, и она имела зуб на синьора Мелетти и на всех поли-

цейских за то, что года два назад её мужа оштрафовали за превышение скорости.

— Ваша девочка уже встала, синьора Матильда?

— А вы что, пришли её штрафовать?— последовал язвительный ответ.

— Нет, нет, никаких штрафов. Дело вот в чём...

И Хитроумный Одиссей принялся объяснять синьоре Матильде цель своих полицейских изысканий. А тем временем на лестничные площадки высыпали женщины и дети — наблюдать за ходом переговоров. Всегда есть на что посмотреть, когда встречаются синьор Мелетти и синьора Матильда.

— Ах, вот в чём дело!— передразнила синьора Матильда.— По-вашему, выходит, моя девочка марсианская шпионка!

— Я этого не сказал.

— Ну да, вы этого не сказали, зато подразумевали.

— Ну, словом, приказы отдаю не я.

— Ну конечно, вы только штрафы дерёте!

— Я исполняю свой долг!— вскипел синьор Мелетти.

— Ну так проходите, примеряйте ботинок, святая дева Мария! Что, велик, золотко моё? Ладно, возвращайся в постельку, шпионочка ты моя ненаглядная! А теперь я примерю ботинок!

— Помилуйте, синьора Матильда, приказ относится только к детям!

— Э, нет, измываться над бедными ребятишками всякий может. Посмотрим, пройдёт ли у вас этот номер со мной...

— Помилуйте, вы раздавите мне ботинок!

— Это я-то? Да я лёгкая, как пушинка. Во мне всего сто двенадцать кило. Нет уж, видно, придётся заводить балаган да показывать на ярмарках аттракцион «женщина-гренадерша»— и то больше заработаешь.

По лестнице прокатился хохот, и на площадки высыпали все те, кто ещё оставался в квартирах, среди них синьора Чечилия, Паоло и Рита.

Синьора Чечилия, увидев, что её супруг воюет с привратницей, бросилась на подмогу. Паоло последовал за ней, а Рита, чуя недоброе,— за Паоло: она сразу разглядела, вокруг чего идёт свара.

— Ну так начнём!— объявила на весь дом синьора Матильда, сбросила туфлю и сунула свою слоновью ногу в ботинок.

— Большой палец влез,— торжествующе пробасила она.— Вот увидите, войдут и остальные.

— Стой, что ты делаешь?— крикнула синьора Чечилия.

— Ставлю эксперимент по приказу твоего супруга.

— Да ты что, ослепла, ведь это Ритин ботинок! Это ещё что за идиотские шутки!

Синьор Мелетти так и застыл на месте с разинутым ртом, словно его громом трахнуло. А синьора Матильда разразилась таким хохотом, что чуть не задохнулась, и соседке пришлось принести ей стакан воды.

— Ты мне объяснишь, что здесь происходит?— кричала синьора Чечилия, яростно тряся синьора Мелетти за плечо.

— Это военная тайна,— насилиу выдохнул из себя Хитроумный Одиссей.

— Где ты нашёл ботинок? Это ещё что за комедия!

— Молчи, я не имею права говорить.

Но вот он пришёл в себя, с профессиональной суровостью повёл взором вокруг и сказал:

— Очистить помещение! Расходитесь, граждане, расходитесь. Представление окончено.

Первым исполнил приказание Паоло, он выбрался потихонечку из ворот и был таков. Рита хотела шмыгнуть за ним, но отец схватил её за руку:

— А ну-ка поди сюда!

Рита вырвалась и тесно прижалась к маме. Та всё ещё ничего не понимала и продолжала негодовать:

— Нет, вы только посмотрите, как эта толстомясая отдала ботинок нашей Ритуччи! Не иначе как спятила! Ну да ладно, хорошо смеётся тот, кто смеётся последним!

ТЯЖЁЛЫЙ СЛУЧАЙ

Ещё несколько минут синьор Мелетти разгонял зевак и поэтому, когда подошёл к двери своей квартиры, нашёл её запертой на щеколду изнутри.

— Именем закона — открой!— крикнул он супруге.

— Какого ещё закона? Чего ты привязался к ребёнку?

— Спроси лучше, чего она натворила. Спроси, как и где она потеряла ботинок... Дапусти же меня наконец, ведь соседи всё слышат!

Последний довод убедил синьору Чечилию приоткрыть дверь. Но прежде чем впустить мужа, она долго изучала его лицо. Оно было как обычно, только, пожалуй, чуточку озабоченнее, но без каких-либо признаков бешенства.

— Ладно, входи. А ты кончай реветь.

Последние слова относились к Рите, которая плакала навзрыд.

— Наша дочь шпионка!— воскликнул синьор Мелетти, без сил оседая на стул. И, помахав в воздухе ботинком, добавил:— Вот доказательство.

— Какое доказательство? Дырки? Это доказывает всего-навсего то, что Ритучче нужны новые ботинки.

— Ты ничего не понимаешь.

— А что ещё я должна понимать?

Пришлось синьору Мелетти рассказать всё о ботинке, начиная с обнаружения его в зоне военных операций и кончая подозрением в том, что марсиане используют детей для сбора информации. Рассказал он и о своём расследовании.

— Не подлежит сомнению,— заключил он,— что наша дочь работает на марсиан.

— Никакие они не марсиане!— не удержавшись, всхлипнула Рита и вытерла слёзы о юбку матери.

— Вот видишь!— громовым голосом подхватил Хитроумный Одиссей.— Она знает, кто они такие, она была там, была там, наверху, и видела их! И потеряла ботинок, когда выходила из космического корабля.

— Никакой это не космический корабль!— возразила Рита.— Это торт.

Тут мамаша мигом переменяла фронт и дала ей подзатыльник.

— Я тебе дам торт!

Была у синьоры Чечилии такая привычка — давать сразу, не обещая. И Рита вновь расплакалась, на этот раз от обиды, что ей не поверили.

— Да, торт, торт!— твердила она, всхлипывая.— Сейчас я вам докажу.

Она выбежала на балкон, родители последовали за ней. Она оставила горшок с геранью и сказала:

— Вот.

Припрятать остаток торта надумал Паоло. Он завернул его в старую газету, перевязал пакет верёвочкой и повесил на балконе снаружи. Синьора Чечилия с величайшей осторожностью, словно это был бикфордов шнур, потянула за верёвочку. Пакет развязался, и все увидели, что в нём.

— Шоколад,— изрекла синьора Чечилия, всецело доверяясь своему чутью.— Откуда ты взяла?

— Кто тебе дал?— набросился на дочку синьор Мелетти.

— Никто мне его не давал. Он с неба свалился, оторвался от торта, когда торт садился на гору Коко.

Ещё один подзатыльник убедил Риту в том, что мама не верит ни единому её слову.

— Вот видишь!— воскликнул синьор Мелетти.— Она их покрывает! Выдумывает небылицы, чтобы покрыть этих там, наверху. Теперь ты убедилась, что она шпионка?

— Не знаю, шпионка ли,— отвечала синьора Чечилия.— А вот

что врушка — это точно. Только не могла же она выдумать всё это одна? Где Паоло?

В самом деле, где Паоло?

— Смылся под шумок,— констатировал синьор Мелетти.— Но ничего, доберёмся и до него. А пока надо идти в штаб.

— В штаб? Да ты в своём уме? Моя дочь в штаб не пойдёт.

— Подумай, Чечилия! Отечество в опасности! Да что там отечество — человечество в опасности! Мы не смеем утаивать информацию, которой располагаем.

— Как может торт угрожать отечеству!— воскликнула Рита.

Мать отпустила ей третий подзатыльник, а в придачу добавила:

— Помалкивай, не то хуже будет!— Затем сказала мужу:— Сделаем так. Иди в штаб и расскажи, в чём дело. И если командование захочет поговорить с Ритой, пусть приходят и располагаются здесь.

Синьор Мелетти хотел возразить супруге, но, отлично зная, что, приняв решение, она не переменит его, он в конце концов смирился и вернулся в штаб с ботинком и куском торта в пакете.

«Диомед» — иначе сказать, сливки гражданского, военного и учёного мира — выслушал его доклад с величайшим скептицизмом.

— У детей пылкое воображение,— пробурчал генерал.

— Да уж, выдумывать они любят,— поддакнул один полковник.

— Но ведь это же на самом деле кусок шоколада!— пробормотал Хитроумный Одиссей.

Он, разумеется, испытал немалое облегчение, что его дочь не сочли за шпионку, однако был очень недоволен, что её сочли просто лгуньей.

— Ну, а что скажет по этому поводу наука?— спросил генерал.

Профессор Росси и профессор Теренцио наклонились и понюхали улику.

— Ничто не мешает предположить, что марсиане не хуже нас умеют изготавливать шоколад,— изрёк профессор Росси.

— Ничто не мешает предположить, что дети нашего бравого блюстителя порядка купили шоколад в кондитерской,— изрёк профессор Теренцио.

— Это исключено,— отозвался синьор Мелетти.— По пути сюда я обошёл все кондитерские. Во-первых, ни в одной кондитерской в Трулло не продают шоколад такими большими кусками. Во-вторых, последний раз моих детей видели в кондитерской на прошлой неделе. Они купили две жевательные резинки. Этот шоколад не труллианского происхождения.

— Но это еще не означает, что он с неба свалился,— возразил профессор Теренцио.

— Попробуем на вкус?— предложил профессор Росси.

— Спокойно, спокойно,— высказался профессор Теренцио.— Давайте лучше отдадим его на химический анализ. Если он внеземного происхождения, в нём обнаружится какой-нибудь неизвестный нам элемент.

— Ага, боитесь!— сказал профессор Росси.— Значит, и вы того же мнения, что...

Профессор Теренцио побледнел и стукнул кулаком об стол.

— Я ничего не боюсь. Я действую в интересах науки.

— В интересах науки,— возразил профессор Росси,— мужественные врачи прививали себе самые страшные болезни.

— Это вызов!— громогласно заявил профессор Теренцио.

— Так точно,— подтвердил профессор Росси, в свою очередь побледнев.— Сейчас мы отрежем по кусочку этого предполагаемого шоколада и съедем, тогда и увидим, земной он или космический.

По сливкам общества пробежал трепет волнения.

— Синьоры,— робко возразил генерал,— вам не кажется, что это неблагоразумно? Можно ли допустить, чтобы два выдающихся ума современности пожертвовали собой ради...

— Мне бросили вызов!— с достоинством отвечал профессор Теренцио.

— Мои дети утверждают,— пробормотал синьор Мелетти,— что они съели не меньше полкило этого шоколада, что это отличный шоколад и что он легко усваивается.

— Хватит болтать,— сказал профессор Росси.— Приступаем к эксперименту.

В комнате повисло тревожное молчание. У сливок общества дух захватывало при виде бледных, как мертвецы, светил, которые пожирали друг друга глазами, намереваясь проглотить два малюсеньких кусочка загадочного вещества.

— Прошу заметить, генерал,— сказал профессор Росси, торжественно чеканя слова,— какие важные последствия может иметь этот момент. Возможно, от нашего эксперимента зависит спасение всего человечества. Присутствие на нашей планете космических агрессоров, на мой взгляд, представляет бóльшую опасность, чем взрыв атомной бомбы. Находясь в здравом уме и трезвой памяти, я...

Профессор Росси говорил долго и цветисто — до того долго, что присутствующие в глубине души начали спрашивать себя: «Проглотит или не проглотит?»

Затем слово взял профессор Теренцио. Он рассуждал о Солнечной системе и космосе, взывал к великим именам Данте, Галилея, Коперника и Ньютона, вскользь помянул о различии между пещерным человеком и профессором Эйнштейном — короче, говорил блистательно, и вся его речь исправно накручивалась на магнитофон, дабы ни одно слово из неё не пропало.

И снова присутствующие начали спрашивать себя: «Съест или не съест?»

Похоже, оба учёных ожидали, что и генерал произнесёт подходящую к случаю речь, но генерал хранил гробовое молчание.

Свирепо уставясь друг на друга, словно два дуэлянта в решающий момент дуэли не на жизнь, а на смерть, учёные с героической самоотверженностью положили по кусочку шоколада на кончик языка.

Взяли в рот.

Пожевали.

Проглотили.

Несколько секунд они каменели в неподвижности — ни дать ни взять две статуи в городском саду. Потом по лицу профессора Росси поползла гримаса, и такая же гримаса, как в зеркале, отразилась на лице профессора Теренцио.

— Ну что, дрянь шоколад?— спросил синьор Мелетти, совершенно не почувствовавший важности момента.

На него с негодованием зашикали.

— Дубина...— буркнул в сторону генерал. Затем обернулся к учёным:— Итак, синьоры? Мы ждём.

— Испытываю что-то вроде удушья,— проговорил профессор Росси.

— А я совсем задыхаюсь...— выдавил из себя профессор Теренцио.

— Возможно... Возможно это...— начал первый.

— ...яд!— закончил второй.

— «Скорую помощь», быстро!— приказал генерал.— Срочно доставить их в ближайшую больницу.

— Караул!— завопил синьор Мелетти.— Рита! Милая моя Ритучча! Паоло! Их тоже надо в больницу! Скорее, ради бога, скорее!

Профессор Росси и профессор Теренцио корчились, словно в страшных муках, трясущимися руками расстёгивали на себе воротнички, хватались за генерала, за полковника, за всех присутствующих.

— Вот!— выкрикнул кто-то.— Вот что получается, когда медлят пустить в ход пушки!

Кто произнес эту историческую фразу, осталось невыясненным: в комнате поднялся страшный переполох.

ПРОФЕССОР ИКС

Между тем как «скорая помощь» под пронзительный вой сирены увозила в больницу двух жалобно стонавших учёных и Риту, которая, наоборот, уверяла, что чувствует себя прекрасно, удручённый и встревоженный Паоло бродил где-то в поле.

Ух, какое вредное утро!.. Чтобы скоротать время, он стал гоняться за ящерицами в старом заброшенном карьере. Ужасно интересное занятие, когда прогуливаешь уроки, ну, а теперь это ему сразу надоело. Он не взял с собой никакой еды, но, по правде говоря, есть после вчерашнего обжорства ему нисколько не хотелось. Когда издали донёсся рёв сирены, он решил, что уже полдень, и ноги, словно по команде, понесли его обратно в Трулло, а в голове не переставая вертелись мысли о том, что приключилось с ним в торте.

«Эх, слишком быстро мы удрали,— размышлял он,— вид-то у этого синьора Джеппетто, или как там его ещё звать, совсем не страшный. И на марсианина он ни капельки не смахивает. Похоже даже, он заулыбался, когда мы показали ему пятки».

Паоло шёл по улицам, а сердце так и прыгало у него в груди: вдруг его разыскивают? Из одного двора его окликнул знакомый мальчишка:

— Тебя что-то весь день не было видно. Ты что, болел?

— Да,— быстро ответил Паоло,— а теперь выздоровел.

«Значит, никто ничего не знает,— заключил он про себя.— Лишь бы не попасться на глаза отцу».

Так он шёл и шёл и наконец упёрся в цепь пожарников. Торт на вершине холма не подавал признаков жизни. Паоло разговорился с одним из пожарников, и тот сказал, что, по его мнению, приказ о штурме ожидается с минуты на минуту.

— Сперва, конечно, объявят тревогу, и всем штатским придется отчалить.

— Хотите устроить марсианам душ?— мрачно спросил Паоло.

— Душ я устрою тебе, если ты сейчас же не уберёшься отсюда.

Тут, откуда ни возьмись, с весёлым лаем прибежал пёс семейства Мелетти.

— Зорро!— радостно воскликнул Паоло и бросился ласкать его.— Где гонял, побродяжка?

Зорро блаженно завилял хвостом.

— Метишь снова наверх...— пробормотал Паоло, почёсывая его за ухом.— погоди, сейчас посмотрим, что тут можно поделывать.

Идея родилась, как только его взгляд упал на вросший в землю камень, словно кто нарочно подложил его тут. Паоло поднял камень и, улучив момент, когда пожарник зазевался, изо всех сил метнул камень вверх по склону. Зорро принял приглашение к игре и бросился за камнем, чтобы принести его хозяину. Но у Паоло совсем другое было на уме. Как только пёс проскочил через оцепление, Паоло кинулся за ним и закричал:

— Помогите, помогите! Моя собака! Не хочу, чтобы она досталась марсианам! Арго, Арго!

— А ну, назад!— загалдели пожарники.— Назад, дурачок! Тебе что дороже, собака или жизнь? Совсем ошалел мальчишка. Назад, тебе говорят!

Но Паоло точно оглох. Зорро уже возвращался к нему с камнем в зубах, как вдруг повернул и побежал обратно вверх по склону, будто смекнув, чего хочет от него хозяин.

— Мальчик, вернись! Это опасно!— кричали пожарники. Тем временем на шум уже начал сбегаться народ.

— Да ведь это сын синьора Мелетти!— крикнул какой-то мальчишка.— Ой, смотрите, там, наверху, кто-то есть!

— Марсианин! Марсианин!

— Глядите, он схватил Паоло и тащит его за собой!

У входа в галерею Паоло в последнюю минуту почудился блеск очков таинственного «синьора Джеппетто», и он на секунду заколебался.

«Так ведь для того ты и явился сюда, чтобы разузнать, кто это»,— мелькнула у него отчаянная мысль.

Но кем бы ни была таинственная личность, она решила за него: протянула руку, схватила его за куртку и втащила в галерею, отбрыкиваясь от Зорро, который вцепился ей в ногу.

— Квек, квереквек, переброк!— заверещал загадочный незнакомец на своём непонятном языке.

— Стой, Зорро! Веди себя прилично,— приказал Паоло. Что-то подсказывало ему, что этому человеку можно довериться, каковы бы ни были его намерения.

— А ведь это итальянский,— пробормотал «синьор Джеппетто».— Стало быть, мы в Италии? Заставь замолчать эту собаку, мальчик, и говори сам.

— Зорро, фу! Молчать! Лежать!.. Да, синьор, мы в Италии, в Риме.

— В Италии... в Риме...— повторил «синьор Джеппетто».— Боже милостивый!

— А что, вы сбились с курса?

— Сбился с курса?

— Ну да, я думал, может, торт в другое место доставляли?

— Как видно, ты принимаешь меня за пирожника... Нет, мой мальчик, я не пирожник, я самый настоящий сапожник.

— Вы отлично говорите по-итальянски.

— Ну, что до этого, то я владею дюжиной языков не хуже своего родного.

— Марсианского?— робко спросил Паоло.

— Марсианского?— переспросил «синьор Джеппетто».— А, понятно. Теперь понятно всё это развёртывание боевых порядков, все эти пушки, ракеты... Ну конечно! Иначе и быть не может. Разумеется, марсиане. Тревога! Вторжение инопланетного агрессора! Боже мой, это конец! Я пропал.

И он впал в такое отчаяние, что Паоло имел полную возможность справиться со своим замешательством. Он уселся на большую засахаренную вишню, а Зорро принялся усердно облизывать её языком.

— Меня зовут Паоло. А мою сестрёнку — Рита. Вчера вечером она была здесь вместе со мной, а сегодня уж и не знаю, куда девалась.

— Паоло...— повторил «синьор Джеппетто».— Прости, что не могу, в свою очередь, представиться. Моё имя — государственная тайна.

— А какого государства?

— Это тоже тайна. Так что не спрашивай, всё равно я не смогу тебе ответить. Впрочем, кажется, я вообще забыл, как меня зовут, такая это тайна. Если угодно, зови меня просто профессор Икс.

— Тогда, может, лучше звать вас профессор Джеппетто. Это Рита придумала вам такое имя.

— Кто такой Джеппетто?

— Как, неужели вы не знаете историю Пиноккио?

Профессор Икс с сожалением признал, что ничего о нём не слышал, и Паоло с места в карьер пустился рассказывать ему о приключениях славного Буратино, но профессор не дослушал его до конца.

— Как по-твоему, что это такое?— спросил он, делая широкий жест рукой.

— Вкуснейший торт, профессор,— ответил Паоло.— Самый большой, самый невиданный торт на свете. Летающий торт, самый большой из всех предметов, которые прилетали к нам из космоса.

— То-то и оно, что торт. Как только я в этом убедился, ну, думаю, у тебя ум за разум зашёл. Галлюцинации у тебя, сказал я себе, всюду тебе мерещатся шоколад, крем, фисташки и всякая такая штука. Но как ни печально, факт остаётся фактом: это торт, глупый торт, и ничего, ничего больше.

— Глупый торт? И это печально? О чём вы говорите, профессор?

— Тебе не понять.

— Ну, уж извините, пожалуйста, в шоколаде-то я толк понимаю, и можете мне поверить, это люкс шоколад.

— Да, это так. Он ничуть не радиоактивен.

— Откуда вы знаете?

— У меня счетчик. Там, в пещере. Счётчик Гейгера. Слышал про такой?

— Прибор для измерения радиоактивности?

— Он самый. Так вот, во всём этом чудовищном идиотском торте нет и следа радиоактивности. Я изрыл его вдоль и поперёк, я разворотил его чуть ли не по двадцати радиусам, раскапывал по окружности, с поверхности, в самой глубине — и абсолютно ничего. Вот это-то и сводит меня с ума.

— Постойте, что же тут плохого? Если бы торт был радиоактивный, его нельзя было бы есть.

— Ах, я уже сказал: тебе не понять.

— Ну так объясните.

— Объясню, сколько могу. Некоторые подробности, разумеется, составляют государственную тайну и потому опускаются. Начнём с того, что я учёный-атомник.

— Земной?

— Ну разумеется, земной. Да ты сам-то не видишь разве?

САМАЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ОШИБКА НА СВЕТЕ

— Полгода назад,— продолжал профессор Икс,— я получил важное правительственное задание — изучить проблему атомного гриба, и притом с определенной целью. Что такое атомный гриб — знаешь?

— Ещё бы! Это такое смертоносное облако, которое образуется после взрыва атомной бомбы. Так, что ли?

— Примерно так. Ну, а потом, сам знаешь, ветер подхватывает облако и разносит во все стороны...

— Отравляет воздух, отравляет дождь и всё такое прочее. Хороший способ рассеивать с воздуха всякую заразу.

— Ну вот и подумай. Большая часть атомного облака рассеивается в атмосфере, и его смертоносный эффект утрачивается.

— Ну и слава богу!

— Как сказать, мой мальчик. Ты плохой экономист. Зачем же терять столько драгоценных веществ?

— Этих самых... ядовитых, что ли?

— Ну да, ядовитых. Вот у нас в правительстве и подняли вопрос: что, если получить управляемый атомный гриб? Ведь тогда можно как угодно вертеть им в атмосфере. Пусть себе ходит в небе вокруг Земли, словно маленькая Луна, а понадобилось — спусти его тут, спусти там, снова подними в воздух и направь на другой объект. Вот и выходит, что одна-единственная атомная бомба сможет заменить целый атомный арсенал.

— Хорошенькое дело! — возмутился Паоло. — Ничего себе удовольствие: сперва тебе на голову валится бомба, а потом ещё и гриб в придачу! И охота вам, учёным, заниматься такими делами!

— Это делается из экономических соображений,— совершенно серьёзно ответил профессор.

— Ну уж простите, пожалуйста! А что, если вовсе не делать атомных бомб? Вот экономия так экономия!

— Тебе это не понять. Это политика. А я в политику нос не сую. Я всего-навсего учёный. Вернее даже, был когда-то учёным, а теперь, увы!..

— Продолжайте, пожалуйста, профессор. Вы получили правительственное задание, и что дальше?

— Я сразу засел за разработку проекта управляемого атомного гриба. Не к чему говорить, сколько экспериментов, сколько пота...

— ...и денежек,— вставил Паоло.

— ...ушло на это. Словом, месяц назад я как будто нашёл решение проблемы. Я передал на завод чертежи и лично наблюдал за всеми приготовлениями, за всем процессом производства пробной бомбы. И бомба вышла на славу, скажу я тебе.

— На славу?

— Ну прямо-таки расчудеснейшая, самая замечательная атомная бомба на свете. Высококачественные материалы, элегантное оформление, совершеннейшее устройство. Помню, как её вспрыскивали. Знамёна, шампанское, пирожные. Волнующее торжество. Министр поздравлял, так чуть мне всю руку не отдал и на радостях уронил в бомбу пирожное. Знаешь, эти пирожные с кремом и шоколадом. Вот смеху-то было! Но это не могло испортить механизм бомбы. По крайней мере, так я думал вначале, но теперь, увы, думаю иначе. Ну ладно, настал день испытаний. Бомбу предполагалось сбросить с самолёта и взорвать на высоте десяти километров над землёй, вернее, над морем. Предполагалось, что я буду лично наблюдать с самолёта за атомным грибом, этак с полчаса поуправляю им, а затем потоплю в заданном районе океана.

— Какого океана?

— Не могу сказать, сынок. Государственная тайна.

— Океан Государственная тайна? Нет такого на географических картах!

— Да постой ты, дай договорить. Всё шло хорошо до самого взрыва. Я велел пилоту следовать на определенном расстоянии за грибом и приготовился к важнейшей части испытаний. Но гриба попросту не образовалось! Атомное облако быстро сгустилось, приняло форму плоского цилиндра, и он стал медленно вращаться вокруг своей оси. Что за чертовщина, думаю, но ягодки были ещё впереди: вдруг оказалось, что эта штукавина абсолютно не подчиняется разработанной мною системе телеуправления. Я подходил к грибу и так, и этак, и сверху, и снизу, но, как ни старался направить его в какую-либо сторону, не тут-то было: он был неуправляем. Пилот вконец изнервничался и заявил, что горючее на исходе и пора возвращаться на базу, если мы не хотим свалиться в море. Ну, да я его и слушать не стал, до того тошно мне было. Подумаешь, свалиться! Прежде всего надо было подчинить себе гриб!

— Или лучше сказать — гриб-негриб.

— Ну ладно, пусть будет по-твоему, не гриб так не гриб. Словом, кончилось тем, что горючее действительно вышло, пришлось выбрасываться с парашютом. Пилот, конечно, был опытнее меня, сумел сманеврировать и упал в море, там его и подобрали. Ну, а я бухнулся головой прямо в этот гриб-негриб. Если б даже целился, и то не попал бы точнее — угодил в самую серёдку, это я уж потом разглядел.

— И набили себе шишку об шоколад!

— Никакой шишки! Наоборот, с разинутым ртом прямо в сбитые сливки. Вот наглотался так наглотался! Ну и представь себе, каково мне было: столько исследований, правительственные испыта-

ния, и вдруг на тебе — торт! Всего-навсего торт, пусть даже гигантских размеров. А всё из-за какой-то нелепой случайности!

— Каково же вам было?

— Да хоть делай в торте дырку — и в море, вот каково!

— Глупости... Ой, простите, пожалуйста. Будь я на вашем месте, счастливее меня не было бы человека на свете. Вы что же, не любите сладкого?

— Как не любить? Обожаю. Ну, а теперь все узнают, что я специалист исключительно по тортам. И виноват в этом всецело я сам. Конечно, пирожное министра тоже сыграло свою роль, но если б я не напортачил с проектом, даже миллион пирожных не смог бы вызвать эту нелепую ценную реакцию превращения в шоколад.

— Но ведь вы должны бы гордиться таким достижением, вы благодетельствовали человечество.

— Не морочь мне голову!

— Ну так чего ж вы не провертели дырку да и в море головой?

— Вот, не провертел... Ветер понёс торт, торт понёс меня. В еде, к сожалению, недостатка не было. Со мной была бумага, и я принялся проверять расчёты, искать ошибку. Вчера вечером как будто докопался до сути, и тут явились вы. Я пробежал по вашей галерее до самого входа и уяснил обстановку. Я и не подозревал, что торт приземлился да ещё избрал местом посадки город Рим.

— Все дороги ведут в Рим, — констатировал Паоло. — Ну и что же вы намерены теперь предпринять?

Профессор Икс поднялся и стал расхаживать по галерее взад и вперёд, шлёпая прямо по лужам ликёра и мятной настойки и не обращая на них ни малейшего внимания.

— Я должен уничтожить это свидетельство моего позора, чтоб духу от него не осталось!

— Уничтожить эту божью благодать? Простите, профессор, вы сумасшедший. Да ведь тут сластей — ешь, ешь, за год не переешь!

— Это исключено. Я уничтожу торт, вернее, добьюсь того, чтобы его уничтожили.

— Каким образом?

— Очень просто: с помощью всего этого войска, которое обложило его со всех сторон. Мой план таков. Перво-наперво я укреплю их в подозрении, что это инопланетный космический корабль, потом создам видимость, будто марсиане готовятся к нападению, и вызову на торт массированный огонь. А там уж огнёмёты сделают своё дело.

— Не бывать этому! Да ведь вы и сами погибнете.

— Погибну, так надо. Не впервой учёному жертвовать собой...

— Зато впервой учёному помирать в торте, вместо того чтобы съесть его! Этого я не допущу! Больше того, я всем объявлю, какой

гений прячется тут внутри. Новый Леонардо да Винчи¹, который умеет делать из бомб торты! Вы станете величайшим гением современности! Подумайте о всех тех городах мира, на площадях которых благодарное человечество воздвигнет вам памятники!

— Жажду себе лишь одного памятника: могилы!

— Вы с ума сошли, профессор! Подумайте, подумайте, как прекрасна жизнь и как вкусен торт...

— Я думаю лишь об одном: моё имя учёного-атомника навсегда обесчещено. Так что лучше не настаивай, Паоло. Жребий брошен. Смерть меня не страшит. Ты поможешь мне осуществить мой план.

— Ни за что!

— Нет, поможешь! Ты отнесёшь командованию операцией «Антиторт» послание, в нём будет сказано: «Землянам с борта космического корабля «Марс-1». Извольте в полчаса сложить оружие и доставить нам в качестве заложников тысячу детей. В противном случае по истечении тридцатой минуты даём ядерный залп по Риму, и город в секунду будет стёрт с лица земли. Подписал: командир корабля... Э-э... какое бы имечко позаковыристее подобрать? Ну ладно, пусть будет хоть «командир Гор». Как по-твоему, внушительно получается? Понятное дело, никто не пришлёт мне тысячу детей — это было бы сущее преступление. Им останется лишь немедленно открыть огонь, не дожидаясь срока истечения ультиматума. И торту придёт конец. *Finis*, как говорили наши древние римские предки. Сейчас соорудим послание...

И профессор без промедления принялся строчить дрожащей от волнения рукой текст ультиматума.

Дойдя до числа заложников, он на мгновение задумался.

— Тысячу?.. А ну-ка, затребуем две. Да, да, именно две. Так скорее откроют пальбу и сократят мои смертные муки.

— Не тратьте попусту времени,— решительно сказал Паоло.— Не думаете же вы всерьёз, что я отнесу вашу сумасшедшую записку командованию.

— Ещё как отнесёшь!

— Фигушки! Говорю вам, не отнесу, и баста.

— Ну так я силой вытурю тебя из торта — да вниз под горку.

При этих словах профессор Икс как-то странно переменялся в лице. Казалось, он вот-вот расплачется.

Он закончил послание, подписался своим причудливым выдуманным именем и дал параллельный текст загадочными письменами, которые изобрёл тут же на месте.

¹ Леонардо да Винчи (1452—1519) — великий итальянский художник и учёный эпохи Возрождения.

— Образчик марсианского письма,— сказал он.— Для пущей убедительности.

Он сложил листок и протянул его Паоло.

— Вот, будь пай-мальчиком.

— В противном случае?..

— В противном случае за холку да под горку, я тебе уже сказал.

— Ну, попробуйте!

Профессор Икс тяжело задышал, по его лицу пошли судорожные гримасы, но в глазах читалось, что никого-то он за холку не схватит и под горку не спустит, потому что на это он просто не способен.

— Не дразни меня,— жалобно проговорил он.— Я добрый!

— Добрый, а хотите расколошматить торт, чтобы он никому не достался.

— Ну пожалуйста, Паоло, сделай, как я тебя прошу.

— Нет.

В пылу спора профессор Икс, стараясь убедить Паоло, порывисто схватил его за руку, совсем забыв про свидетеля — Зорро.

Решив, что Паоло в опасности, пёс с рычанием вскочил и вцепился бедняге профессору в ногу.

— Ай! Помогите!

— Тихо, Зорро. Лежать! Вот видите, профессор, вы меня не то что вытурить, а даже пальцем тронуть не можете. И, пока я здесь, торт будет цел и невредим, ведь не захотите же вы моей смерти. Или, может, я ошибаюсь?

— Если у меня нет выбора,— мрачно проговорил профессор Икс,— я брошу записку с грузом, и ты погибнешь вместе со мной, став жертвой собственного упрямства. Но не хочу я идти на такую крайность!

— А я не хочу, чтобы торт пропал!

— Сквик, сквок, караброк, брек, брак!— заверещал профессор.

— Если вы будете разговаривать со мной на таком языке, я ничего не пойму,— спокойно заметил Паоло.

— Сквок, сквек, сквик...

Профессор Икс ещё долго разорялся в том же духе и впал в такое отчаяние, что Паоло и впрямь подумал, уж не повредился ли он в уме. Но затем профессор успокоился, снова перешёл на итальянский и снова принялся с невероятным терпением уговаривать Паоло отнести записку.

— Дай мне умереть от моей ошибки,— умолял он.

— Это была бы величайшая историческая ошибка,— отвечал Паоло.

Долго ли, коротко они воевали, неизвестно. Да это и неважно:

ведь воевали-то они на словах. Известно лишь, что Зорро вдруг забеспокоился, наострил уши, глухо заворчал и с лаем бросился вон из торта.

— Ты куда, Зорро!— закричал Паоло ему вслед. Затем выглянул из галереи и залился безудержным весёлым смехом.

— Нашёл чему смеяться!— пробормотал профессор Икс.

— Сколько вы хотели заложников, профессор?

— Тысячу или две...

— Ну так вон они, сами к вам валят, и ультиматума никакого не надо. Уж две-то тысячи как пить дать.

— Ты о чём?

— Взгляните сами, профессор. Ну идите посмотрите!

РЕБЯТА ДРУГ ДРУЖКУ ПОНИМАЮТ

А теперь вернёмся чуть-чуть назад и последуем за машиной «скорой помощи», которая воем сирены прокладывала себе путь среди уличного движения, увозя в больницу профессора Росси, профессора Теренцио и малютку Риту. Оба учёных без конца ныли и охали.

— Ой, ой, как больно!— стонал один.

— Ай, ай, как пребольно!— вторил другой.— Нотариуса ко мне скорее, хочу писать завещание!

Санитары хлопотали над ними, утешали, успокаивали, клали им на живот пузыри со льдом. У Риты глаза на лоб лезли от удивления.

— Да что с ними такое?

— Отведали по кусочку марсианского лжешоколада.

— Лже?! Да они что, с ума сошли, и вы с ними вместе? Шоколад взаправдашний, самый взаправдашний. Ничуточки не отравленный, а то из меня давно бы уже дух вон. Я его чуть ли не целое кило съела, и ничего — во какая здоровая!

— Да замолчи ты, понимала б что-нибудь, а то!..

— Ну, болит у меня живот или не болит, это-то я понимаю. Для этого совсем не надо быть профессором.

— Ладно, помалкивай. Не беспокой бедняг, не видишь, что ли, как они маются.

— Это-то я вижу. Совсем как Паоло, когда он дуриком хватил касторки.

Санитары досадливо поджали губы — попробуй ей что-нибудь докажи, этой болтушке. А тем временем автомобиль уже прокатил по широким больничным аллеям. Риту сразу обступила толпа врачей — целых десять человек, — и заведующий отделением пустился в обследование.

— Ну, что ты чувствуешь?

— Ничего.

— Здесь болит?

— Нет.

— А здесь? А вот здесь?

— Нет. И здесь нет. Ничего я не чувствую! Что я должна чувствовать? Не пила я касторки! Я только шоколад ела, да ещё какой шоколад!

— Ну-ну! Сейчас увидишь, что с тобой будет.

— А что со мной будет? Говорю вам, я здорова. И ещё, если хотите знать, эта штука на горе Коко никакой не космический корабль, а просто-напросто торт. Вот хоть у моего брата спросите или у синьора Джеппетто!

— Кто такой синьор Джеппетто?

— А я откуда знаю? Подите сами да и разузнайте, кто он такой. Он там, в торте, в самой серёдке сидит, и он весь его слопаёт. Вот вёзет человеку!

Заведующий отделением повернулся к своей свите и сокрушенно покачал головой.

— Вы слышали, синьоры! Бедняжка бредит. В её помрачённом сознании в страшном беспорядке перемешались образы фатального лакомства и приключений Пиноккио. Очевидно, яд начал действовать на нервные центры. Будем надеяться, чем-нибудь сможем помочь. Для начала, полагаю, необходимо ввести что-либо успокоительное.

— Абсолютно необходимо!— хором подтвердили десять врачей.

Рита расплакалась навзрыд, стала звать маму, брыкаться-отбиваться, но ей всё равно вкатили укол. И смотри ж ты! Врач был прав: укол действительно подействовал успокоительно! Ритины рыдания мало-помалу стихли, и она вскоре заснула, а санитар вытер ей слёзки.

Тем временем другие врачи обследовали профессора Росси и профессора Теренцио. Их обследовали вдоль и поперёк, по очереди прослушивали им грудную клетку, стучали молоточком по колену (проверяли рефлексы). Но, по правде сказать, ничегошеньки-то у них не нашли. Да и сами светила, что один, что другой, к своему удивлению, обнаружили, что не могут в точности указать, в каком месте чувствуют свои ужасные боли.

Здесь? Не здесь. Здесь? Не здесь. Ну так где же? Может, здесь? Нет, и здесь тоже не болит. Вот чудеса!

Профессор Росси был немало сконфужен, профессор Теренцио тоже.

— Не знаю отчего, но мы больше ничего не чувствуем,— признались они.

— Если б это были не крупнейшие учёные,— шепнул потом

один врач своему коллеге,— я, пожалуй, сказал бы, что они сами придумали себе все эти болезни.

— Мда... Случай самовнушения. Проще сказать, они здорово перетрухнули...

Для верности успокоительный укольчик вкатили и двум знаменитостям, и они тотчас захрапели.

Несколько часов спустя Рита проснулась и сразу зажмурила глаза: это что, опять вокруг неё сгрудились врачи? Какие ещё такие действия-злодейства они собираются над ней произвести?

«Врачи в пижамах не ходят!»— вдруг мелькнула у неё мысль, и она чуть приоткрыла один глаз. Вокруг стояли не врачи, а мальчики и девочки из соседнего отделения, они набились в палату и с любопытством глядели на неё.

— Кто вы? Что случилось?

— Ничего особенного,— ответила ей девочка в красном халате, как видно, самая старшая из всех.— Мы тоже больные. Пришли тебя проводить.

— Спасибо,— ответила Рита.

Но девочка в красном халате не собиралась кончать разговор.

— Знаешь,— продолжала она,— мы слышали, о чём ты кричала, когда тебя привезли.

— Это правда, что у нас в Трулло объявился сладкий торт с гору величиной?— вступил в разговор беленький мальчик с рукой на перевязи.

— Правда. А вот врачи мне не верят.

— Слушай, а он вкусный, этот торт?

— Ещё бы! Вот если бы вам тоже его попробовать! Торт мировой, можете мне поверить. Да к тому ж ещё космический. Только вчера с неба свалился.

— Вот здорово!— воскликнул беленький мальчик.

— Жалко,— вздохнула девочка в красном халате.

— Что — жалко?

— Что не можем его попробовать.

— Да уж...— сказала Рита со вздохом, а про себя подумала: «Вот как легко мы, ребята, понимаем друг друга. У них и в мыслях нет, что это всё бредни. Уж они-то верят, что я про торт не сказки рассказываю».— Мне тоже жалко,— добавила она вслух.— Но ничего, дайте только выбраться из больницы, во какой кусок вам приташу!

— А когда это будет?— спросил беленький мальчик.

— Не знаю, наверное, скоро.

— А вдруг выйдешь и окажется, что торта уже нет, что тогда?— спросила девочка в красном халате.

Рита молчала.

Да и что могла она ответить на этот вопрос? Вот придет она в Трулло и вдруг узнает от Паоло, что торта больше нет, что его уничтожили солдаты или унесло грозой. Вот страсти-то какие!

Ребята с тревогой глядели на неё, ожидая ответа, и в их глазах читался один и тот же вопрос, одно и то же опасение. Тут она не выдержала, вскочила с постели и обвела взглядом палату, ища свою одежду. А девочка в красном халате словно угадала её мысли и сказала:

— Твою одежду спрятали в шкаф в другом отделении.

— Ну и ладно,— сказала Рита.— Пойду так.

— А ты дорогу-то знаешь?

— Ничего, спрошу.

— Дурочка, так тебя мигом водворят на место. А я вот знаю, как попасть в Трулло через поле.

Говорила всё время девочка в красном халате. Похоже было, она обо всём подумала заранее.

— Слушайте,— сказала она,— я и как выйти из больницы через сад знаю. Пойдёмте со мной, притворимся, будто играем в прятки.

— Все-все?— спросила Рита и широко раскрыла глаза.

— Ну да, все!— взвизгнул беленький мальчик, подпрыгивая от радости.

— Ведь ты же сама сказала, что он с гору величиной.

— Его на всех ребят Рима хватит,— чуть ли не с обидой отозвалась Рита.

— Ну так надо предупредить их!— воскликнул беленький мальчик.

— В коридоре есть телефон,— сказала девочка в красном халате,— а у меня есть жетон. Позвоню своему братишке, скажу, чтобы обзвонил всех своих мальчишек, а те пусть звонят дальше, пусть предупредят всех ребят, где только можно — на улице, в школе, во дворе. Но ты уверена, что хватит всем-всем?

— Клянусь!— сказала Рита и положила руку на сердце.

— А что, если дать объявление по радио?— простодушно спросил беленький мальчик.

Все так и покатались со смеху и даже не объяснили почему. А девочка в красном халате тем временем побежала к телефону.

— Алло, говорит Лукреция. Это ты, Сандрино? Слушай меня внимательно. Или лучше возьми листок бумаги и карандаш, я продиктую тебе важное сообщение. Ты меня слышишь?

— Что он там делает?— спросила Рита.— Чего копается?

— Вечная история: карандаш сломан, а другого нет. Алло, Сандрино? Ты жив? Ну вот, теперь не может найти чинилку. Возьми мою, она в моём портфеле.

— Быстрее, ради бога, быстрее,— умоляли ребята, сгорая от нетерпения.— Вот придут санитары — и всё пропало.

Наконец Лукреции удалось продиктовать Сандрино свои директивы. Диктовала она гладко, ну прямо как учительница, без сучка без задоринки, словно давно уже продумала всё до конца и план окончательно созрел у неё в голове. Ну и голова эта Лукреция!

ВОЛШЕБНЫЙ ТЕЛЕФОН

Помните сказку про гаммельнского крысолова, который своей волшебной флейтой избавил целый город от крыс? Ну, а потом ему не заплатили, как было обещано, и тогда он снова заиграл на флейте, и все дети города пошли за ним, и даже самые маленькие, которые и ходить-то ещё не умели, поползли за ним на четвереньках.

Что-то в этом роде произошло в этот день в Риме. Телефонный звонок Лукреции подействовал ничуть не хуже волшебной флейты.

В самом деле, ну что, если б знаменитый крысолов заиграл на своей флейте посреди площади святого Петра? Кто бы его услышал? Разве что те немногие ребятки, которые играют у фонтанов и обелиска. А может, и те бы не услышали: так шумят здесь автомобили. Как же заставить услышать себя в современном городе? Телефон — вот волшебная флейта современности. Не прошло и получаса, как телефонные звонки, скача со скоростью цепной реакции между Правобережьем и Торпиньяттарой, Тестаччо и Сан-Джованни, Париоли и Квадраро, разнесли весть:

«В Трулло свалился с неба космический торт с гору величиной!»

И вот те, у кого звонил телефон, быстро набирали номера своих друзей и передавали известие дальше, потом высывались из окна и делились новостью с ребятами, игравшими во дворе. Потом выскакивали на улицу — и айда в Трулло. Все спешили в Трулло, кто на трамвае, кто в автобусе, кто на велосипеде, а кто и просто пешком. Рим вдруг оказался наводнён ребятнёй. Детишки валом валили из всех ворот, безропотно оставляли мячи в руках полицейских и припускали бегом, кто с полдником, кто с сумкой в руке. В школе Франческо Криспи ученики на глазах учителей все как один повскакали с мест и кинулись к дверям.

— Вы куда? А ну-ка по местам! Стойте! Хотите, чтоб я вас всех наказал?

Но, как ни кричал учитель, всё было напрасно: школа вмиг опустела, словно вдруг настал конец учебного года. Осиротели полунписанные сочинения и полурешенные задачи, прервались на полуслове ответы по истории и географии.

— В Трулло! В Трулло!

Прохожие с любопытством оглядывались на ребят. Полицейские ошалело хватались за головы (прикрытые каской). Из окон высывались мамы и кричали:

— Тонино! Пьетро! Мария! Гильда! Оретта! Дарио! Альбертина!

Но куда там! Никто из ребят даже не обернулся на зов. Вот пятеро мальчишек медленно катят на одном самокате. А вот мальчик из Париоли — это богатый квартал города — взгромоздился на тележку и знай себе мчится на зависть своим менее удачливым сверстникам, которые пыхтят на трёхколёсных велосипедах и пожарного цвета педальных автомобильчиках или шумно несутся вперёд на роликовых коньках.

— В Трулло! В Трулло!

Многие девчонки бегут, прыгая через скакалку. Это потому, что им кажется, будто так они быстрее доберутся до цели, и ещё потому, что они вообще никогда не расстаются со скакалкой.

— Что такое? Неужто революция? — взывает какой-то аптекарь с порога своего заведения. — Может, пора опускать жалюзи?

Шестеро мальчишек с Кампо де Фьори одолжили у старьевщика ручную тележку и совершают вояж со всеми удобствами: двое толкают тележку, четверо сидят в ней и кричат:

— В Трулло! В Трулло!

Нашлись даже отчаянные головы, которые пересекали Рим в лодках по Тибру от моста Мильвио до Мальяны и оттуда устремлялись лугами к горе Коко. Торт красовался на её вершине, окрашенный лучами закатного солнца в цвет земляничного пирога.

Понятное дело, волшебные телефонные звонки достигли и Трулло. Так что первыми ринулись к подножию торта юные трулловцы, или труллаки, а то и труллалеи, уж не знаю, как лучше их назвать.

Тщетно пожарные и полицейские, пехотинцы и кавалеристы, офицеры и унтер-офицеры пытались сдержать их натиск.

Как раз в это время Рита и Лукреция и вывели свою ватагу из больницы, а тем, кто не мог встать с постели, пообещали принести по большому куску торта.

Понятно, не обошлось и без слёз.

— Хочу с вами! — умолял мальчик с ногой в гипсе. — Поскачу на одной ноге!

— Голова садовая, — отвечала ему Лукреция. — Так ты и здоровую ногу сломаешь. Будь пай-мальчиком, мы тебя не забудем.

И она убежала, словно бабочка крыльями трепыхая полами своего красного халата. Бок о бок с ней бежал беленький мальчик с рукой на перевязи и кричал:

— Вот повезло, что я сломал не ногу, а руку! Правда, повезло?

Какой-то зеленщик, увидев пробегающую мимо стайку ре-

бят в пижамах, халатах и просто в ночных рубашках, закричал:
— Да ведь карнавал-то уже когда прошёл?.. А ты куда? Ну-ка назад, бездельник, сейчас же назад!

Последние слова относились к его собственному сыну. Но тот не стал долго раздумывать, карнавал или не карнавал, а, узнав, в чем дело, попросту бросил мотыгу и побежал за ребятами.

— Пощадите!— крикнул профессор Икс, показываясь вместе с Паоло в отверстии галереи.

Тысяча, две тысячи, три тысячи ребят, ломая и расстраивая боевые порядки вооружённых сил, устремились вверх по склону холма. В воздухе зазвенели ликующие клики:

— В атаку!

— На штурм!

— Даёшь торт!

— Я пропал!— бормотал профессор Икс, без сил опускаясь на миндальное пирожное.— Теперь торт уже не уничтожить.

— Спорим, торт будет уничтожен!— сказал Паоло.

— Как так?

— Откройте глаза, профессор! Чего ж ещё делать с тортом? Уж не думаете ли вы, что ребята станут его обмерять-вычислять: какова окружность, какова площадь основания? Да не пройдёт и часа, как от него и следа не останется!

Профессор Икс просиял, словно внутри него зажглась лампочка.

— А ведь верно! Они съедят его! От него не останется ни крошки. Ура! Вперёд, ребята, вперёд! Хватит на всех! Приятного аппетита всей честной компании! Надо же быть таким ослом — не сообразить этого раньше!

— Ничего,— утешил его Паоло.— Бывает, и учёный даёт промашку.

Первые ряды атакующих были уже в нескольких шагах и в особом приглашении не нуждались: во всех глазах горела радостная решимость разделаться с врагом так, чтоб от него цуката на цукате не осталось. Ещё мгновение — и за торт принялись со всех сторон.

Взвод сапёров очертя голову ринулся в штольню, прорытую Паоло и Ритой. Другие оказались гораздо практичнее и начали прямо с периферии.

— Внимание, дети!— бубнил тем временем «Диомед» из своего громкоговорителя.— Не принимайте угощения от марсиан. Они дают вам отравленные сладости: не ешьте их!

Но кто стал бы слушать эти увещевания?

— Оставьте нам!— вопили вновь прибывающие, взбегая вверх по склону.

Торт в два счета издырявили, словно решето. Десятки галерей и

ходов прорезали его по всем направлениям. Сияющий профессор Икс появлялся то тут, то там. Он помогал слабым отрывать плиты шоколада, рушил стенки из миндальных пирожных, указывал, где находятся лучшие сорта мороженого, и подсаживал к потолку самых маленьких, чтобы они могли полакомиться сбитыми сливками.

— Вы марсианин?— спрашивали его ребята.

— Да, да. Я марсианин. Ешьте и пейте, вы в гостях у Марса.

— Да здравствует Марс!— кричали ребята, набивая себе рты.

ХВАТИТ НА ВСЕХ

— Диомед, я Дедал. Диомед, я Дедал. Приём.

— Я Диомед. Вас слышу. Приём.

— Господин генерал, тут творится что-то несусветное, я бы сказал, потусветное.

— А что вы знаете о том свете? Вы что, там бывали? Спускались в ад с Данте Алигьери¹? Докладывайте, что у вас перед глазами. Приём.

— Господин генерал, я не верю своим глазам.

— Сделайте над собой усилие.

— Одним словом, господин генерал, ребятня кусок за куском поедает неопознанный объект. Вот почему больше не слышно их голосов: у них набиты рты.

— Вы хотите сказать, космический противник приманивает детей сладстями?

— Противника вообще не видать, господин генерал. Видны только дети, а космический объект всё уменьшается в размерах, попросту говоря, тает на глазах.

— Это что-то несусветное!

— О чём я и докладывал, господин генерал.

Такой разговор произошёл часов в шесть того знаменательного вечера между офицером разведки — пилотом вертолёта, который патрулировал над горой Коко, и командованием ОКО, которое разместилось, как уже известно, в школьном управлении Трулло. Не справившись с натиском детворы, «Диомед» поднял в воздух вертолёт, чтобы хоть как-то контролировать положение.

Генералы и полковники, начальники пожарных команд и шефы полиции, слушая донесения лётчика, избегали смотреть друг другу в глаза — легко ли признаться себе в том, что не знаешь, как поступить в таком положении.

¹ Данте Алигьери (1265—1321) — великий итальянский поэт, автор поэмы «Божественная комедия», вторая часть которой называется «Ад».

Тут в комнату ввалился полицейский Мелетти, по прозвищу Хитроумный Одиссей, он едва переводил дух и что-то нечленораздельно лопотал.

— Да что вы там мелете, Мелетти? — рявкнул генерал, не понявший ни слова из того, что говорил полицейский.

Синьор Мелетти схватился за грудь — это он брал себя в руки и наконец вымолвил два мало-мальски осмысленных слова.

— Моя жена... — выговорил он, словно веером обмахивая себя беретом.

— Ну?.. Сожгла жаркое? Не пришила вам пуговицы к рубашке? Нашли с чем соваться к нам в такой момент!

— Погодите немного, дайте отдышаться... Моя жена сошла с ума.

— Позвоните в сумасшедший дом и не морочьте нам голову.

— Говорю вам, она сошла с ума, господин генерал! Решительно спятила! Она пошла по дворам и собрала кучу женщин. Говорят, они намерены прийти сюда за своими детьми... А ещё...

— Ах, и это ещё не всё?

— А самое главное, господин генерал, я слышал, она звонила своей сестре, она живёт на Правобережье, своей двоюродной сестре, она живёт у Монте Марио, своей куме, она живёт у...

— Послушайте, Мелетти, уж не собираетесь ли вы читать подряд всю адресную книгу? Ближе к делу.

— Короче, она известила пол-Рима, что вся детвора здесь, в Трулло. А теперь об этом узнали и все остальные. И вот из всех кварталов города на нас идут мамыши, господин генерал, идут батальонами, полками, целыми дивизиями!

— И вы только сейчас нам об этом докладываете, болван!

— Всё случилось в минуту, господин генерал. Моя жена, уж если ей что втемяшится в голову, становится прямо-таки социально опасным элементом!

— Диомед, я Дедал. Приём.

— Я Диомед. Что там у вас ещё? Приём.

— Женщины, господин генерал. Прорвали оцепление и теперь со всех сторон штурмуют холм. Взялись неизвестно откуда, словно разъярённые фурии. Быстрым шагом идут вверх по склону, точь-в-точь стрелковые цепи, и кличут своих детей. Приём.

— Этого следовало ожидать, — заметил кто-то в комнате. — Противник связал нас по рукам и ногам. Он знал, что делает, заманив к себе детей. Он свёл с ума матерей и таким манером без единого выстрела поставил нас на колени. Надо было с самого начала разбомбить неопознанный объект, вот что надо было делать!..

— Ладно, пошли смотреть... — сухо сказал генерал.

Все, как один, встали и двинулись к выходу, словно только и ждали приказа.

— А вы нет,— сказал начальник полиции Мелетти.— Вы арестованы. Будете знать, как жениться на социально опасных элементах.

— Как же так? Кто, как не я, поднял тревогу? И потом, у меня тоже дети, они там, наверху! Имею же я право...

— Вы арестованы — и баста. Ещё скажите спасибо, что хоть дочка-то ваша в безопасности в больнице.

А Рита в эту минуту была не в больнице, а на седьмом небе. С блаженным видом она вгрызалась в глыбу обжаренного миндаля величиною с диван, а Лукреция, беленький мальчик и прочие друзья по больнице награждали ее признательными взглядами. Разговаривать было некогда, обо всём говорили взгляды. В царившей вокруг суете все держались вместе и тихо-мирно поедали доставшуюся им пещеру, а если кто находил какое-нибудь особенное мороженое или залежь засахаренных фруктов, то, не переставая жевать, попросту махал в ту сторону рукой.

Но вот шумной толпой набежали всклооченные мамыши, словно дело шло о срочном спасении их чад от пожара или землетрясения, и тут поднялось что-то невообразимое.

— Карлетто! Роберто! Пинучча! Анджела! Андреа!

Крики, возгласы, отчаянные призывы. А потом — шлёп! шлёп! — пошли первые подзатыльники: это мамыши начали находить своих сорванцов, с головы до ног обмазанных сливками.

Синьора Чечилия разыскивала Паоло, а вместо него наткнулась на Риту и с такой силой притиснула её к груди, что у дочки только косточки затрещали.

— Доченька, радость моя! Ты разве не была в больнице?

— Как же не была, смотри,— отвечала Рита, указывая на окружавшие её пижамы, халаты и ночные рубашки, испачканные шоколадом и сладким кремом.

— Добрый день, синьора,— вежливо сказала Лукреция.— Не хотите немножечко торта?

— Попробуй, мама,— подхватила Рита.— Можешь мне поверить, он не отравленный. Разве я когда-нибудь говорила тебе неправду?

Синьора Чечилия не без опаски понюхала кусок торта. Хозяйка она была превосходная, толк в сладях понимала и просто не могла нанюхаться. Наконец нюх и зрение уступили очередь вкусу.

— Ах, какая прелесть! Кто его приготовил?

Словом, синьора Чечилия начала с удовольствием уплетать торт, и её примеру последовали тысячи мамаш вокруг, а их отпрыски захлопали в ладоши, как обычно сразу же забыв про подзатыльники.

— А Паоло? Где Паоло?— спросила синьора Чечилия.

Да вот он, Паоло. Похоже, он один из всех не ел. Сытый и до-

вольный, он словно профессорский ассистент шёл с обходом по торт-ту.

— Мама!

— Паоло, сыночек мой!

— А вот профессор, который сделал этот торт.

— Приятного аппетита, синьора.

— Замечательно, профессор, поистине замечательно! Это шедевр, а не торт!

Профессор Икс теперь и сам стал склоняться к такой мысли. При виде тысяч детишек и мамаш, которые за обе щеки уплетали даровое угощение при последних отблесках дня, на его глаза набегали слёзы. Ни один удачный эксперимент не доставлял ему такого блаженства, как этот неудачный. Вот как, бывает, мы учимся на ошибках.

Медленно надвигался вечер. Кучками, одна за другой, дети и их мамы стали спускаться вниз. Почти каждый нёс под мышкой большой кусок торта: жёны думали о мужьях, внуки о дедушках и бабушках. Одни дети вспоминали о своих любимых собаках и кошках, другие о комнатных канарейках. Торт уже не был похож на самого себя, его окружность быстро отступала к центру, а там уж и середка зазяла пустотой, и от торта остались лишь островки шоколада, кучки марципана да лужицы ликёра.

— Угощайтесь, угощайтесь,— говорил профессор Икс.— Всё забирайте, не обижайте меня.

Тут только и появились на холм солдаты и пожарники, блюстители порядка и полицейские агенты, и каждый получил свою долю, причём каждый пробовал торт уже после женщин и детей.

— Вперёд, ребята!— призывал профессор Икс.— Вперёд на торт! Там, внизу, залежалось ещё несколько центнеров. Вперёд, господин генерал, угощайтесь, не стесняйтесь. Потом я вам всё объясню. Не забывайте только о своей синьоре и детках!

Но эта рекомендация была излишня: синьора и детки генерала были тут как тут. Словом, торта досталось всем, за исключением профессора Росси и профессора Теренцио, которые опраправлялись от испуга в больницу.

Изрядный кусок достался синьору Мелетти, когда синьора Чечилия, Рита и Паоло пришли вызволять его из-под ареста.

И мне тоже достался кусочек, я пришёл последним, но как раз вовремя, чтобы услышать во всех подробностях, как было дело.

Рано или поздно торт достанется всем. Это будет тогда, когда торты станут делать вместо бомб.

ПУТЕШЕСТВИЕ Голубой Стрелы

Часть первая

Глава I

СИНЬОРА БЕЗ ПЯТИ МИНУТ БАРОНЕССА

Фея была старая синьора, очень благовоспитанная и благородная, почти баронесса.

— Меня называют,— бормотала она иногда про себя,— просто Фея, и я не протестую: ведь нужно иметь снисхождение к невеждам. Но я почти баронесса; порядочные люди это знают.

— Да, синьора баронесса,— поддакивала служанка.

— Я не стопроцентная баронесса, но до неё мне не хватает не так уж много. И разница почти незаметна. Не так ли?

— Незаметна, синьора баронесса. И порядочные люди не замечают её...

Было как раз первое утро нового года. Всю ночь напролёт Фея и её служанка путешествовали по крышам домов, разнося подарки. Их платья были покрыты снегом и сосульками.

— Затопи печку,— сказала Фея,— нужно просушить одежду. И поставь на место метлу: теперь целый год можно не думать о полётах с крыши на крышу да ещё при таком северном ветре.

Служанка поставила метлу на место, ворча:

— Хорошенькое дельце — летать на метле! Это в наше-то время, когда изобрели самолёты! Я уже простудилась из-за этого.

— Приготовь мне бокальчик цветочного отвара,— приказала Фея, надев очки и садясь в старое кожаное кресло, стоявшее перед письменным столом.

— Сию минутку, баронесса,— сказала служанка.

Фея одобритительно посмотрела на неё.

«Немножко она ленива,— подумала Фея,— но знает правила хорошего тона и умеет держать себя с синьорой моего круга. Я обещаю ей увеличить заработную плату. На самом-то деле я ей, конечно, не увеличу, и так денег не хватает».

Нужно сказать, что Фея при всём своём благородстве была довольно скуповата. Два раза в год обещала она старой служанке увеличить заработную плату, но ограничивалась одними обещаниями. Служанке давно уже надоело слушать только слова, ей хотелось слышать звон монет. Как-то раз у неё даже хватило мужества сказать об этом баронессе. Но Фея очень возмутилась:

— Монеты и монеты! — проговорила она, вздыхая. — Невежественные люди только и думают, что о деньгах. И как нехорошо, что ты не только думаешь, но и говоришь об этом! Видно, учить тебя хорошим манерам — всё равно, что кормить осла сахаром.

Фея вздохнула и уткнулась в свои книги.

— Итак, подведём баланс. Дела в этом году неважные, денег маловато. Ещё бы, все хотят получить от Феи хорошие подарки, а когда речь заходит о том, чтобы платить за них, все начинают торговаться. Все стараются брать в долг, обещая уплатить потом, как будто Фея — это какой-то колбасник. Впрочем, сегодня особенно жаловаться нечего: все игрушки, которые были в магазине, разошлись, и сейчас нам нужно будет принести со склада новые.

Она закрыла книгу и принялась распечатывать письма, которые обнаружила в своём почтовом ящике.

— Так и знала! — заговорила она. — Я рискую заболеть воспалением лёгких, разнося свои товары, и никакой благодарности! Этот не хотел деревянную саблю — подавайте ему пистолет! А знает ли он, что пистолет стоит на тысячу лир дороже? Другой, представьте себе, хотел получить аэроплан! Его отец — швейцар курьера секретаря одного служащего лотереи, и было у него на покупку подарка всего триста лир. Что я могла подарить ему за такие гроши?

Фея бросила письма обратно в ящик, сняла очки и позвала:

— Тереза отвар готов?

— Готов, готов, синьора баронесса.

И старая служанка подала баронессе дымящийся бокал.

— Ты влила сюда капельку рома?

— Целых две ложечки!

— Мне хватило бы и одной... Теперь я понимаю, почему бутылка почти опустела. Подумать только, мы купили её всего четыре года тому назад!

Потягивая маленькими глотками кипящий напиток и умудряясь не обжигаться при этом, как это умеют делать только старые синьоры, Фея бродила по своему маленькому царству, заботливо проверяя каждый уголок кухни, магазина и маленькой деревянной лесенки,

которая вела на второй этаж дома, где была её спальня.

Как печально выглядел магазин с опущенными шторами, пустыми витринами и шкафами, заваленными коробками без игрушек и ворохами обёрточной бумаги!

— Приготовь ключи от склада и свечу,— сказала Фея,— нужно принести новые игрушки.

— Но, синьора баронесса, вы хотите работать даже сегодня, в день вашего праздника? Неужели вы думаете, что кто-нибудь придёт сегодня за покупками? Ведь новогодняя ночь, ночь Феи, уже прошла.

— Да, но до следующей новогодней ночи осталось всего-навсего лишь триста шестьдесят пять дней.

Надо вам сказать, что магазин Феи оставался открытым в течение всего года и его витрины были всегда освещены. Таким образом, у детей было достаточно времени, чтобы облюбовать ту или иную игрушку, а родители успевали сделать свои расчёты, чтобы иметь возможность заказать её.

А кроме того, ведь есть ещё дни рождения, и все знают, что дети считают эти дни очень подходящими для получения подарков.

Теперь вы поняли, что делает Фея с первого января до следующего Нового года? Она сидит за витриной и смотрит на прохожих. Особенно внимательно вглядывается она в лица детей. Она сразу понимает, нравится или не нравится им новая игрушка, и, если не нравится, снимает её с витрины и заменяет другой.

О, синьоры, что-то теперь на меня напало сомнение! Так было, когда я был ещё маленьким. Кто знает, есть ли теперь у Феи этот магазинчик с витриной, уставленной игрушечными поездами, куклами, тряпичными собачками, ружьями, пистолетами, фигурками индейцев и марионеток!

Я помню его, этот магазинчик Феи. Сколько часов я проводил у этой витрины, считая игрушки! Чтобы пересчитать их, требовалось много времени, и я никогда не успевал досчитать до конца, потому что нужно было отнести домой купленное молоко.

Глава II

ВИТРИНА НАПОЛНЯЕТСЯ

Склад был в подвале, который находился как раз под магазином. Фее и её служанке пришлось раз двадцать спуститься и подняться по лестнице, чтобы наполнить новыми игрушками шкафы и витрины.

Уже во время третьего рейса Тереза устала.

— Синьора,— сказала она, останавливаясь посреди лестницы с большой связкой кукол в руках,— синьора баронесса, у меня бьётся сердце.

— Это хорошо, моя дорогая, это очень хорошо,— ответила Фея,— было бы хуже, если бы оно больше не билось.

— У меня болят ноги, синьора баронесса.

— Оставь их на кухне, пусть отдохнут, тем более что ногами ничего носить нельзя.

— Синьора баронесса, мне не хватает воздуха...

— Я не краля его у тебя, моя дорогая, у меня своего достаточно.

И действительно, казалось, что Фея никогда не устаёт. Несмотря на свой преклонный возраст, она прыгала по ступенькам, словно танцуя, как будто под каблуками у неё были спрятаны пружинки. Одновременно она продолжала подсчитывать.

— Эти индейцы мне приносят доход по двести лир каждый, даже, пожалуй, по триста лир. Сейчас индейцы очень в моде. Не кажется ли тебе, что этот электрический поезд просто чудо?! Я назову его Голубой Стрелой и, клянусь, брошу торговлю, если с завтрашнего дня сотни ребячьих глаз не будут пожирать его с утра до вечера.

И правда, это был замечательный поезд, с двумя шлагбаумами, с вокзалом и Главным Начальником Станции, с Машинистом и Начальником Поезда в очках. Прележав столько месяцев на складе, электропоезд весь покрылся пылью, но Фея хорошенько протёрла его тряпочкой, и голубая краска засверкала, как вода альпийского озера: весь поезд, включая Начальника Станции, Начальника Поезда и Машиниста, был выкрашен голубой краской.

Когда Фея стёрла пыль с глаз Машиниста, он огляделся вокруг и воскликнул:

— Наконец-то я вижу! У меня такое впечатление, будто я несколько месяцев был похоронен в пещере. Итак, когда мы отправляемся? Я готов.

— Спокойно, спокойно,— прервал его Начальник Поезда, протирая платочком очки.— Поезд не тронется без моего приказа.

— Посчитайте нашивки на вашем берете,— раздался третий голос,— и увидите, кто здесь старший.

Начальник Поезда пересчитал свои нашивки. У него было четыре. Тогда он сосчитал нашивки у Начальника Станции — пять. Начальник Поезда вздохнул, спрятал очки и притих. Начальник Станции ходил взад и вперёд по витрине, размахивая жезлом, которым дают сигнал отправления. На площади перед станцией выстроился полк оловянных стрелков с духовым оркестром и Полков-

ником. Немножко в стороне расположилась целая артиллерийская батарея во главе с Генералом.

Позади станции расстилась зелёная равнина и были разбросаны холмы. На равнине вокруг вождя, которого звали Серебряное Перо, раскинули лагерь индейцы. На вершине горы верховые ковбои держали наготове своё лассо.

Над крышей вокзала покачивался подвешенный к потолку аэроплан. Пилот высунулся из кабины и смотрел вниз. Надо вам сказать, что этот Пилот был сделан так, что он не мог подняться на ноги: ног у него не было. Это был Сидящий Пилот.

Рядом с аэропланом висела красная клетка с Канарейкой, которую звали Желтая Канарейка. Когда клетку слегка покачивали, Канарейка пела.

В витрине были еще куклы. Жёлтый Медвежонок, тряпичный пёс по имени Кнопка, краски, «Конструктор», маленький театр с тремя Марионетками и быстроходный двухмачтовый парусник. По

капитанскому мостику парусника нервно расхаживал Капитан. Ему по рассеянности приклеили только половину бороды, поэтому он тщательно скрывал безбородую половину лица, чтобы не выглядеть уродом.

Начальник Станции и Полубородый Капитан делали вид, что не замечают друг друга, но, может быть, кто-нибудь из них уже собирался вызвать другого на дуэль, чтобы решить вопрос о верховном командовании в витрине.

Куклы разделились на две группы: одни вздыхали по Начальнику Станции, другие бросали нежные взгляды на Полубородого Капитана, и лишь одна чёрная кукла с глазами белее молока глядела только на Сидящего Пилота и больше ни на кого.

Что касается тряпичного пса, то он бы с удовольствием вилял хвостом и прыгал от радости. Но он не мог оказывать эти знаки внимания всем троем, а выбрать кого-нибудь одного не хотел, чтобы не оскорблять остальных двух. Поэтому он сидел тихо и неподвижно, и

вид у него был немного глуповатый. Его имя было написано красными буквами на ошейнике: «Кнопка». Может быть, его называли так потому, что он был маленьким, как кнопка.

Но тут произошло событие, которое сразу же заставило забыть и ревность и соперничество. Как раз в это мгновение Фея подняла штору, и солнце хлынуло в витрину золотым каскадом, вызывая у всех жуткий страх, потому что никто его раньше не видел.

— Сто тысяч глухих китов!— рявкнул Полубородый Капитан.— Что случилось?

— На помощь! На помощь!— завизжали куклы, прячась друг за друга.

Генерал приказал немедленно повернуть пушки в сторону неприятеля, чтобы быть готовым отразить любую атаку. Только Серебряное Перо остался невозмутимым. Он вынул изо рта длинную трубку, что делал только в исключительных случаях, и сказал:

— Не бойтесь, игрушки. Это Великий Дух — Солнце, всеобщий друг. Смотрите, как повеселела вся площадь, радуясь его приходу.

Все посмотрели на витрину. Площадь и в самом деле сверкала под лучами солнца. Струи фонтанов казались огненными. Нежное тепло проникало сквозь запylённые стёкла в магазинчик Феи.

— Тысяча пьяных китов!— пробормотал снова Капитан.— Я ведь морской волк, а не солнечный!

Куклы, радостно болтая, сразу же стали принимать солнечные ванны.

Однако в один угол витрины солнечные лучи не могли проникнуть. Тень падала как раз на Машиниста, и тот очень рассердился:

— Должно же было так случиться, чтобы именно я оказался в тени!

Он выглянул за витрину, и его зоркие глаза, привыкшие часами смотреть на рельсы во время долгих поездок, встретились с парой огромных, широко раскрытых глаз ребёнка.

В эти глаза можно было заглянуть, как заглядывают в дом, когда на окнах нет занавесок. И, заглянув в них, Машинист увидел большую недетскую печаль.

«Странно,— подумал Машинист Голубой Стрелы.— Я всегда слышал, что дети — весёлый народ. Они только и знают, что смеются и играют с утра до вечера. А этот мне кажется грустным, как старичок. Что с ним случилось?»

Грустный мальчик долго смотрел на витрину. Его глаза наполнились слезами. Время от времени слезинки скатывались вниз по щеке и пропадали на губах. Все в витрине затаили дыхание: никто ещё не видел глаз, из которых текла бы вода, и это всех очень удивило.

— Тысяча хромых китов!— воскликнул Капитан.— Я занесу это событие в судовой журнал!

Наконец мальчик вытер глаза рукавом курточки, подошёл к двери магазина, взялся за ручку и толкнул дверь.

Раздался глухой звонок колокольчика, который, казалось, жаловался, звал на помощь.

Г л а в а III

ПОЛУБОРОДЫЙ КАПИТАН ВЗВОЛНОВАН

— Синьора баронесса, кто-то вошёл в магазин,— сообщила служанка.

Фея, которая причёсывалась в своей комнате, быстро спустилась по лесенке, держа во рту шпильки и закалывая на ходу волосы.

— Кто бы это ни был, почему он не закрывает дверь?— проворчала она.— Я не слышала звонка, но сразу же почувствовала сквозняк.

Она для солидности надела очки и вошла в лавку маленькими медленными шагами, как должна ходить настоящая синьора, особенно если она почти баронесса. Но, увидав перед собой бедно одетого мальчика, который комкал в руках свой голубой беретик, она поняла, что церемонии излишни.

— Ну? В чём дело?— Всем своим видом Фея как бы хотела сказать: «Говори побыстрее, у меня нет времени».

— Я... Синьора...— прошептал мальчик. В витрине все замерли, но ничего не было слышно.

— Что он сказал?— шепнул Начальник Поезда.

— Тс-с!— приказал Начальник Станции.— Не шумите!

— Мальчик мой!— воскликнула Фея, которая чувствовала, что начинает терять терпение, как всякий раз, когда ей приходилось говорить с людьми, не подозревающими о её благородных титулах.— Дорогой мой мальчик, времени у меня очень мало. Поторопись или же оставь меня в покое, а лучше всего напиши мне хорошее письмо.

— Но, синьора, я уже написал вам,— торопливо прошептал мальчик, боясь потерять мужество.

— Ах, вот как! Когда?

— Около месяца тому назад.

— Сейчас посмотрим. Как тебя зовут?

— Монти Франческо.

— Адрес?

— Квардиччиоло...

— Гм... Монти, Монти... Вот, Франческо Монти. Действительно,

двадцать три дня тому назад ты просил у меня в подарок электрический поезд. А почему только поезд? Ты мог бы попросить у меня аэроплан или дирижабль, а ещё лучше — целый воздушный флот!

— Но мне нравится поезд, синьора Фея.

— Ах, дорогой мой мальчик, тебе нравится поезд?! А ты знаешь, что через два дня после твоего письма сюда приходила твоя мать...

— Да, это я попросил её прийти. Я её так просил: пойди к Фее, я ей уже всё написал, и она так добра, что не откажет мне.

— Я не хорошая и не плохая. Я работаю, но не могу работать бесплатно. У твоей матери не было денег, чтобы заплатить за поезд. Она хотела в обмен на поезд оставить мне старые часы. Но я видеть их не могу, эти часы! Потому что они заставляют время двигаться быстрее. Я также напомнила ей, что она ещё должна заплатить мне за лошадку, которую брала в прошлом году. И за волчок, взятый два года тому назад. Ты знал об этом?

Нет, мальчик этого не знал. Мама редко делятся с детьми своими неприятностями.

— Вот почему в этом году ты ничего не получил. Ты понял? Не кажется ли тебе, что я права?

— Да, синьора, вы правы,— пробормотал Франческо.— Я просто думал, что вы забыли мой адрес.

— Нет, напротив, я помню его очень хорошо. Видишь, вот он у меня записан. И на днях я пошлю к вам моего секретаря, чтобы взять деньги за прошлогодние игрушки.

Старая служанка, которая прислушивалась к их разговору, услышав, что её называли секретарём, чуть не потеряла сознания и должна была выпить стакан воды, чтобы перевести дух.

— Какая честь для меня, синьора баронесса!— сказала она своей хозяйке, когда мальчик ушёл.

— Хорошо, хорошо!— грубовато пробормотала Фея.— А пока повесь на дверь объявление: «Закрыто до завтра», чтобы не приходили другие надоедливые посетители!

— Может быть, опустить штору?

— Да, пожалуй, опусти. Я вижу, что сегодня не будет хорошей торговли.

Служанка побежала выполнять приказания. Франческо всё ещё стоял у магазина, уткнувшись носом в витрину, и ждал сам не зная чего. Штора, спускаясь, чуть не ударила его по голове. Франческо уткнул нос в пыльную штору и зарыдал.

В витрине эти рыдания произвели необыкновенный эффект. Одна за другой куклы тоже стали плакать и плакали так сильно, что Капитан не выдержал и выругался:

— Что за обезьяны! Уже научились плакать!— Он плюнул на

палубу и усмехнулся:— Тысяча косых китов! Плакать из-за поезда! Да я не променял бы свой парусник на все поезда всех железных дорог мира.

Великий вождь Серебряное Перо вынул изо рта трубку, что ему приходилось делать каждый раз, когда он хотел что-либо сказать, и промолвил:

— Капитан Полубородый не говорить правды. Он есть очень взволнован из-за бедный белый ребёнок.

— Что — я? Объясните мне, пожалуйста, что значит «взволнован»?

— Это значит, что одна сторона лица плачет, а другая стыдится этого.

Капитан предпочёл не поворачиваться, так как его безбородая половина лица в самом деле плакала.

— Замолчи ты, старый петух!— крикнул он.— Не то я спущусь вниз и ошпилю тебя, как рождественского индюка!

И долго ещё продолжал изрыгать проклятия, такие цветистые, что Генерал, решив, что вот-вот начнётся война, приказал зарядить пушки. Но Серебряное Перо взял в рот трубку и замолчал, а потом даже сладко задремал. К слову сказать, он всегда спал с трубкой во рту.

Г л а в а IV

НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ДЕЛАТЬ

На следующий день Франческо вернулся, и его печальные глаза снова были устремлены на Голубую Стрелу. Пришёл он и на второй день, и на третий. Иногда он останавливался у витрины всего на несколько минут и потом, не оборачиваясь, убегал прочь. Иногда простаивал перед витриной долгие часы. Нос его был прижат к стеклу, а русский чуб спускался на лоб. Он ласково посматривал и на другие игрушки, но было видно, что сердце его принадлежит чудесному поезду.

Начальник Станции, Начальник Поезда и Машинист очень гордились этим и с важным видом поглядывали по сторонам, но никто не обижался на них за это.

Все обитатели витрины были влюблены в своего Франческо. Приходили другие дети, которые тоже подолгу рассматривали игрушки, но обитатели витрины почти не замечали их. Если Франческо не появлялся в обычное время, Начальник Станции нервно ходил взад и вперёд по рельсам, бросая тревожные взгляды на часы. Капи-

тан изрыгал проклятия. Сидящий Пилот высовывался из аэроплана, рискуя упасть, а Серебряное Перо забывал курить, так что трубка его ежеминутно гасла, и он тратил целые коробки спичек, чтобы разжечь её вновь.

И так все дни, все месяцы, весь год. Фея ежедневно получала целые пачки писем, которые она внимательно читала, делая заметки и подсчёты. Но вот писем стало столько, что требовалось полдня только на то, чтобы открывать конверты, и в витрине поняли, что близится день подарков — Новый год.

Бедный Франческо! С каждым днём его личико становилось всё более грустным. Нужно было что-то сделать для него. Все ждали, что Начальник Станции Голубой Стрелы предложит что-нибудь, подскажет какую-нибудь идею. Но тот только снимал и надевал свой берет с пятью нашивками или смотрел на носки своих ботинок, словно видел их впервые.

Г л а в а V

ИДЕЯ КНОПКИ

Идею — кто бы мог подумать — подал тряпичный пёс. Бедный Кнопка. Никто никогда не обращал на него внимания, потому что, во-первых, трудно было понять, какой он породы, а во-вторых, он всё время молчал как рыба. Кнопка был робок и боялся открыть рот. Если какая-нибудь мысль приходила ему в голову, он долго раздумывал, прежде чем сообщить её друзьям. А впрочем, с кем он мог говорить-то? Куклы были слишком элегантными синьорами, чтобы обращать внимание на пса, принадлежащего бог знает к какой породе. Свинцовые солдаты не отказались бы поговорить с ним, но офицеры, конечно, не разрешили бы им этого. В общем, у всех была какая-нибудь причина не замечать тряпичного пса, и тот вынужден был молчать. И знаете, что из этого вышло? Он разучился лаять...

Вот и на этот раз, когда он открыл рот, чтобы объяснить им свою блестящую идею, раздался такой странный звук, средний между кошачьим мяуканьем и ослиным рёвом, что вся витрина разразилась смехом.

Только Серебряное Перо не засмеялся, потому что краснокожие не смеются никогда. А когда другие кончили смеяться, он вынул трубку изо рта и сказал:

— Синьоры, слушай всё, что Кнопка говорить. Пёс всегда мало говорить и много думать. Кто думать много, мудрая вещь говорить.

Услышав комплимент, Кнопка покраснел от головы до кончика хвоста, откашлялся и объяснил наконец свою идею.

— Этот мальчик... Франческо... Вы думаете, он получит в этом году от Феи какой-нибудь подарок?

— Не думаю,— ответил Начальник Станции.— Его мать больше не приходила сюда, и писем она больше не пишет — я всегда внимательно слежу за почтой.

— Ну вот,— продолжал Кнопка,— мне тоже кажется, что Франческо ничего не получит. Но я, по правде сказать, не хотел бы попасть ни к какому другому мальчику.

— Я тоже,— пробормотал Жёлтый Медвежонок, почёсывая затылок.

— Мы тоже,— сказали три Марионетки, которые говорили все хором.

— А что вы скажете,— продолжал пёс,— если мы преподнесём ему сюрприз?

— Ха-ха-ха, сюрприз!— засмеялись куклы.— Какой же?

— Замолчите,— приказал Капитан,— женщины всегда должны помалкивать.

— Прошу прощения,— крикнул Сидящий Пилот,— не шумите так, а то наверху ничего не слышно! Пусть говорит Кнопка.

— Мы знаем его имя,— произнёс Кнопка, когда восстановилась

тишина.— Знаем его адрес. Почему бы нам всем не пойти к нему?

— К кому?— спросила одна из кукол.

— К Франческо.

На мгновение воцарилась тишина, потом развернулась оживлённая дискуссия: каждый кричал своё, не слушая, что говорят другие.

— Но это бунт!— воскликнул Генерал.— Я никак не могу позволить подобную вещь. Предлагаю повиноваться моим приказам!

— А дальше?

— Дальше? Ничего! Нужно быть дисциплинированными!

— И отправляться туда, куда нас отнесёт Фея? Тогда Франческо и в этом году ничего не получит, ведь его фамилия записана в долговой книге...

— Тысяча китов!..

— Однако,— вмешался Начальник Станции,— мы знаем адрес, но мы не знаем дороги.

— Я об этом подумал,— робко прошептал Кнопка,— я могу отыскать дорогу чутьём.

— А я умею читать земля,— промолвил Серебряное Перо.— Я тоже говорить, чтобы всем ходить к Франческо.

Теперь нужно было не болтать, а принимать решение. Все посмотрели в сторону Генерала артиллерии.

Некоторое время Генерал, почёсывая подбородок, расхаживал перед своими пятью пушками, выстроенными в боевом порядке, затем произнёс:

— Хорошо. Я буду прикрывать движение моими войсками. Признаться, мне тоже не очень нравится находиться под командованием старой Феи...

— Урра!— закричали артиллеристы.

Оркестр стрелков заиграл марш, способный воскресить мёртвого, а Машинист включил гудок локомотива и гудел до тех пор, пока все чуть не оглохли.

Поход назначили на следующую, новогоднюю ночь. В полночь Фея должна была прийти, как обычно, в магазин, чтобы наполнить игрушками свою корзину... Но витрина будет пустой.

— Представьте, какая у неё будет физиономия!— ухмыльнулся Капитан, сплюнув на палубу своего парусника.

А на следующий вечер...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава VI

НА СЛЕДУЮЩИЙ ВЕЧЕР

Первым делом игрушкам предстояло решить вопрос, как выйти из магазина. Прорезать штору, как это предлагал Главный Инженер, оказалось им не под силу. А дверь магазина запиралась на три замка.

— Я и об этом подумал,— сказал Кнопка.

Все с восхищением посмотрели на маленького тряпичного щенка, который целый год думал, не сказав ни одного слова.

— Вы помните склад? Помните ворох пустых коробок в углу? Ну вот, я был там и обнаружил в стене дырку. По ту сторону стены — погреб с лесенкой, которая ведёт на улицу.

— И откуда ты это всё знаешь?

— У нас, собак, есть такой недостаток — совать повсюду свой нос. Иногда этот недостаток бывает полезным.

— Очень хорошо,— резко возразил Генерал,— но я не представляю, как можно спустить в склад артиллерию по всем этим лестницам. А Голубая Стрела? Вы видели когда-нибудь, чтобы поезд спускался по лестнице?

Серебряное Перо вынул трубку изо рта. Все выжидающе замолкли.

— Белые люди всегда ссориться и забывать Сидящий Пилот.

— Что ты хочешь этим сказать, великий вождь?

— Сидящий Пилот перевозить всех на аэроплане.

Действительно, это был единственный способ спуститься в склад. Сидящему Пилоту предложение пришлось по душе:

— Десяток рейсов — и переход сделан!

Куклы уже предвкушали удовольствие путешествия на аэроплане, но Серебряное Перо разочаровал их:

— У кого есть ноги, тому крылья не нужны.

Таким образом, все, у кого были ноги, спустились сами, а на самолёте перевезли артиллерию, вагоны и парусник.

Но Капитан даже во время полёта отказался сойти с мостика. На зависть Генералу и Начальнику Станции, которые спускались вниз по крутым ступеням, Капитан летел над их головой.

Последним спустился Мотоциклист-Акробат. Для него спуститься на мотоцикле по лестнице было всё равно что выпить стакан воды.

Он был ещё на полпути, когда в магазине раздался крик служанки:

— На помощь, на помощи! Синьора баронесса, воры, разбойники!

— Кто там? Что случилось?— ответил голос хозяйки.

— Из витрины украли все игрушки!

Но Главный Инженер «Конструктора» уже пробил дверь склада, и беглецы ринулись в угол, заваленный ворохом пустых коробок. Едва они скрылись, послышались шаги двух старушек, которые торопливо сбежали с лестницы и ткнулись носом в запертую дверь.

— Скорее ключи!— закричала Фея.

— Замок не открывается, синьора баронесса.

— Они заперлись изнутри! Хорошо, оттуда им не выйти. Нам придётся сидеть здесь и ждать, пока они не сдадутся.

Нечего и говорить, Фея была храбрая старушка. Но на этот раз её мужество было ни к чему. Наши беглецы следом за Кнопкой, который указывал дорогу, уже пересекли гору пустых коробок и один за другим через дыру в стене пробрались в соседний подвал.

Голубой Стреле проходить через тоннели было не впервой. Начальник Станции и Начальник Поезда заняли места рядом с Машинистом, самые маленькие куклы, которые уже стали уставать, сели по вагонам, и чудесный поезд, тихонько свистнув, вошёл в тоннель.

Труднее было протащить сквозь дыру парусник, который мог передвигаться только по воде. Но об этом позаботились рабочие «Конструктора». Они в один миг построили тележку на восьми колёсиках и погрузили на неё судно вместе с Капитаном.

Они успели как раз вовремя.

Фея, устав ждать, толчком плеча распахнула дверь и стала обыскивать склад.

— Что за странная история!— дрожа от страха, бормотала старушка.

— Никого нет, синьора баронесса!— взвизгнула служанка, уцепившись от страха за юбку хозяйки.

— Это я и сама вижу. И нечего дрожать.

— Я не дрожу, синьора баронесса. Может быть, тут виновато землетрясение?

— Голубая Стрела исчезла,— грустно прошептала Фея.

— Исчезла, не оставив никаких следов.

Покинем на время бедных старушек и последуем за нашими друзьями. Они даже не представляли себе, какие приключения ожидают их впереди. Я же все их знаю от начала до конца. Есть среди них страшные, есть и весёлые, и я вам расскажу всё по порядку.

ЖЁЛТЫЙ МЕДВЕЖОНОК ВЫХОДИТ НА ПЕРВОЙ ОСТАНОВКЕ

Сразу же по другую сторону стены начались приключения. Поднял тревогу Генерал. Как вы уже могли заметить, Генерал обладал пылким темпераментом и постоянно ввязывался во всякие ссоры и происшествия.

— Мои пушки,— говорил он, покручивая усы,— мои пушки заряжавели. Чтобы почистить их, нужна небольшая война. Пусть небольшая, но всё-таки нужно пострелять хотя бы с четверть часика.

Эта мысль, как гвоздь, засела у него в голове. Едва только беглецы очутились за стеной склада, Генерал выхватил шпагу и закричал:

— Тревога, тревога!

— В чём дело, что случилось?— спрашивали друг друга солдаты, которые ещё ничего не заметили.

— На горизонте неприятель, разве вы не видите? Все к пушкам! Зарядить орудия! Приготовиться к стрельбе!

Поднялась невероятная суматоха. Артиллеристы выстраивали пушки в боевой порядок, стрелки заряжали ружья, офицеры звучными голосами выкрикивали слова команды и, подражая Генералу, покручивали усы.

— Тысяча глухонемых китов!— рявкнул Капитан с высоты своего парусника.— Прикажете немедленно перетащить несколько пушек на борт моего корабля, а то меня пустят ко дну.

Машинист Голубой Стрелы снял берет и почесал затылок:

— Не пойму, как это можно здесь пойти ко дну. По-моему, здесь только и есть воды, что в умывальном тазу, а кругом каменный пол.

Начальник Станции строго посмотрел на него.

— Если синьор Генерал говорит, что появился неприятель, значит, так оно и есть на самом деле.

— Я видел, я тоже видел!— закричал Сидящий Пилот, пролетев немножко вперёд.

— Что ты видел?

— Неприятеля! Я говорю вам, что видел его своими собственными глазами!

Испуганные куклы попрятались в вагоны Голубой Стрелы. Кукла Роза жаловалась:

— Ах, синьоры, сейчас начнётся война! Я только что уложила волосы, и, кто знает, что будет теперь с моей причёской!

Генерал приказал протрубить тревогу.

— Замолчите все!— скомандовал он.— Из-за вашей болтовни солдаты не слышат моих приказаний.

Он хотел уже открыть огонь, как вдруг раздался голос Кнопки:

— Остановитесь! Пожалуйста, остановитесь!

— Это что такое? С каких пор собаки стали командовать войсками? Застрелить его немедленно!— приказал Генерал.

Но Кнопка не испугался.

— Пожалуйста, я прошу вас, дайте отбой! Уверяю вас, это на самом деле не неприятель. Это всего-навсего ребёнок, спящий ребёнок!

— Ребёнок?!— воскликнул Генерал.— Что делает ребёнок на поле боя?

— Но, синьор Генерал, мы ведь не на поле боя — в этом-то всё дело. Мы находимся в подвале, разве вы не видите? Синьоры, я прошу вас осмотреться по сторонам. Мы находимся, как я уже сказал, в подвале, из которого можно выйти на улицу. Оказывается, этот подвал обитаем. И в глубине его, где горит огонёк, стоит кровать, а в кровати спит мальчик. Неужели вы хотите разбудить его выстрелами?

Тут раздался голос Серебряного Пера, который всё это время продолжал спокойно курить трубку.

— Пёс прав. Я видеть ребёнка и не видеть неприятеля.

— Это, конечно, какая-то уловка,— настаивал Генерал, не желая отказаться от сражения.— Неприятель прикинулся невинным и безоружным созданием.

Но кто слушал его теперь?

Даже куклы вышли из своих убежищ и устремили взгляды в полумрак подвала.

— Правда, это ребёнок,— сказала одна.

— И очень худенький,— добавила вторая.

— Это невоспитанный ребёнок,— изрекла третья,— он спит и держит палец во рту.

В подвале около стен стояла старая ободранная мебель, на полу лежал ободранный соломенный тюфяк, стоял таз с отбитым краем, потухший очаг и кровать, в которой спал ребёнок. Очевидно, его родители ушли на работу, а может быть, они просили милостыню, и ребёнок остался один. Он лёг спать, но не потушил маленькую ке-

росиновую лампу, стоявшую на тумбочке. Может быть, он боялся темноты, а может быть, ему нравилось смотреть на большие колеблющиеся тени, которые отбрасывала лампа на потолок. И, глядя на эти тени, он заснул.

Наш храбрый Генерал был наделён богатой фантазией: он принял керосиновую лампу за огни вражеского лагеря и поднял тревогу.

— Тысяча новорожденных китов!— загремел Полубородый Капитан, нервно поглаживая безбородую половину подбородка.— А я уж подумал, что на горизонте появилось пиратское судно. Но, если не обманывает меня моя подзорная труба, этот ребёнок не похож на пирата. У него нет ни абордажных крючьев, ни чёрной повязки на глазу, ни чёрного пиратского флага с черепом и костями. Мне кажется, что эта бригантина мирно плавает в океане снов.

Сидящий Пилот полетел на разведку к самой кровати, пролетел два-три раза прямо над мальчиком, который махнул во сне рукой, как бы отгоняя назойливую муху, и, вернувшись, доложил:

— Никакой опасности, синьор Генерал. Неприятель, простите, я хотел сказать, ребёнок, заснул.

— Тогда мы захватим его врасплох,— объявил Генерал.

Но на этот раз возмутились ковбои:

— Захватить ребёнка? Неужели для этого предназначены наши лассо? Мы ловим диких лошадей и быков, а не детей. На первом же кактусе мы повесим того, кто осмелится причинить вред ребёнку!

С этими словами они пустили лошадей в галоп и окружили Генерала, готовые в любую минуту набросить на него лассо.

— Я говорил просто так,— проворчал Генерал.— Нельзя и пошутить немножко. Нет у вас никакой фантазии!

Колонна беглецов приблизилась к кровати. Я не стану вас уверять, что все сердца бились спокойно. Некоторые куклы ещё не оправались от испуга и прятались за других, например за спину Жёлтого Медвежонка. Его маленький мозг из опилок соображал очень медленно. Происходящие события он воспринимал не сразу, а в порядке их очерёдности. Если нужно было одновременно понять две какие-нибудь вещи, у Жёлтого Медвежонка сразу же начиналась ужасная головная боль. Зато у него было хорошее зрение. Он первый увидел, что за неприятеля приняли маленького спящего мальчика. Медвежонка сразу охватило желание прыгнуть на кровать и поиграть с ним. Он даже не подумал о том, что спящие мальчики не играют с медвежатами, хотя бы и игрушечными.

На тумбочке рядом с лампой лежал сложенный вчетверо листок. На одной стороне его большими буквами был написан адрес.

— Ручаюсь вам, что это зашифрованное послание,— сказал Генерал, который уже заподозрил в мальчике вражеского шпиона.

— Возможно,— согласился Начальник Станции. Но, так или иначе, всё равно мы не могли бы прочесть его. Оно адресовано не нам. Видите? Здесь написано: «Синьоре Фее».

— Очень интересно,— сказал Генерал.— Письмо адресовано синьоре Фее, то есть нашей хозяйке. А может быть, мальчик сообщает ей сведения о нас? Может быть, он следил за нами? Мы должны во что бы то ни стало прочесть это письмо!

— Нельзя,— упорствовал Начальник Станции.— Это нарушение почтовой тайны.

Но, как ни странно, на этот раз с Генералом согласился Серебряное Перо.

— Прочтите,— неожиданно произнёс он и снова сунул в рот свою трубку.

Этого оказалось достаточно. Генерал вскарабкался на стул, развернул листок, откашлялся, как будто он собирался огласить указ о начале войны, и стал читать:

«Синьора Фей, я услышал о вас впервые в этом году; до этого я никогда ни от кого не получал подарков. В этот вечер я не тушу лампу и надеюсь увидеть вас, когда вы придёте сюда. Тогда я расскажу вам, какую игрушку мне бы хотелось получить. Я боюсь заснуть и поэтому пишу это письмо. Очень прошу вас, синьора Фей, не откажите мне: я хороший мальчик, это все говорят, и буду ещё лучше, если вы сделаете меня счастливым. А не то зачем же мне быть хорошим мальчиком?

Ваш Д Ж А М П А О Л О».

Воинственный тон, которым Генерал начал читать письмо, к концу чтения стал нежным. Нечего скрывать, старый солдат был взволнован.

Игрушки затаили дыхание, и только одна кукла вздохнула так сильно, что все обернулись и посмотрели на неё, и она очень смутилась.

— Тысячадохлых китов!— раздался голос Полубородого Капитана.— Мне кажется, что наша старая хозяйка несправедлива. Вот ребёнок, который по её вине может стать плохим.

— Что значит стать плохим?— спросила кукла Роза.

Но никто ей не ответил, а другие куклы потянули её за юбку, чтобы она замолчала.

— Нужно что-то сделать,— сказал Начальник Станции.

— Требуется доброволец,— подсказал Полковник.

В это время раздался какой-то странный кашель. Когда люди так кашляют, это значит, что они хотят что-то сказать, но боятся.

— Смелее говори!— крикнул Пилот, который сверху всегда первым видел, что случилось.

— Так вот,— проговорил Жёлтый Медвежонок, ещё раз кашля-

нув, чтобы скрыть своё смущение,— по правде сказать, слишком длительные путешествия мне не нравятся. Я уже устал бродить по свету и хотел бы отдохнуть. Не кажется ли вам, что я мог бы остаться здесь?

Бедный Жёлтый Медвежонок! Он хотел выдать себя за хитреца, хотел скрыть своё доброе сердце. Кто знает, почему люди с добрым сердцем всегда стараются скрыть это от других?

— Не смотрите так на меня,— сказал он,— не то я превращусь в красного Медведя. Мне кажется, что на этой кровати я могу чудесно подремать в ожидании рассвета, а вы будете бродить по улицам в такой холод и искать Франческо.

— Хорошо,— сказал Капитан,— оставайся здесь. Дети и медведи живут дружно, потому что хотя бы в одном они схожи: они всегда хотят играть.

Все согласились и стали прощаться. Каждому хотелось пожать лапу Жёлтого Медвежонка, пожелать ему счастья. Но в это время раздался громкий продолжительный гудок. Начальник Станции поднёс к губам свой свисток, Начальник Поезда закричал:

— Скорее, синьоры, по вагонам! Поезд отправляется! По вагонам, синьоры!

Куклы, боясь отстать от поезда, подняли невообразимую суматоху.

Стрелки устроились на крышах вагонов, а парусник Капитана погрузили на платформу.

Поезд медленно тронулся.

Дверь подвала была открыта и выходила в тёмный узкий переулок. Жёлтый Медвежонок, примостившись около подушки, рядом с головкой Джампаоло, с некоторой грустью посмотрел на своих товарищей, которые медленно удалялись. Медвежонок вздохнул так сильно, что волосы мальчика зашевелились, как от дуновения ветра.

— Тише, тише, друг мой,— сказал самому себе Медвежонок,— не разбуди его.

Мальчик не проснулся, но лёгкая улыбка промелькнула на его губах.

«Ему снится сон,— сказал про себя Медвежонок.— Он видит во сне, что именно сейчас Фея прошла около него, положив ему на стул подарок, а ветерок, поднятый её длинной юбкой, взъерошил его волосы. Готов держать пари, что он видит сейчас именно это. Но кто знает, какой подарок преподнесёт ему Фея во сне?»

И вот Медвежонок пустился на хитрость, которая вам никогда не пришла бы в голову: он наклонился к уху мальчика и тихо-тихо стал нащёптывать:

— Фея уже пришла и оставила тебе Жёлтого Медвежонка. Чудесный Медвежонок, уверяю тебя! Я хорошо его знаю, ведь я столь-

ко раз видел его в зеркале. Из спины у него торчит ключик для завода пружины, и, когда она заведена, Медвежонок танцует, как танцуют медведи на ярмарках и в цирке. Сейчас я тебе покажу.

Жёлтый Медвежонок с большим трудом дотянулся до пружины и завёл её. В тот же момент он почувствовал, что с ним творится что-то странное. Сначала по спине Медвежонок пробежала дрожь, и ему стало необыкновенно весело. Потом дрожь пробежала по его ногам, и они сами пустились в пляс.

Жёлтый Медвежонок никогда ещё не танцевал так хорошо. Мальчик засмеялся во сне и от смеха проснулся. Он похлопал ресницами, чтобы привыкнуть к свету, и, увидев Жёлтого Медвежонок, понял, что сон не обманул его. Танцуя, Медвежонок подмигивал ему, как бы говоря: «Увидишь, мы будем друзьями».

И первый раз в жизни Джампаоло почувствовал себя счастливым.

Глава VIII

ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР СООРУЖАЕТ МОСТ

Переулок шёл в гору, но Голубая Стрела без труда преодолела подъем и выехала на большую площадь как раз перед магазином Феи. Машинист высунулся из окошка и спросил:

— В какую сторону ехать теперь?

— Всё время прямо!— закричал Генерал.— Лобовая атака — самая лучшая тактика, чтобы опрокинуть неприятеля!

— Какого неприятеля?— спросил Начальник Станции.— Прекратите, пожалуйста, ваши вымыслы. В поезде вы такой же пассажир, как и все остальные. Понятно? Поезд пойдёт туда, куда велю я!

— Хорошо,— ответил Машинист,— но говорите быстрее, потому что мы вот-вот врежемся в тротуар.

— Направо!— раздался голос Кнопки.— Немедленно сворачивайте направо: я чую след Франческо.

— Итак, направо!— произнёс Начальник Станции.

И Голубая Стрела на полном ходу свернула направо. Сидящий Пилот летел на высоте двух метров от земли, чтобы не потерять поезд из виду. Он попробовал подняться выше, но чуть не наткнулся на трамвайные провода.

Молчаливые ковбои и индейцы скакали справа и слева от поезда и были похожи на окруживших его бандитов.

— Гм-гм,— недоверчиво сказал Генерал,— ставлю свои эполеты против дырявого сольдо, что это путешествие добром не кон-

чится. У этих всадников очень ненадёжный вид. На первой же остановке я переберусь на платформу, где стоят мои пушки.

Как раз в этот момент слышались вопли Кнопки. Очевидно, он почувствовал какую-то опасность. Но было уже поздно. Машинист не успел затормозить, и Голубая Стрела на полном ходу пошла в глубокую лужу. Вода поднялась почти до уровня окошек. Куклы очень испугались и перебрались к стрелкам, на крыши вагонов.

— Мы на земле,— произнес Машинист, вытирая с лица пот.

— Вы хотите сказать, что мы в воде,— поправил Капитан.

— Ничего не остаётся делать, как спустить в воду мой парусник и принять всех на борт.

Но парусник был слишком мал. Тогда Главный Инженер предложил соорудить мост.

— Прежде чем мост будет построен, нас поймают,— качая головой, произнёс Капитан.

Впрочем, другого выхода не было. Рабочие «Конструктора» под руководством Главного Инженера принялись за постройку моста.

— Подъёмным краном мы поднимем Голубую Стрелу и поставим её на мост,— пообещал Инженер,— пассажирам даже выходить не придется.

С этими словами он бросил горделивый взгляд на кукол. Те с восхищением смотрели на него. Только кукла Нера оставалась верна своему Пилоту и не сводила с него глаз.

Пошёл снег. Уровень воды в луже стал подниматься, и сложные расчёты Инженера были сведены на нет.

— Нелёгкая вещь — построить мост во время наводнения,— сквозь зубы проговорил Инженер.— Но мы всё же попытаемся.

Чтобы ускорить работы, Полковник предоставил в распоряжение Инженера всех своих стрелков. Мост поднимался над водой. В тёмной снежной ночи слышался звон железа, удары молотков, скрип тачек.

Индейцы и ковбой переправились через лужу на лошадях и расположились лагерем на другом берегу. Далеко внизу виднелась красная точка, которая то угасала, то ярко вспыхивала, как светлячок. Это была трубка Серебряного Пера.

Выглядывая из окошек вагонов, пассажиры следили за этим красным огоньком, который сиял, как далёкая надежда.

Три Марионетки предположили хором:

— Кажется, это звезда!

Это были сентиментальные Марионетки: они умудрялись видеть звёзды даже в снежную ночь. И, пожалуй, они были счастливы, не так ли?

Но вот загрели крики «ура». Люди Главного Инженера и стрелки достигли берега — мост был готов!

Подъёмный кран поднял Голубую Стрелу и поставил её на мост, на котором, как на всех железнодорожных мостах, уже были проложены рельсы. Начальник Станции поднял зелёный семафор, давая сигнал к отправлению, и поезд с лёгким скрежетом двинулся вперёд.

Но не успел он проехать несколько метров, как Генерал снова поднял тревогу:

— Потушить все огни! Над нами вражеский самолёт!

— Тысяча сумасшедших китов!— воскликнул Полубородый Капитан.

— Съесть мне мою бороду, если это не Фея!

С грозным гулом огромная тень спускалась на площадь. Беглецы уже могли различить метлу Феи и сидевших на ней двух старушек.

Фея, надо вам сказать, уже почти примирилась с потерей своих лучших игрушек. Она собрала все игрушки, оставшиеся в шкафах и на складе, и отправилась по своему обычному маршруту, как всегда вылетев из трубы на метле.

Но она не добралась ещё и до половины площади, как восклицание служанки заставило её повернуть обратно.

— Синьора баронесса, посмотрите вниз!

— Куда? А, вижу, вижу!.. Да ведь это фары Голубой Стрелы!

— Мне кажется, что это именно так, баронесса.

Не теряя времени, Фея повернула ручку метлы на юго-запад и спикировала прямо на свет, отражавшийся в воде лужи.

На этот раз Генерал поднял тревогу не напрасно. Свет погасили. Машинист включил мотор на полную скорость и в одно мгновение переехал мост. Платформа, на которой стоял парусник Капитана, и два последних вагона едва успели стать на твёрдую землю, как мост с грохотом рухнул.

Кто-то предположил, что Фея принялась бомбить мост, но оказалось, что это Генерал, никого не предупредив, заминировал мост и взорвал его.

— Я лучше проглочу его по кускам, чем оставлю неприятелю!— воскликнул он, покручивая усы.

Фея уже спутилась почти к самой воде и с огромной скоростью приближалась к Голубой Стреле.

— Быстрее налево!— кричал один из ковбоев.

Не дожидаясь, пока Начальник Станции подтвердит приказание, Машинист свернул влево, да так быстро, что поезд чуть не разорвался пополам и вошел в тёмный подъезд, в котором мерцал огонёк трубки Серебряного Пера.

Голубую Стрелу поставили как можно ближе к стене, дверь подъезда закрыли и заперли на засов.

— Интересно, она нас увидела?— прошептал Капитан.

Но Фея не заметила их.

— Странно!— бормотала она в этот момент, описывая круги над площадью.— Можно подумать, что их проглотила земля: нигде никаких следов... Голубая Стрела была лучшей игрушкой моего магазина!— со вздохом продолжала Фея.— Ничего не понимаю: может быть, они убежали от воров и ищут дорогу домой? Кто знает! Но не будем терять времени. За работу! Нам нужно разнести бесчисленное множество подарков.— И, повернув метлу на север, она исчезла в снегопаде.

Бедная старушка! Представьте себя на её месте: её магазин обворовали как раз в новогоднюю ночь, а она знает, что в тысячах домов в этот день ребята подвешивают к камину чулок, чтобы утром найти в нём подарок Феи.

Да, есть отчего схватиться за голову!.. А вдобавок ещё этот снег: он бьёт в лицо, заклепывает глаза, уши. Что за ночь, синьоры мои, что за ночь!

Г л а в а IX

ПРОЩАЙ, КУКЛА РОЗА!

— Здесь темно, как в бутылке с чернилами,— сказал Начальник Станции.

— Неприятель может устроить нам здесь любую ловушку,— добавил Генерал.— Пожалуй, лучше зажечь фары.

Машинист включил фары Голубой Стрелы. Беглецы осмотрелись. Они находились в подъезде, загромождённом пустыми ящиками из-под фруктов. Это был подъезд фруктового магазина.

Куклы вышли из вагонов, собрались в уголок и подняли там невероятный шум.

— Тысяча китов-болтунов!— заворчал Полубородый Капитан.— Эти девчонки ни минуты не могут помолчать.

— Ой, здесь кто-то есть!— воскликнула кукла Роза своим милым голоском, похожим на трель кларнета.

— Мне тоже кажется, что здесь люди,— сказал Машинист.— Но кому могла прийти в голову глупая мысль сидеть в подъезде в такую холодную ночь? Что касается меня, то я отдал бы колесо моего паровоза за хорошую постель с грелкой в ногах.

— Это девочка,— заговорили куклы.

— Посмотрите, она спит.

— Как она замёрзла! У неё ледяная кожа.

Самые смелые куклы протягивали свои ручки, чтобы пощупать, какая холодная у девочки кожа. Делали они это очень тихо, боясь разбудить девочку, но та не просыпалась.

— Какая она оборванная! Может быть, она поссорилась с кем-нибудь?

— А может быть, подруги побили её и она боится теперь вернуться домой в такой грязной и изорванной одежде?

Незаметно они стали говорить громче, но девочка ничего не слышала, оставаясь неподвижной и белой как снег. Она сжала руки под подбородком, как бы желая согреться, но и руки её были ледяные.

— Попробуем согреть её,— предложила кукла Роза.

Она ласково коснулась своими ручонками рук девочки и стала растирать их. Бесполезно. Руки девочки были как два куска льда. Один стрелок спустился с крыши вагона и подошёл к девочке.

— Э-э-э,— протянул он, бросив взгляд на маленькую,— много я видел таких девочек...

— Вы её знаете?— спросили куклы.

— Знаю ли я её? Нет, именно эту не знаю, но встречал похожих на неё. Это девочка из бедной семьи, и всё тут.

— Как мальчик из подвала?

— Ещё беднее, ещё беднее. У этой девочки нет дома. Снег застал её на улице, и она укрылась в подъезде, чтобы не умереть от холода.

— А сейчас она спит?

— Да, спит,— ответил солдат.— Но странный у неё сон.

— Что вы хотите этим сказать?

— Не думаю, чтобы она проснулась когда-нибудь.

— Не говорите глупостей!— решительно возразила кукла Роза.— Почему она не должна проснуться? А вот я останусь здесь до тех пор, пока она не проснётся. Я уже устала путешествовать. Я домашняя кукла, и мне не нравится бродить ночью по улицам. Я останусь с этой девочкой и, когда она проснётся, пойду вместе с ней.

Кукла Роза совершенно преобразилась. Куда только делся её глупый и хвастливый вид, который так раздражал Полубородого Капитана! Удивительный огонь зажёгся в её глазах, и они стали ещё более голубыми.

— Я останусь здесь!— решительно повторила Роза.— Конечно, это нехорошо по отношению к Франческо, но вообще-то я не думаю, чтобы его огорчило моё отсутствие. Франческо — мужчина, и он даже знать не будет, что ему делать с куклой. Вы передадите ему мой привет, и он простит меня. А потом, кто знает, может быть, эта девочка пойдёт в гости к Франческо, возьмёт меня с собой, и мы ещё увидимся.

Но почему это она говорила и говорила без конца, как будто в горле у неё было полно слов и ей приходилось выбрасывать их наружу, чтобы не задохнуться?

Потому, что она не хотела, чтобы заговорили другие. Она боялась услышать отрицательный ответ, боялась, что ей придётся покинуть одинокую девочку в тёмном подъезде в такой холод. Но никто не возразил ей. Кнопка вышел на разведку из подъезда и, вернувшись, объявил, что дорога свободна и можно отправляться в путь.

Один за другим беглецы садились в поезд. Начальник Станции на всякий случай приказал ехать с потушенными огнями.

Голубая Стрела медленно двинулась к выходу.

— Прощай, прощай,— шёпотом говорили игрушки кукле Розе.

— До свидания,— дрожащим голосом отвечала она. Нечего скрывать, ей было страшно оставаться одной. Она прижалась к спящей девочке и повторила:—Прощайте!

Три Марионетки все вместе высунулись из окошка.

— Прощай!— хором прокричали они.— Нам хочется плакать, но ты ведь знаешь, что это невозможно. Мы сделаны из дерева, и у нас нет сердца. Прощай!

А у куклы Розы было сердце. По правде сказать, она никогда раньше не чувствовала его. Но сейчас, оставшись одна в тёмном, незнакомом подъезде, она почувствовала в груди глубокие, учащённые удары и поняла, что это билось её сердце. И билось оно так сильно, что кукла не могла произнести ни слова.

Сквозь удары сердца она едва расслышала стук колёс удалявшегося поезда. Потом шум затих, и ей показалось, что кто-то произнёс: «Не видать тебе больше твоих подруг, маленькая».

Ей стало очень страшно, но усталость и волнения, перенесённые во время путешествия, дали себя знать. Кукла Роза закрыла глаза. Да и к чему было держать их открытыми. Ведь было так темно, что она не видела даже кончика своего носа. Закрыв глаза, она незаметно уснула.

Так и нашла их утром привратница: обнявшись, как сестрёнки, на полу сидели замёрзшая девочка и кукла Роза.

Кукла не понимала, почему все эти люди собрались в подъезде, и с недоумением смотрела на них. Пришли настоящие, живые карабины, такие большие, что просто ужас.

Девочку отнесли в машину и увезли. Кукла Роза так и не поняла, почему девочка не проснулась: ведь до этого она никогда не видела мёртвых.

Один карабинер взял её с собой и отнёс к командиру. У командира была девочка, и командир взял куклу для неё.

Но кукла Роза не переставала думать о замёрзшей девочке, около которой она провела новогоднюю ночь. И каждый раз, думая о ней, она чувствовала, как леденеет её сердце.

ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА

Опустив мордочку к самой земле, Кнопка бежал перед паровозом. Снег покрывал мостовую плотным одеялом. Всё труднее и труднее было отыскивать под снегом запах порванных башмаков Франческо. Кнопка часто останавливался, нерешительно оглядывался по сторонам, возвращался назад, менял направление.

— Может быть, Франческо останавливался здесь поиграть?— говорил пёс про себя.— Поэтому следы такие запутанные.

Машинист, прищурив глаза, медленно вёл поезд за Кнопкой. Пассажиры в поезде стали мёрзнуть.

— Нужно ехать быстрее,— торопил Капитан.— Я боюсь, что таким ходом мы приедем только на будущий год или нас раздавит утром первый же трамвай.

Следы шли зигзагами, и Голубой Стреле приходилось подниматься на тротуары, спускаться с них, описывать кривые по площадям, по три-четыре раза пересекать одну и ту же улицу.

— Что за манера бродить по улицам!— ворчал Начальник Станции.— Учат, учат детей, что кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая линия, а они, как только выйдут на улицу, сразу же начинают бродить по окружности. Возьмите этого Франческо: на пути в десять метров он десять раз пересёк улицу. Удивляюсь, как он не попал под машину.

Кнопка неустанно искал в снегу следы Франческо. Он почти не чувствовал ни холода, ни усталости и дорогой мысленно разговаривал с Франческо, как будто тот мог слышать его: «Мы все идём к тебе, Франческо! Это будет чудесный сюрприз для тебя. Вот увидишь».

Он так увлёкся мысленным разговором с Франческо, что не заметил, что следы куда-то исчезли. Он рыскал по всем направлениям, но никак не мог отыскать их. След кончался здесь, посередине этой узкой, слабо освещённой улицы, а не перед подъездом или где-нибудь на тротуаре.

«Невероятно!— подумал Кнопка.— Не мог же он подняться в воздух?»

— Что там случилось?— закричал Генерал, которому повсюду чудились враги.

— Кнопка никак не отыщет следов Франческо,— хладнокровно сообщил Машинист.

Раздался общий стон. Куклы уже видели себя погребёнными под снегом посередине улицы.

— Тысяча мороженных китов!— воскликнул Полубородый.— Только этого ещё нам не хватало!

— Его украли!— возбуждённо проговорил Генерал.

— Кого украли?

— Ребёнка, чёрт возьми! Нашего Франческо! Его следы доходят до середины улицы и там кончаются. Что это означает?

— Ребёнка подняли в воздух, швырнули в машину и увезли.

— Но кто же мог украсть его? Кому нужен ребёнок?

Выручил Сидящий Пилот. Он предложил слетать на разведку, и, так как никто не мог придумать ничего лучшего, предложение Пилота было принято. Самолёт набрал высоту. Некоторое время его ещё видели в слабом свете уличного фонаря, но вот уже он исчез из вида, а вскоре затих и шум мотора.

— Ручаюсь, что мальчика украли,— продолжал настаивать Генерал.— Это значит, что опасность угрожает всем нам. Ко мне, солдаты! Зарядите быстрее пушки, поставьте их вдоль поезда и приготовьтесь открыть огонь!

Артиллеристы заворчали:

— Чтоб он простудился! Заряжать и разряжать всю ночь! А заряды уже промокли и не взорвутся, если даже их бросить в Везувий!

— Молчать!— прикрикнул на них Генерал.

Стрелки, неподвижно стоявшие на крышах вагонов, смотрели сверху вниз на своих братьев, которые потели, таская тяжёлые пушки.

«Везёт артиллеристам!— думали стрелки.— Они работают, а нас уже до колен засыпало снегом. Пройдёт немного времени, и мы превратимся в снежные статуи!»

Музыканты тоже были в отчаянии: снег набился в трубы и закупорил их.

Тут произошло нечто непонятное: как только первую пушку сняли с платформы, она исчезла под снегом. Вторая провалилась, как будто под ней было озеро. Земля проглотила и третью пушку. Короче говоря, как только пушку спускали с платформы, она исчезала под снегом.

— Что такое... Это же...— от удивления и негодования Генерал потерял дар речи. Он опустился на колени и принялся разрывать снег руками.

И тут всё разъяснилось. Оказалось, что пушки ставили прямо на прикрытую снегом яму и они проваливались в воду, журчавшую под снегом.

Генерал так и остался стоять на коленях, как будто сражённый молнией. Он сорвал берет, стал рвать волосы на голове, и, может быть, содрал бы и кожу, если бы не услышал, что артиллеристы смеются.

— Несчастные! Лучшие, единственные орудия нашей армии попали в ловушку неприятеля, а вы смеётесь! Разве вы не понимаете, что теперь мы безоружны? Все под арест! По возвращении в казарму вы все предстанете перед судом военного трибунала!

Артиллеристы сразу же приняли серьёзный вид, но продолжали вздрагивать от едва сдерживаемого смеха.

«Не так уж плохо,— думали они,— по крайней мере, мы не будем больше заряжать и разряжать пушки! Пусть синьор Генерал кричит, сколько ему угодно. Нам и без пушек хорошо: меньше работы».

Генерал, казалось, постарел лет на двадцать. Волосы его побелели, может быть, ещё и оттого, что он снял берет и снег падал на его голову со скоростью сантиметра в секунду.

Камни прослезились бы при виде этой сцены! Но, к несчастью, камни не могли видеть этого: ведь они сами были под снегом.

— Всё кончено!— рыдал Генерал.— Кончено! Мне нечего больше делать!

У него было такое ощущение, словно он ел чудесное пирожное и вдруг, неизвестно каким образом, вся сладость исчезла, и он обнаружил, что жуёт что-то вроде безвкусного картона. Без пушек жизнь Генерала была безвкусной, как еда без соли.

Он продолжал неподвижно стоять на коленях, не обращая внимания на все просьбы, и даже не отряхивал с себя снег.

— Синьор Генерал, на вас падает снег,— заметили артиллеристы и хотели стряхнуть снег с его плеч.

— Оставьте меня, оставьте меня в покое!

— Ведь снег совсем засыплет вас. Он дошёл уже до колен.

— Неважно.

— Синьор Генерал, снег уже вам по грудь.

— Я не чувствую холода. Сердце у меня сейчас холоднее снега.— В одно мгновение Генерал был почти целиком покрыт снегом. Некоторое время ещё виднелись его усы, но вот и они исчезли. Вместо Генерала осталась снежная статуя, статуя коленопреклонённого Генерала, вцепившегося руками в края ямы, в которую провалились его пушки. Бедный Генерал, что за гибель!

По-моему, он не заслужил такой участи, хотя и желал её. Никто не мешал ему подняться, отряхнуть снег и укрыться в вагоне. Будучи Генералом, он имел право ехать в вагоне первого класса. Однако он предпочёл превратиться в снежную статую.

Но оставим Генерала с его холодной судьбой. Прощай, синьор Генерал! Мы не забудем тебя.

Я-то хорош! Теряю время на поминки по Генералу, когда пассажирам Голубой Стрелы угрожают очень серьёзные неприятности. На этот раз речь идёт о Кошке. Настоящей, не игрушечной Кошке, величиной с целых два вагона Голубой Стрелы.

Пока мы все смотрели на Генерала и мысли наши были заняты его самопожертвованием, страшная хищница тихонько подобралась по снегу, осмотрела всех своими зелёными глазами и выбрала добычу.

Вы ещё не забыли о Канарейке в клетке, которая прыгала на своей пружине и всё время напевала «чик-чик»? Ну вот, добавлю только, что клетка с Канарейкой была подвешена снаружи к окошку Голубой Стрелы. Вообще-то клетка должна была висеть в вагоне, но Канарейка своим несмолкаемым пением так всем надоела, что клетку подвесили снаружи.

Кошка заметила неосторожную Канарейку и решила полакомиться ею.

«Я сломаю клетку одним ударом лапы»,— подумала она.

Так и вышло.

«Ещё одним ударом я заставлю Канарейку замолчать»,— подумала Кошка.

Но так не вышло.

Канарейка почувствовала, как острые когти скользнули по её крыльям, и испустила отчаянное «чик-чик». Затем что-то треснуло, щёлкнуло — и распрямившаяся пружина ударила агрессора по носу.

Полуослепшая от боли и напуганная неожиданным ударом — кто мог ожидать такую энергичную защиту от Канарейки? — Кошка убралась прочь. Ковбои некоторое время пытались преследовать её, но их кони проваливались в снег и не могли бежать быстро.

Да, на этот раз Кошка вместо добычи получила удар по носу. Но и бедная Канарейка лежала в снегу вся изуродованная.

Из-под крыльев у неё торчала стальная пружина. Раскрытый клюв замолк навсегда.

В течение нескольких минут Голубая Стрела потеряла двух своих пассажиров.

Третий — Сидящий Пилот — в этот момент летел неведомо где на своём самолёте. А может быть, уже порыв ветра ударил его о печную трубу? Или он рухнул на землю под тяжестью снега, облепившего слабые крылья его самолёта? Кто знает?

Канарейку с воинскими почестями похоронили под снегом. Стрелки вытряхнули из своих труб снег и сыграли похоронный марш. Сказать по правде, звук труб был какой-то простуженный: казалось, что музыка доносилась издалека, с соседней улицы. Но всё же это было лучше, чем ничего.

Впрочем, история Канарейки на этом не кончается. Её друзья из Голубой Стрелы не знают продолжения этой истории, потому что, похоронив Канарейку, они возобновили свой ночной марш. Но я на некоторое время задержался здесь и видел, как ночной сторож слез со своего велосипеда, колесо которого наткнулось на клетку.

Ночной сторож подобрал её, подвесил к велосипеду и тут же, прямо посреди улицы, попробовал вправить пружину. Чего только не сделают две искусные руки! Через несколько минут прозвучало «чик-чик» Канарейки, немного приглушённое, но от этого ещё более весёлое и беспечное.

«Она понравится моему сыну,— подумал ночной сторож.— Я скажу ему, что Канарейку мне дала Фея. Скажу, что встретил её ночью на улице и она передала ему привет и пожелания весёлой, счастливой жизни».

Так подумал ночной сторож. Может быть, он думал ещё о чём-нибудь, но у меня нет времени сообщить вам об этом, потому что я должен продолжить рассказ о приключениях Голубой Стрелы. А ночной сторож поехал дальше и на поворотах, вместо того чтобы звонить в велосипедный звонок, толкал клетку, и тогда раздавалось весёлое «чик-чик» Канарейки. Мне кажется, что он неплохо придумал.

Глава XI

ПОЛЁТ СИДЯЩЕГО ПИЛОТА

Все мы в сборе? Нет, не хватает Сидящего Пилота, который отправился на своём аэроплане на поиски следов Франческо.

Это был опасный полёт: ведь погода была совсем нелётная.

Стараясь держаться середины улицы, чтобы не запутаться в электрических проводах или не натолкнуться на какое-нибудь здание, Сидящий Пилот с завистью думал о Фее:

«Интересно, каким образом эта старая синьора летает на своей метле, если я на самолёте новейшей конструкции и то ежеминутно рискую рухнуть на землю?.. Хотел бы я знать,— продолжал про себя доблестный авиатор,— в какую сторону мне сейчас направиться? Ничего не видно ни вверху, ни внизу, ни слева, ни справа, да я и не верю, чтобы Франческо оставил какие-нибудь следы в облаках. Помоему, нужно спуститься ниже».

Он пошёл на снижение, но ему моментально снова пришлось набрать высоту, чтобы не приземлиться на голову ночного сторожа, который быстро ехал по улице на своём велосипеде. Воз-

можно, это был тот самый сторож, который нашёл Канарейку.

Спустя некоторое время Пилоту показалось, что ночь стала чуть посветлее.

«Может быть, я вылетел на площадь?— проговорил он про себя.— Попробую спуститься ещё раз».

Он снова пошёл на снижение, но вдруг перед ним выросла огромная мрачная тень, из глубины которой прозвучал громкий голос:

— Эй, синьор Пилот, приземляйтесь, пожалуйста, сюда!

Сидящий Пилот моментально принял решение: «Сделаю вид, что не расслышал. Я никого не знаю в этих краях и не хотел бы нарваться на какую-нибудь неприятную встречу».

Но только он это подумал, как чья-то гигантская рука осторожно взяла аэроплан и потащила его к себе.

— Я пропал,— громко воскликнул Сидящий Пилот.

— Почему пропал? Я никогда не был ни бандитом, ни разбойником,— ответил хозяин руки.— А теперь я всего-навсего мирный бронзовый Памятник, стоящий в центре площади, и у меня даже в мыслях нет сделать вам что-нибудь плохое.

Сидящий Пилот облегчённо вздохнул и осмелился наконец посмотреть, откуда исходил голос. Он увидел огромное добродушное лицо, на котором между усами и бородой скользнула приветливая улыбка.

— Кто вы такой?

— Я же сказал вам. Я Памятник. Раньше я был патриотом и с высоты моего коня призывал воинов к освобождению родины.

— А сейчас вы тоже на лошади?

— Да. Лошадь довольно большая, как же вы её не заметили?

— Я летел высоко. Сейчас, с вашего разрешения, я отправлюсь дальше. Я сделаю над вами круг, чтобы лучше осмотреть вас и вашу лошадь.

— К чему спешить?— улыбнулся Памятник.— Подождите ещё минутку, давайте немного поболтаем. Мне так редко случается говорить с кем-нибудь, что я чувствую, как у меня онемел язык и губы двигаются с трудом. Я уже давно услышал жужжание вашего самолёта и очень удивился. «Неужели,— думаю,— летает муха в такое время года?» Что за история! Клянусь, что такие маленькие аэропланы я видел только в руках детей!

Сидящий Пилот рассказал, что его аэроплан — тоже детская игрушка, и в нескольких словах сообщил Памятнику о своих делах и о Голубой Стреле.

— Очень интересно,— ответил Памятник, внимательно выслушав рассказ.— Я тоже люблю детей. В хорошую погоду они всегда прибегают поиграть около моего коня. А сейчас выпал снег, и они оставили меня одного. Но это вполне естественно, и я не обижаюсь.

Правда, один из них частенько навещает меня и сейчас, хотя я не могу поручиться, что он приходит именно ко мне. У этого мальчугана каштановые волосы, и чуб спускается ему на самые глаза. Он приходит, садиться на ступеньки и долго думает о чём-то. Потом уходит. Мне кажется, что он чем-то очень расстроен.

— Если бы его звали Франческо,— вздохнул Сидящий Пилот,— он мог бы оказаться нашим другом. Что вы об этом думаете?

— К сожалению, я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь проносил его имя. Вообще-то у людей не принято, чтобы они сами себя называли по имени: они ждут, пока их позовут другие. Но этот мальчик мне кажется одиноким, и в этих краях никто его не знает.

— Если бы его звали Франческо...— снова вздохнул Сидящий Пилот.

Неожиданно его осенила блестящая идея:

— Только Кнопка может решить этот вопрос. Он обнюхает ступеньки и скажет нам, Франческо это или нет.

— Хорошо сказано — хорошо сделано. И я буду иметь удовольствие познакомиться со всей вашей компанией.

— Но...— пробормотал Сидящий Пилот, становясь грустным,— как он мог попасть сюда? Ведь следы теряются там, посреди улицы?

Памятник усмехнулся в усы.

— Вижу, что вы не совсем хорошо знаете ребят,— вежливо заметил он.— В противном случае вы бы знали, что они любят путешествовать на подножке трамвая. Они не должны этого делать, потому что это запрещено. Но иногда они нарушают это правило. Как раз я вспомнил: вчера на подножке трамвая мимо меня проезжал мальчик с каштановыми волосами и полицейский заставил его слезть.

— Тогда нечего сомневаться, это наверняка был Франческо!— весело воскликнул Сидящий Пилот.

Через четверть часа вся компания уже находилась у подножия Памятника.

Кнопка нервно бегал по ступенькам, обнюхивал их так, как будто хотел втянуть эти массивные мраморные ступеньки в свои ноздри. Он нюхал долго, чтобы не ошибиться. В действительности он сразу же почувствовал запах башмаков Франческо.

«Наконец-то мы тебя отыскали!»— ликовал он про себя.

— Ну!— нетерпеливо воскликнул Полубородый Капитан, у которого лопнуло терпение.

— Это Франческо,— изрёк Кнопка,— мы отыскали его!

— Ура, тысяча треугольных китов!

Кто знает, что подразумевал Капитан, говоря о треугольных китах, которых не было и никогда не будет на свете. В порыве энтузиазма он не соображал, что говорил.

Памятник тоже был доволен. Где-то сверху среди ночи и снега загремел его смех. Затем смех передался ногам лошади — и ноги задрожали.

Полковник стрелков решил отметить это событие небольшим концертом своего оркестра. И тут случилась необыкновенная вещь. Когда трубы стрелков заиграли один из их дьявольских маршей, ноги лошади отделились от пьедестала и принялись танцевать. Старый патриот почувствовал, как при звуке фанфар в его груди забилося сердце.

— Урра!— радостно закричал он.— Вон, иностранец! Ура! Иностранец, убирайся прочь!

Фанфары стрелков вернули его к жизни. Старый патриот прищипорил коня, съехал с мраморного пьедестала и рысью сделал круг по площади. Копыта глухо цокали по снегу в такт музыке.

Это была такая волнующая сцена, что пассажиры Голубой Стрелы забыли о холоде и перенесённых невзгодах. Но Кнопка ни минуты не переставал думать о цели их путешествия.

— За мной!— воскликнул он своим смешным голосом и помчался впереди Голубой Стрелы по следу Франческо.

Голубая Стрела с трудом поспевала за ним. А Памятник мчался на лошади без всякого труда. Как, и Памятник?.. Да. Памятник тоже ехал рысью за Кнопкой.

Г л а в а XII

БРОНЗОВЫЙ ПАМЯТНИК

— Тысяча китов-велосипедистов!— растерянно пробормотал Полубородый Капитан.— Никогда мне не приходилось видеть, чтобы Памятник скакал по улице, как на бегах!

— Да, это не часто увидишь,— засмеялся Памятник.— Я не могу ездить по улицам, когда хочу. Но иногда я не прочь прогуляться.

— Конечно, ведь быть Памятником не очень-то весело.

— Ну нет, я бы не сказал. Некоторое удовлетворение мы тоже получаем. В городе мы важные персоны. Прежде всего вокруг нас должна быть площадь, несколько деревьев и хотя бы пара скамеек. На скамейках нищие могут подышать свежим воздухом летом или погреться на солнышке зимой. А кроме того, нас обычно ставят на высокие пьедесталы, окружённые ступеньками. На этих ступень-

¹ Слова из знаменитого «Гимна Гарибальди».

ках играют дети. Мы, памятники, тоже приносим пользу и поэтому не жалуемся на свою судьбу. Однако иногда неплохо размять ноги хорошей прогулкой. Мне такое счастье выпадает раза два в год, когда случается что-нибудь необыкновенное. В эту ночь, например, марш оркестра стрелков... Если бы я не знал совершенно точно, что сделан из бронзы, я готов был бы держать пари, что кровь в моих жилах потекла вдвое быстрее.

— А что произошло, когда вы в последний раз прогуливались в своё удовольствие?— спросил Полубородый.

Собеседникам было довольно трудно понимать друг друга. Что-бы Памятник лучше слышал, Полубородый забрался на самую высокую мачту своего парусника и ежеминутно рисковал упасть и разбиться о палубу.

Памятник немножко замешкался с ответом: возможно, он не мог сразу вспомнить. Кто знает, как работает память у бронзовых памятников...

— Это,— заговорил он наконец,— было месяцев шесть тому назад. Помню, было воскресенье. На площади собралось много людей.

— И все видели, как вы гуляете?

— Нет, прогулка состоялась позже. Дайте же мне рассказать! Собралось много народу, и все люди кричали. Сначала я не мог понять, чего они хотят, но потом слова стали доноситься отчётливее. И когда я разобрал, что они кричали, клянусь, сердце забилося у меня в груди. «Вон из Италии!— кричали они.— Прочь, иностранец!» Чёрт возьми, ведь это когда-то был мой победный клич! Мне казалось, что я вот-вот закричу вместе с ними: «Прочь, иностранец! Прочь, иностранец!» Вот как было дело.

— На этом всё кончилось?

— Нет, самое главное впереди. Пока люди кричали, приехали карабинеры. Я, конечно, не испугался их, но люди на площади стали разбегаться в разные стороны. Только один остался. Он взбежал по ступенькам пьедестала, вскарабкался на моего скакуна и принялся кричать: «Вон, иностранец!» «Молодец,— думал я про себя.— Видно, это настоящий патриот. Его непременно наградят медалью...»

Памятник замолчал.

— Ну, и дали ему?— спросил Полубородый.

— Что?

— Медаль.

— Какая там медаль, его посадили в тюрьму! Я не верил своим бронзовым глазам. На него надели кандалы и увели. Моё негодование было так велико, что, сам не заметив как, я спустился с пьедестала и галопом помчался по улице. Прежде чем я понял, что со мной происходит, я уже очутился перед тюрьмой.

— И вы увидели вашего друга?

— Да, я разглядел его в окошке на третьем этаже. Окошко было такое маленькое, что виднелись только его глаза и нос. Но я сразу узнал его взгляд и голос, когда он окликнул меня... Послушайте, мне пришла в голову неплохая мысль. Что, если он ещё там?

— Но прошло уже шесть месяцев, его уже, наверное, освободили.

— Пойдёмте посмотрим: тут всего два шага. Тюрьма находится в конце этой аллеи. Пойдёмте, это будет неплохой сюрприз нашему пленнику... Потом вы отправитесь дальше, а я вернусь на пьедестал.

И Машинист полным ходом повёл Голубую Стрелу в сторону тюрьмы, которая виднелась невдалеке, серая и огромная, с сотнями чёрных узких дыр вместо окон.

— Никого не видно, — сказал Памятник, внимательно осмотрев все этажи.

— Давайте я посмотрю,
— сказал Сидящий Пилот.

И вот он уже летит на высоте крыши и внимательно осматривает окошко за окошком. В камерах было полно заключенных, но Сидящий Пилот никого из них не знал. К счастью, на помощь пришла лошадь Памятника: она звонко заржала.

— Молодец, — воскликнул Памятник, — ты тоже вспомнила о нашем друге!

На этот раз из окошка третьего этажа сразу же высунулось исхудалое лицо.

— Привет! — закричал Памятник, узнав заключённого.

— Привет! А я-то думал, что ты являлся мне во сне.

— А вот и не во сне! Так тебя всё ещё не освободили?

— А-а-а, здесь такая же история, как в книге о Пиноккио¹: воры выходят из тюрьмы, а патриоты остаются. Мне жаль только, что в эту новогоднюю ночь я нахожусь далеко от моей семьи. Мой мальчик ждёт, конечно, подарка Феи, но какой подарок я смогу ему послать? Здесь нет игрушек.

— Нет? А мы что такое?— воскликнул тогда Сидящий Пилот.

Заключённый прищурился и увидел маленький аэроплан, порхавший перед его глазами, потом он посмотрел вниз и увидел Голубую Стрелу и ковбоев, гарцевавших на снегу на своих лошадях, которые с высоты казались маленькими мышатами.

Заключённый вздохнул:

— Ах, если бы здесь был мой сынок!

— А кто из нас, по-вашему, ему бы понравился?— спросил Кнопка, которого осенила новая идея.

«В конце концов,— подумал он,— не обязательно всем идти к Франческо. Многие дети остаются без подарков, и нам не мешало бы разделиться, чтобы понемногу порадовать всех».

— Не знаю,— смутившись, ответил заключённый,— когда я был дома, он очень любил запускать бумажного змея.

— Тогда ему, без сомнения, понравится змей, который летает без ниток!— воскликнул Сидящий Пилот.

— Что вы этим хотите сказать?

— Хочу сказать, что, если вы дадите ваш адрес, я полечу туда и приземлюсь на подушку вашего сына, как на самый лучший аэродром.

На этот раз Сидящий Пилот побил рекорд доброты.

Тут совершенно неожиданно Памятник разразился смехом.

— Прекрасно,— воскликнул он сквозь смех,— меня повысили! Меня повысили в должности! Я был простым памятником, а стал Феей, которая разносит подарки!

— Ну, как,— напомнил Сидящий Пилот,— вы дадите мне ваш адрес?

— Я... ну конечно, конечно!— заторопился заключённый.— Летите по этой аллее, потом свернёте направо и долетите до самого холма; сделайте круг над холмом и увидите дом с тремя трубами. Самая низкая труба — от моего камина. Вы не ошибётесь!

Сидящий Пилот повторил адрес, чтобы лучше запомнить его, попрощался со всеми и приготовился к полёту.

Во время этого разговора кукле Нере, по правде сказать, было очень грустно. Вы помните её? Это она не сводила глаз с Сидящего

¹ Речь идёт о книге писателя Коллоди «Приключения Пиноккио», послужившей прототипом для книги А. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино».

Пилота, а он даже не замечал этого. А сейчас Сидящий Пилот собирается улетать, и она никогда больше его не увидит. Слёзы выступили у неё на глазах. Но она собрала всё своё мужество и крикнула:

— Синьор заключённый, а дочери у вас нет?

— Есть, но она ещё очень мала и не понимает, что такое подарки.

— Но ведь она вырастет! И вырастет без подарков. Хороший же вы отец: совсем не беспокоитесь о вашей дочери!

Серебряное Перо вынул трубку изо рта и в первый раз за всё время рассмеялся.

Это было настолько странно, что все обернулись: никто ещё никогда не видел, чтобы он смеялся. Ведь известно, что краснокожие никогда не смеются.

— Кукла Нера обманывать. Она хочет лететь с Сидящий Пилот.

Кукла Нера была чернокожей, но она так покраснела, что чуть не превратилась в краснокожую.

Сидящий Пилот рассмеялся, сделал круг над площадью, подхватил на лету куклу Неру, посадил её в кабину и крикнул:

— Вот кукла для вашей девочки! Можете не сомневаться: когда она вырастет, кукла ей понравится.

И самолёт с рокотом умчался вдаль.

Так мы расстались с этим симпатичным героем. Расстаёмся мы и с заключённым, потому что пришёл надзиратель и заставил его отойти от окна. Расстаёмся и со старым Памятником, который, проводив наших друзей, вернулся на свою площадь.

Сколько расставаний! Наверно, к концу путешествия, когда мы приедем к двери Франческо, нас останется очень мало.

Но тсс — мы же ещё не приехали. Кнопка отыскал след. Голубая Стрела мчится вперёд. А кто это зловеще улыбается за ветками деревьев? Кто следует по пятам за нашими друзьями?

Г л а в а XIII

ПОДВИГ СЕРЕБРЯНОГО ПЕРА

— Синьора баронесса, это они!

— Тише, Тереза, тише, а то они услышат и убегут!

— Бог мой, только этого ещё не хватало после всех лишений, которые мы перенесли, отыскивая их!

— Замолчи, говорят тебе, а то я снижу тебе заработную плату!

Старая служанка замолчала, потому что, когда Фея обещала увеличить заработную плату, это можно было не принимать всерьёз,

но, когда она угрожала её снизить, можно было держать пари, что она сдержит своё обещание. Из всех арифметических действий сложение нравилось ей тогда, когда она подсчитывала свои доходы, а вычитание — когда ей приходилось платить другим. Она считала, что сложение и умножение были действиями синьоров, а вычитание и деление — удел бедняков. Всю ночь Фея и её служанка мчались как сумасшедшие, рискуя сломать метлу, на которой летели. Когда они уже выбились из сил и собирались повернуть назад, острые глазки Феи заметили сквозь снегопад Голубую Стрелу, которая с потуженными фарами мчалась вдоль трамвайной линии в сторону городской окраины.

— Вот они,— сказала Фея.

Наши друзья ещё ничего не заметили: они так радовались, что наконец отыскиали следы своего Франческо.

— Следы совсем свежие,— ликовал Кнопка,— без сомнения, мы уже близки к цели.

Внезапно Серебряное Перо вынул трубку из рта, как будто хотел что-то сказать. Однако не сказал ничего, но его уши стали двигаться во всех направлениях, как у волка; все краснокожие тоже стали прислушиваться.

Один из ковбоев, который был хорошо знаком с краснокожими, помчался предупредить Начальника Станции.

— Краснокожие что-то слышали.

— Ну и что же? На то у них и уши, чтобы слышать.

— Серебряное Перо чем-то озабочен. Может быть, он почуял какую-нибудь опасность?

— Он что, тоже нюхает? Ну и поезд: вместо того чтобы двигаться по рельсам, двигается по запаху! Кнопка нюхает уже несколько часов подряд, а теперь за это же принялся этот старый дурак. Оставьте меня в покое. Голубая Стрела больше не остановится.

Должен вам признаться, что иногда на нашего Начальника Станции находит необъяснимое упрямство. Но ему всё же пришлось остановить поезд, потому что Серебряное Перо и все его люди выпрыгнули на ходу из вагона, рискуя сломать себе шею, и расположились вокруг Голубой Стрелы, держа наготове свои боевые топоры.

— Что всё это значит, в конце концов?— яростно воскликнул Начальник Станции.— Не кажется ли вам, что вы выбрали неподходящее время для шуток?

Серебряное Перо невозмутимо посмотрел на него.

— Мы слышать шум. Кто-то ходит по деревьям.

— Вы слышали шум?— воскликнул Начальник Станции.

И вдруг на дереве хрустнул сучок. Это старая служанка, боясь упасть, уцепилась за ветку, которая не выдержала её тяжести и треснула.

— Шш!— прошипела Фея.— Тихо! Не шевелись! Останься на месте, нас слышали!

Не могу остаться на месте, я вот-вот упаду.

— Я говорю тебе: останься на месте.

— Скажите это ветке, синьора баронесса. Она трещит, я слышу. Ради бога, синьора хозяйка, помогите!

Услышав, что служанка назвала её «синьора хозяйка» вместо «синьора баронесса», Фея ужасно рассердилась. Служанка подумала, что Фея хочет поколотить её, и отпрянула назад. Но от слишком быстрого движения она потеряла равновесие и с криком рухнула вниз. Правда, она упала на снег и не ушиблась, но в тот же миг краснокожие окружили её и своими топорами, как кольями, пригвоздили к земле её юбку.

— Вернись назад!— закричала испуганная Фея.— Лезь скорее на дерево!

— Помогите, синьора хозяйка, помогите! Я попала в плен к индейцам! Они вырвут мне волосы!

Но Фея боялась вязаться в сражение. Долгие годы игрушки повиновались ей беспрекословно. А сейчас хозяйка не была уверена в своей власти над ними. Они сами захотели убежать, теперь она это поняла. И, если судить по тому, как они обошлись с бедной служанкой, вряд ли захотят вернуться.

— Хорошо!— крикнула она.— Я полечу одна! Но не приходи потом жаловаться, если я снижу тебе заработную плату. Я не могу позволить себе роскошь платить тебе деньги за то, что ты в рабочее время спокойно развалилась посреди улицы.

— Какое тут спокойствие, синьора хозяйка! Разве вы не видите, что они пригвоздили мою юбку к земле своими топорами?

Но Фея не стала её слушать. Бормоча проклятия, она улетела.

Серебряное Перо стоял в двух сантиметрах от носа служанки и с любопытством наблюдал за ней.

— Синьор индеец,— стала спрашивать бедная старушка,— вы вырвете мне волосы, не так ли? Ведь такой у вас обычай?

— Мы не вырывать ни один волос,— строго произнёс Серебряное Перо.— Мы есть храбрый индеец, никого не убиваем, а только играть с детьми.

— Ах, спасибо, синьор индеец! А что вы будете делать со мной? Если вы отпустите меня, то я обещаю вам...

— Что вы обещаете?

— Вот видите, я сделала список всех детей, которые не получают подарков от Феи. Что ж вы думаете, мне ведь тоже их жаль... Я не могу видеть их грустные лица, когда они приходят к моей хозяйке. Я записала их имена, видите? Вот он, список... Может быть, вы захотите отправиться к кому-нибудь из них?

Если бы ей позволили продолжать, она болтала бы ещё до сих пор, а ведь всё это случилось десять лет, шесть месяцев и пять дней тому назад.

Но Серебряное Перо молниеносно принимал решения.

Он выхватил список, который протягивала ему служанка, приказал освободить её, вскочил в вагон вместе со своими людьми и снова взял в рот трубку.

— Что же теперь делать?— спросил Начальник Станции.

— Нас ждёт Франческо,— робко промолвил Кнопка.— Мы, наверно, находимся в десяти шагах от его дома.

— Сначала ходить в дом к Франческо, и кто хочет — остаться с ним. Потом ходить к другим мальчишкам,— сказал Серебряное Перо.

— Тысяча бродячих китов! Если вы думаете, что я хочу путешествовать всю мою жизнь, как Летучий Голландец, то вы жестоко ошибаетесь. Как только мы приедем к Франческо, я поставлю мой корабль в таз, подниму паруса, выберу якорь и попрощаюсь с вами тремя гудками сирены.

Последние слова Полубородного потонули в грохоте колёс. Голубая Стрела снова тронулась в путь. Никто даже не взглянул в сторону бедной старой служанки, которая отряхивала снег с юбки и печально вытирала глаза.

— Я не обижаюсь,— шептала старуха.— Они ничего мне плохого не сделали. Но неужели они думают, что моя хозяйка на самом деле такая скупая, какой она кажется? Нет, нет, я всем скажу, даже если вы не захотите выслушать меня: хозяйка, конечно, скуповата, но она ведь бедная. Она ничего не может дарить даром, потому что ей самой приходится покупать эти игрушки. Если бы она была так богата, как сказочная Фея, она всем раздавала бы подарки бесплатно. Но ведь она не Фея из сказки, а самая обыкновенная женщина. Поэтому она и даёт игрушки только тем, кто платит.

И старушка, прихрамывая, направилась к магазину Феи, чтобы дожидаться там своей хозяйки, которая в полночь обычно возвращалась домой, чтобы подкрепиться чашечкой кофе.

«Я волью ей в кофе три ложечки рома,— подумала старая служанка,— она будет довольна и не станет особенно ругать меня».

Тем временем Кнопка бежал всё быстрее. Следы привели его в очень узенькую улочку, в которой было столько снега, что пришлось пустить в ход снегоочиститель. Перед одной дверью следы кончились. Кнопка остановился так внезапно, что Машинист едва успел затормозить, чтобы не задавить щенка.

— Мы приехали?— спрашивали пассажиры.

— Да, приехали,— подтвердил Кнопка, сердце которого стучало, как молоток: тук, тук, тук...

— Тогда войдёмте,— предложил Начальник Станции, с любопытством глядя на дверь.

Это была такая же дверь, как и все остальные, только все двери были закрыты, а та открыта.

— Что за люди?— воскликнул Начальник Станции.— Спят в январе с открытой дверью, да ещё в такую метель! Может быть, они не чувствуют холода?

Г л а в а XIV

СЕРДЦА ТРЁХ МАРИОНЕТОК

Пассажиры Голубой Стрелы огорчённо посмотрели друг на друга.

— Бедный мальчик!— вздохнул Машинист.— Что же с ним случилось?

— Сколько мы проехали, и всё без толку!— добавил Начальник Станции.

— Тысяча бродячих китов!— послышалось ворчание Полубородого Капитана.— Мы думали, что прибыли в порт, а на самом деле снова находимся в открытом море.

Куклы выглянули из окошек и вышли из поезда, но тут же вскочили обратно в вагоны, чтобы не промочить ноги в снегу.

Лошади ковбоев топтались на месте.

— Нам ничего не остаётся, как вернуться в лавку Феи,— грустно прошептал Начальник Станции.

— Никогда!— решительно воскликнул Полубородый.— Скорее я буду плавать в луже или сделаюсь пиратом!

— Что же вы предлагаете?

— Я уже сказал: что касается меня, то к хозяйке я не вернусь. Серебряное Перо вспомнил о списке, который он взял у служанки Феи. Он вытащил список из кармана и принялся изучать его.

— Здесь есть много Франческо,— сказал он.

Перед пассажирами Голубой Стрелы сверкнул луч надежды.

— А наш здесь есть?

— Нет. Здесь много других Франческо и много Пьеро, Анн, Марий, Джузеппе.

— Вот эти дети не получают подарков от Феи,— прошептал Полубородый.— Кто знает! Может быть... Правильно я говорю?

— Да,— неохотно согласился Начальник Станции,— я понял, что вы хотели сказать. Если мы не найдём нашего Франческо, то можем осчастливить других детей. Что скажет на это Серебряное Перо?

Старый вождь ещё никак не мог понять, что в мире есть много мальчиков по имени Франческо и большинство из них остались без подарков. Может быть, он думал, что в мире существует только один Франческо или, по крайней мере, два: богатый и бедный. А тут в одном списке бедняков оказалось так много Франческо, что, только чтобы перечислить их всех, нужно кончить хотя бы третий класс начальной школы.

— Как много Франческо!— продолжал повторять он. Казалось, лишь сейчас он обнаружил, что мир такой большой. А ведь они всю ночь кружили по городу, видели тысячи домов с тысячами окон.

— Мы ходить искать все Франческо,— сказал наконец Серебряное Перо.

— Все по вагонам!— закричал Начальник Станции.

Но в этой команде уже не было необходимости: все пассажиры и без того сидели в вагонах, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться.

Три Марионетки мёрзли за троих и так сильно стучали зубами, что в их купе никто не мог уснуть.

— Нельзя ли потише?— ворчали пассажиры.— Разве вы не видите, что мы устали и нуждаемся в отдыхе? Сердца у вас нет!

— Да, у нас нет сердца,— грустно ответили Марионетки.

— Ах, оставьте ваши шутки!

— Это не шутки, у нас действительно нет сердца. Мы сделаны из дерева и из папье-маше. Если бы у нас было сердце, нам не было бы так холодно.

Из коробки карандашей наружу выскочил Красный.

— Я позабочусь об этом,— сказал он.

И тремя штрихами он нарисовал сердца на платьях трёх Марионеток. Получилось три чудесных красных сердца. Они были немножко кривые с одной стороны и такие большие, что занимали всю грудь.

— Готово,— удовлетворённо объявил Красный Карандаш.

— Спасибо,— поблагодарили три Марионетки.

— Лучше вам теперь?

— О, гораздо лучше! Теперь мы чувствуем тепло на груди, под сердцем.

А через несколько минут они почувствовали тепло в ушах, в руках и в ногах — словом, в самых отдалённых от сердца местах, где холод особенно мучает бедных людей.

— Теперь мы совсем согрелись,— сказали три Марионетки.— Как хорошо иметь сердце!

И, довольно поглядывая на грудь, где три больших красных сердца сверкали, как медали за отвагу, они спокойно заснули.

Тем временем Голубая Стрела медленно двинулась вперёд. До-

рогу паровозу указывал... «Кнопка!»— скажете вы. Нет, друзья, вы ошиблись. Кнопка не поехал. Кнопка остался на пороге дома Франческо, своего Франческо.

— Я не пойду с вами,— робко сказал он,— я хочу найти Франческо.

— Но ведь их так много!— сказали ему.

— Я знаю, но я хочу отыскать нашего.

Верный маленький пёсик печально смотрел на удалявшуюся Голубую Стрелу.

Перед паровозом ехал Мотоциклист, который держал на руле, как на пюпитре, список с адресами детей.

— Счастливого пути!— чуть слышно крикнул Кнопка.

Но никто его уже не слышал.

Глава XV

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ФРАНЧЕСКО

Бедный Кнопка! Конечно, он не мог знать, где Франческо. Разве только я сказал бы ему это на ухо. Я единственный человек, который это знает, потому что я выдумал эту историю. Я могу отправить Франческо куда захочу. Могу заставить его спать или бодрствовать, могу посадить его на верхушку самой высокой башни или заставить ехать в автомобиле.

Так где же Франческо?

Лучше сказать вам об этом, и прежде всего я должен признаться, что обманул вас. Это неправда, что я выдумал Франческо. Франческо существует на самом деле; сейчас он уже вырос и, может быть, даже не помнит о своих приключениях в ту новогоднюю ночь. Но я помню, что Франческо было десять лет, он учился в четвёртом классе, а после уроков продавал газеты.

Свой маленький заработок Франческо должен был приносить домой. Его отец болел, а мать работала прислугой у богатых синьоров.

За несколько дней до Нового года отец умер. Франческо и его матери пришлось переехать, потому что их комната стоила слишком дорого. Они погрузили свои скудные пожитки на тележку и отправились на окраину города, туда, где стояли деревянные бараки с окнами без стекол, заклеенными старыми плакатами.

А знаете, почему Кнопка не мог найти следов Франческо? Потому что мальчику пришлось выбросить свои старые башмаки и надеть башмаки отца. Они тоже были старые, но пока ещё не совсем

развалились. Ноги Франческо так свободно болтались в них, что туда могли поместиться вдобавок ноги обоих его братьев.

Впрочем, даже если бы Кнопка каким-нибудь чудом отыскал в этот вечер новый дом Франческо, этот старый полуразвалившийся деревянный барак, наши друзья и там не застали бы мальчика. Дело в том, что Франческо нашёл себе новую работу. Он поступил в маленький кинотеатр, где в перерывах между сеансами продавал зрителям конфеты. Кинотеатр закрывался довольно поздно, после полуночи, но Франческо оставался там ещё на целый час, чтобы подмести пол, заваленный окурками и конфетными обёртками. После этого он пешком возвращался через весь город домой.

Понимаете теперь, почему Франческо приходил утром в школу рассеянный и сонный?

— Франческо,— строго говорил иногда учитель,— ты сегодня не умывался, вот почему тебя клонит ко сну. Ступай, немедленно приведи себя в порядок.

Франческо вставал и выходил из класса, не глядя на товарищей, которые посмеивались за его спиной.

Он скорее умер бы, чем рассказал им о своих несчастьях. Он был горд! И никто даже не подозревал, что этот худенький и бедный мальчуган содержит на свой заработок всю семью. Ведь сейчас, когда умер отец, мама не могла оставить двух младших братьев на целый день одних и зарабатывала гораздо меньше.

Теперь вы знаете, кто такой Франческо. Но вы ещё не знаете, что случилось с ним в новогоднюю ночь.

Окончив работу, Франческо возвращался домой. Вдруг он почувствовал, как чья-то рука зажала ему рот, а другая обхватила шею. В тот же миг его втащили в подъезд.

Чей-то голос произнёс:

— Он маленький, сможет пролезть.

— Сейчас увидим,— шепнул второй голос.

Голоса звучали как-то приглушённо. Когда глаза Франческо немного привыкли к темноте, он увидел, что на незнакомцах были надеты чёрные маски, закрывавшие нижнюю часть лица. Франческо сразу понял, что это бандиты. Как раз сегодня он видел таких же на экране кино.

Но что от него хотят эти типы?

Один из них всё ещё зажимал ему рот. Франческо не пытался даже укунить его. Всё равно ему одному не справиться с двумя мужчинами.

Один из воров показал Франческо узенькое окошко.

— Видишь?

Франческо кивнул.

— Мы никак не можем открыть дверь магазина. Полезешь в

это окошко и отопрёшь нам изнутри. Понял? И смотри не устрой с нами какую-нибудь хитрую штуку, а не то поплатишься за это!

— Лезь, нечего терять время!— прервал второй вор.

Франческо попытался вырваться, но сильный удар кулака посоветовал ему успокоиться. Ничего не оставалось делать, как повиноваться. Один из воров подхватил его и поднял на высоту окошка.

— Оно слишком узкое,— попытался возражать Франческо,— я не пролезу.

— Сначала просунь голову! А где пройдёт голова, там пролезет и туловище. Быстрее!

Приказание сопровождалось новым ударом, на этот раз по ногам.

Франческо просунул голову в окошко. Внутри было темно. Они сказали, что это магазин. Интересно, какой магазин?

Франческо скользнул вдоль стены и добрался до пола.

Несколько секунд он стоял неподвижно, пока свистящий шёпот одного из воров не сдвинул его с места.

— Что ты там делаешь? Шевелись! Дверь направо. Там должен быть засов. Если он не откроется, подойди к шторе и приоткрой её. Шевелись, ты, улитка!

Франческо шагнул вперёд и провёл рукой по стене. Вот дверь. Он почувствовал пальцами холодный металл засова, нашёл рукоятку и уже хотел было открыть дверь, как вдруг его осенила мысль.

«Здесь я в безопасности,— подумал он,— здесь они не поймают меня. Не буду я открывать дверь. Вора́м поневоле придётся уйти, чтобы на них не наткнулся ночной патруль». Из окошка до него донёсся приглушённый голос одного из воров, приказывающий ему поторопиться. Но Франческо не шевельнулся. Он даже улыбался.

«Хоть лопните от злости!— говорил он про себя.— Вы не сможете проникнуть сюда. Вы же сами сказали, что не пролезете в окошко».

Но тут другая мысль пришла ему в голову: «Воры-то уйдут, а как я выйду отсюда? Если я захочу вылезти, меня поймают. Подумают, что я вор. Кто поверит, что воры насильно протолкнули меня в окошко?»

Выход подсказали ему сами воры. Внезапно он услышал, что они осторожно постучали в дверь.

— Открой,— прошептал прерывающийся от злости голос,— открой немедленно, а то хуже будет.

«Стучите, стучите, вас услышат и поймают»,— подумал Франческо.

И сразу же его осенила новая мысль: нужно поднять шум, разбудить кого-нибудь, поднять тревогу. Тогда все поймут, что он не был заодно с ворами.

Он пересёк комнату, натываясь в темноте на мебель. Почувствовал пальцами скользкую поверхность витрины, отыскал ручку и открыл окно. Через опущенную штору в комнату ворвался свежий ночной воздух. Франческо закричал и изо всех сил заколотил кулаком по железному листу шторы:

— На помощь! На помощь! Воры! Воры!

Кто-то торопливо побежал по улице. Франческо удвоил силу ударов и продолжал кричать во весь голос.

Раздался свисток, ему ответил другой. Ночные патрули спешили к месту происшествия.

Франческо продолжал стучать по шторе до тех пор, пока не услышал шаги и грозные голоса:

— Эй, там! Стой, стрелять буду! Ни шагу, или умрёте!

— К счастью, их забрали,— прошептал Франческо, опускаясь на землю.

Через некоторое время кто-то постучал по шторе.

— Есть кто внутри? Открывайте и выходите наружу, всё равно никуда не денетесь.

Франческо поднял штору на несколько сантиметров, и сразу же чья-то сильная рука подняла её до самого верха.

На пороге появился полицейский с пистолетом в руке. Посреди улицы другие полицейские надевали наручники на воров.

— Да это же ребёнок!— воскликнул полицейский, схватив Франческо за плечо.

— Я тут ни при чём!— пробормотал Франческо прерывающимся от волнения голосом.— Это они!..

— Ни при чём? А как же ты очутился здесь в такое время? Может быть, ты хотел захватить здесь себе подарочек к Новому году?

Франческо оглядел магазин, освещённый карманным фонариком полицейского, и кровь остановилась у него в жилах. Он узнал магазин игрушек, магазин Голубой Стрелы! Но воры, конечно, лезли сюда не за игрушками, их больше интересовал несгораемый шкаф, который стоял в соседней комнате.

— Я ничего не понимаю...

— Ах, не понимаешь! Может быть, ты пришёл сюда во сне? Пойдём живее с нами, нечего ломаться! Объяснишь всё в полиции.

Прибыла полицейская машина. Франческо посадили вместе с ворами, которые не замедлили отомстить мальчику: несколько раз они больно стукнули его в грудь.

— Ты тоже не отвертись!— прошипел один из бандитов.— Мы скажем в полиции, что ты был вместе с нами. Даже скажем, что это ты указал нам дорогу.

— Эй, вы, потише,— крикнул полицейский,— а то я прикажу зашить вам рот!

— Синьор,— взмолился Франческо,— я не виноват! Я совсем не знаю этих людей, клянусь вам!..

— Ладно, ладно. Помолчи. Подумать только, даже в новогоднюю ночь не дают нам покоя!

— Для нас нет праздников,— ухмыльнулся один из воров.— У нас все дни рабочие.

— Ты, видно, хотел сказать «ночи»,— возразил полицейский.— А сейчас помолчи и оставь свои шутки при себе.

Через полчаса печальный Франческо сидел на скамейке в коридоре полицейского участка.

Он хотел рассказать свою историю, объяснить, как было дело, но никто даже не слушал его. Полицейские были убеждены, что Франческо — вор. Один из них даже стал читать ему нравоучения:

— Постыдился бы заниматься этим в твои годы! Спал бы спокойно и видел бы во сне Фею, а ты грабишь магазины в компании с самыми закоренелыми преступниками города. Если бы мой сын сделал то же самое, я оторвал бы ему уши и надавал бы таких пощёчин, что он забыл бы и думать о таких вещах.

Франческо молча глотал слёзы: они были горькие и солёные.

— Плачешь теперь, как крокодил!..

Другой полицейский был повежливее. Он даже предложил мальчику остатки своего кофе.

Вконец измученный, Франческо прислонил голову к стене и заснул.

Глава XVI

МОТОЦИКЛИСТ УКАЗЫВАЕТ ДОРОГУ

Пока Франческо спит на скамейке в коридоре полицейского участка, склонив голову на грязную каменную стену, у нас есть достаточно времени, чтобы посмотреть, что же случилось с Голубой Стрелой.

Будем надеяться, что её пассажиры, следуя по указанным в списке адресам, без особых происшествий прибудут к месту назначения. До рассвета было не так уж далеко. Игрушки боялись опоздать и приехать, когда дети выплачут все свои слёзы, не найдя утром подарков Феи.

Мотоциклист несказанно гордился своей новой ролью проводника.

Сидя верхом на седле, крепко держа руками руль, он мчался на полной скорости, бесстрашно преодолевая снежные сугробы, пересе-

кая лужи и попадающиеся на пути дороги. Хитрец оставил открытой выхлопную трубу, и время от времени паровоз Голубой Стрелы окутывался дымом от мотоцикла, что вызывало у Машиниста приступ невероятной злости.

Когда нужно было остановиться, Мотоциклист поднимал руку и поезд тормозил.

— Мы находимся перед домом Франчески Цепполони. Кто сходит?

Куклы устроили небольшое совещание:

— Пойду я.

— Нет, я...

— Пойдём вместе, так будет веселее.

Кто знает, может быть, эта Франческа — плохая девочка!

Они всегда оставались вдвоём, чтобы не было так страшно. Осматривали дом (иногда это был бедный одноэтажный домишко), перед которым останавливалась Голубая Стрела, просили Мотоциклиста повторить адрес, прощались с товарищами и исчезали в подъезде.

Высадив пассажиров, Мотоциклист нажимал на стартер и отправлялся дальше.

— На следующей остановке живёт Паоло ди Паоло, пятилетний мальчик. Предлагаю подарить ему одну из Марионеток.

— Одну Марионетку?— воскликнули хором три Марионетки, которые любовались из окошка панорамой занесённого снегом города.— Это невозможно! Вы, наверно, хотели сказать «трёх Марионеток»? Ведь мы не можем разделиться. Тем более, что теперь у нас есть сердца, вернее, три сердца. Для нас расставание было бы второе тяжелее обычного.

Кончилось тем, что они все втроём слезли с поезда и, подпрыгивая, направились к указанной двери, не обращая внимания на окрики Начальника Станции, которому не хотелось терять сразу трёх пассажиров. Шли они, конечно, пешком и одновременно поворачивали головы налево, потом направо, потом опять налево. И если поворачивалась одна Марионетка, то две другие делали то же самое.

— Мальчик будет очень доволен,— говорили они.— С тремя Марионетками он сможет играть в театр. А что бы он делал с одной?

— Хорошо, хорошо, тысяча бесхвостых китов, идите — и счастливого пути!

— Спасибо, синьор Капитан!

Поднимаясь по лестнице, они размышляли: «Мы так будем любить нашего мальчика! Пусть его зовут Паоло, а не Франческо. Мы будем втрое сильнее любить его, потому что у нас три сердца».

И они горделиво посматривали на грудь, чтобы убедиться, что их сердца на месте, красные, как вишни, и горячие, как три маленькие печки.

«Если он замёрз, мы согреем его»,— думали они о Паоло. Что за странные мысли! Игрушка, которая греет... А впрочем, ведь согревают не одни только печки. На свете есть много вещей, которые согревают: добрые слова, например, и даже три Марионетки, подвешенные к ниточке.

Глава XVII

ПОЛУБОРОДЫЙ КАПИТАН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПЛАВАНИЕ

На следующей остановке сошёл Полубородый Капитан. Вот как это произошло. Мотоциклист поднял руку, и колонна остановилась.

— Дом Марино¹ Росси,— объявил он, не заглушая мотора.

— Марино? Есть мальчик, которого зовут Марино?— послы-

¹ Марино — по-итальянски значит «моряк», «матрос».

шался возглас:— Тысяча китов-моряков! Вот это как раз по мне!

Вы, конечно, узнали голос Полубородого.

— Если его зовут Марино, то ему должно нравится море. А если ему нравится море, то он нуждается в корабле. А если ему нужен корабль, то к его услугам самый быстрый и прочный парусник в мире. Друзья, помогите мне снять корабль!

Чтобы пройти в дом Марино, нужно было подняться на три ступеньки. Главный Инженер «Конструктора» выстроил наклонный жёлоб, в жёлоб поставили корабль, и все вместе втащили корабль на порог.

— Спасибо, остальное я сделаю сам,— заявил Полубородый.— А вы идите по своим домам. Мне не терпится посмотреть, что меня ожидает. Ну, двигайтесь дальше, чего же вы ждёте? Тысяча копчёных китов, что вы, заснули, что ли?

Игрушки высыпали из поезда и грустно глядели на Капитана. Полубородый был дорог всем. Правда, он так ругался всё время, но ведь это не со зла: в сущности он был добрый человек.

— Мы есть все взволнованы,— произнёс Серебряное Перо, вынув изо рта трубку.

— Взволнованы? Взволнованы? Что такое? Мне не знакомо это слово! И у меня под рукой нет словаря, чтобы посмотреть, что оно означает. А даже если бы у меня был словарь, я совсем не хочу смотреть в него.

Но в действительности он тоже был взволнован, этот старый морской волк, полубородый командир славного парусника.

— Мы встретимся,— сказал он.— Земля вертится, разве вы не учили географию? Только горы остаются на своих местах, а здесь я не вижу гор.

Но никто не двинулся с места до тех пор, пока он не вошёл в дом, таща за собой на цепях свой парусник.

Глаза Полубородого привыкли к бурям и тайфунам, и он без труда освоился в комнате, куда попал. Он сразу же заметил то, что ему требовалось: чудесный таз с водой, как раз подходящий для его парусника.

— Таз приготовили, наверно, для умывания?— спросил себя Полубородый Капитан. Оставаясь один, он любил беседовать сам с собой. И сам же себе ответил:— Конечно. Хочу посмотреть, что за лицо будет утром у нашего Марино, когда он прибежит сюда умываться. Могу спорить, что он ещё будет совсем сонный. Глаза у него будут слипаться, и сначала он ничего не заметит. Сунет руки в таз и наткнётся на паруса моего трехмачтовика или же зацепится рукой за верхний мостик. Уж тогда-то он откроет глаза. В этот момент я отдам ему честь и скажу: «Я Капитан Полубородый, мой флот ждёт ваших приказаний».

Бормоча таким образом, Капитан с помощью скамеек, щепок, якорных цепей поставил свой трёхмачтовик в таз, и тот мирно закачался в нём.

— Наконец-то мы на воде!— удовлетворённо воскликнул Полубородый.— Ночь ясная, снег падать перестал, время муссонов ещё не наступило, на горизонте нет ни акул, ни пиратов, в ожидании расцвета можно будет немножко вздремнуть.

Так он и сделал.

А при его пробуждении всё произошло так, как он мечтал.

Глава XVIII

ЧУДЕСНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОРОБКИ КАРАНДАШЕЙ

Так, дверь за дверью, таяла наша колонна. Целые вагоны Голубой Стрелы уже остались без пассажиров. Оставшиеся бродили по вагонам, к большому неудовольствию Начальника Поезда, который хотел заставить их уважать железнодорожные правила.

— Пассажиры не должны переходить из вагона в вагон,— говорил он.— Не высовывайтесь из вагонов: это опасно! У кого билет третьего класса, тот не имеет права даже появляться в первом, иначе я оштрафую его.

Но все его усилия ни к чему не приводили. Пассажиры были беспокойные и напоминали детей, возвращавшихся из лагерей домой.

На каждой остановке кто-нибудь сходил, прощался с остальными, и поезд отправлялся дальше.

Я не могу рассказать вам историю всех пассажиров Голубой Стрелы, потому что сам всего не знаю. Знаю, например, что части «Конструктора», которые уцелели после крушения моста через лужу (вы помните?), собрались под командованием Главного Инженера и в одно мгновение построили ветряную мельницу на подушке у мальчика, к которому они попали. Мальчик проснулся, стал крутить рукоятку, и крылья мельницы завертелись в воздухе, ожидая, когда какой-нибудь Дон-Кихот набросится на них.

Мотоциклисту надоед его мотоцикл, и он решил остановиться: он выбрал дом маленького механика и передал список с адресами Машинисту Голубой Стрелы, который отныне мог вести поезд в своё удовольствие, а не тащиться еле-еле за собачьим хвостом или же в облаке синего дыма из выхлопной трубы мотоцикла.

Индейцы и ковбои с трудом поспевали за Голубой Стрелой. Паровоз не устаёт никогда, но кони время от времени должны отды-

хоть. Лошади индейцев ещё могли скакать по снегу, но лошади ковбоев сдали.

И вот караван прибыл к дому, где окна вместо стёкол были затянуты обрывками газет и журналов, на картинках которых красовались ковбои и индейцы.

Наши герои почувствовали себя дома. Они расседлали лошадей и расположились лагерем на соломенном тюфяке, лежащем на полу, где, обнявшись, спали два мальчика, немножко чумазые, но с симпатичными и даже во сне весёлыми лицами.

Они не зажгли походных огней, чтобы не поджечь тюфяк, но натянули свои палатки, привязали лошадей и преспокойно расположились спать. Только Серебряное Перо не заснул. Великие индейские вожди никогда не спят. Днём и ночью они курят свои трубки и думают. А о чём думают — неизвестно, потому что говорят они мало, из десяти мыслей расскажут кое-что об одной, а остальные девять остаются в секрете. Поэтому они становятся такими мудрыми. Есть индейская пословица, которая гласит: «Тот, кто молчит, знает в два раза больше, чем болтун».

В поезде остались только Начальник Станции, Начальник Поезда, Машинист и Карандаши, которые вылезли из коробки, и каждый занял себе отдельное купе. Таким образом, они не мешали друг другу, потому что, как вы знаете, у Карандашей очень длинные ноги и они любят простор.

В списке адресов теперь было только два имени: Франко и Роберто.

У дома Франко слезли Карандаши, на долю которых, надо вам признаться, выпали самые комические приключения. Франко не спал: он растянулся в своей кровати и, положив руки под голову, смотрел, как Карандаши один за другим пролезали в замочную скважину и с лёгким стуком падали на пол.

— Привет!— весело сказал Франко.

— Привет!— моментально ответили Карандаши.

А Жёлтый, который любил смеяться по любому поводу, сразу же добавил:

— Почему ты не спишь? Это неправильно! В новогоднюю ночь дети должны спать.

— Я это знаю, но...

— Правда, мы добрались до тебя сами, а не на метле Феи, но это не оправдание. Ты ничего не должен знать об этом.

— Но я...

Голубой прервал Жёлтого, который хотел было продолжать свою проповедь, и заметил:

— Но, в конце концов, что за беда, что он не спит? Это даже лучше: мы можем сразу же подружиться.

— Я тоже такого мнения,— пропищал Красный, который был самый весёлый из всех.

— Что касается меня, то я согласен с Жёлтым,— сказал Зелёный,— тем более что он мой двоюродный брат.

Ах да, я же вам ещё не рассказал историю этого родства. Это довольно сложная история. Зелёный был двоюродным братом Жёлтого и Голубого, Оранжевый — двоюродным братом Жёлтого и Красного, Лиловый — Красного и Голубого, и, кроме того, между ними было ещё множество родственных связей, сложных, как и все родства на этой земле.

— Ну, хватит!— примирительно воскликнул Франко.— Вижу, что вы начинаете ссориться. А я-то думал, что цвета всегда живут в мире между собой.

— Ты ошибаешься,— изрёк Жёлтый.— Разве ты никогда не слышал о контрастах в цветах? Однако ты ещё не объяснил нам, почему ты не спишь.

— Просто потому, что сон никак не приходит.

— Это признак того, что ты был плохим мальчиком. Не могут спать только те дети, у которых совесть нечиста.

— Совесть у меня чиста, но пуст желудок, потому что мне нечего было есть на ужин.

— Видите!— торжествующе воскликнул Голубой.— Я сразу же сказал, что он хороший мальчик.

— Наоборот,— возразил Зелёный,— раз его оставили без ужина, значит, он плохой мальчик.

— Нет,— объявил Франко,—это значит, что у нас в буфете пусто. Мама поскорее уложила меня спать, надеясь, что сон прогонит голод, а получилось наоборот: голод прогнал сон. Но я не жалею: мне так интересно было видеть, как вы пролезали в замочную скважину. Вы знаете, я до сих пор ещё ни разу не получал подарка от Феи. А вы для меня самый лучший подарок, который я только мог получить. Представьте себе, я хочу стать художником.

Франко говорил так ласково, что Карандаши, подпрыгивая, приблизились к нему, довольные, что они пришлись по душе мальчику. Для типов вроде Жёлтого и Зелёного достаточно одного доброго слова, и они сразу же прекращают ссориться и становятся очень хорошими.

— Если хочешь стать художником,— сказал Коричневый, самый спокойный из всех цветов,— я советую тебе рисовать сцены из деревенской жизни. Можешь для этого использовать меня.

— А для меня всё равно, из какой жизни,— произнёс Голубой,— на любой картине всегда найдётся место для кусочка неба.

— Ребята!— воскликнул Красный, которому всегда хотелось

предложить что-нибудь новое.— Зачем терять время на болтовню? У меня появилась идея.

— Слушаем!

— Раз уж Франко не спит, давайте развлекать его. Нарисуем для него что-нибудь?

— Чудесно! Что за хорошая мысль!— обрадовался Франко.— Посмотрите на столе: там должно лежать несколько листов чистой бумаги. Конечно, это не чудесные белые листы из альбома — в эту бумагу лавочник заворачивал кофе, но я собираю её для рисования.

— Начну я,— торжественно произнёс Чёрный.

Он положил листок бумаги на ночной столик, стоявший рядом с кроватью Франко, и запрыгал по листу. На бумаге появился ствол и ветви дерева.

Франко захлопал в ладоши, но Жёлтый наморщил нос (я не знаю точно, где у карандаша находится нос, но подтверждаю тот факт, что Жёлтый наморщил нос).

— Этот рисунок не по сезону,— сказал он,— всем известно, что зимой на ветвях нет листьев. В лучшем случае сохраняется несколько жёлтых листьев...

— А ты забыл про сосны и ели, которые никогда не теряют листву?

— У меня есть ещё одна замечательная идея,— объявил Голубой.

Он взял листок, начертил на нём причудливую линию, и через несколько минут чудесная Голубая Корова, вежливо мыча и позвякивая висевшим на шее голубым колокольчиком, поднялась с листа и застучала копытцами по столу.

— Замечательно!— воскликнул Франко.— Если бы я тоже мог рисовать живые вещи. Мои рисунки остаются на бумаге и никогда не сходят с неё.

— Мууу!— жалобно замычала Голубая Корова.

— Может быть, у неё накопилось много молока?— сказал Франко. Когда коровы жалуются, их обязательно нужно доить. Но я не умею.

На помощь пришёл Коричневый, который был деревенским цветом и умел доить коров. Молоко Голубой Коровы было чудесного голубого цвета.

— Такого молока я никогда не видел,— засмеялся Франко.

— Это Голубой виноват,— ответил Жёлтый.— Он всё хотел сделать сам. Все ведь знают, что молоко бывает жёлтое.

— Жёлтое! Что ты там рассказываешь?

— Ах, довольно спорить,— сказал Красный,— теперь моя очередь.

И он со скоростью балерины запрыгал по листу бумаги, распро-

странья вокруг невероятное веселье. Ещё ничего не было готово, но можно было поручиться, что рисунок получится очень смешной.

— Готово!— прыснув со смеху, объявил Красный.

Знаете, что он нарисовал? Человека, который каким-то чудом не рассыпался, хотя и был весь сделан из отдельных кусков. Руки не соединялись с плечами, ноги с туловищем, нос с лицом, а голова с шеей.

— Да здравствует Человечек из кусочков!— закричал Франко.

Человечек попытался подняться с листа и сразу же потерял одну ногу.

Он нагнулся и с большим трудом поставил её на место, но тут же у него отскочила рука.

— Я потерял руку! Где моя рука?

Он опустилсся на колени в поисках, а голова тем временем скатилась с его плеч, как мячик. Голова катилась по полу, но не переставала кричать и жаловаться.

— На помощь! На помощь! Я не виноват, зачем вы хотите отрубить мне голову?

У Франко от смеха на глазах выступили слёзы.

— Не бойся!— ободрял он, стараясь сложить кусочки вместе.— Ну, вот, теперь всё в порядке, покажи, как ты умеешь ходить.

Это легко было сказать, но нелегко выполнить. Человек из кусочков не успел сделать и двух шагов, как потерял половину левой ноги и правую руку. Бедняжка зашатался и рухнул на землю.

Каждый из Карандашей что-то рисовал. Фигурки, как только их кончали рисовать, поднимались с бумаги и с любопытством оглядывались по сторонам. Голубой нарисовал лодочку с моряком. Моряк принял молоко Голубой Коровы за море и принялся плавать в нём.

Внезапно послышался чей-то голосок:

— Эй! Эй вы!

— Кто это?— спросил Жёлтый, который знал все обязанности, включая обязанности часового.

— Э-э-э, не поднимай такой шум, дружище! Я бедная голодная Мышь и думаю, что кому-то из вас придётся пожертвовать собой, чтобы я могла поужинать. Мне всегда нравились карандаши, простые или цветные — всё равно.

Карандаши поспешно столпились около Франко, который поднял руку, чтобы защитить их.

— Синьора Мышь, если вы думаете утолить голод за счёт моих друзей, то предупреждаю вас, вы ошиблись адресом.

— В этом доме невозможно жить,— проворчала Мышь, оскалив зубы.— Нет ни корки сыра, ни яйца, ни бутылки масла, чтобы я могла окунуть хвост и облизать его, ни мешка с мукой или зерном,

чтобы я могла прогрызть его. За последнюю неделю я потеряла половину веса.

— Мне очень жаль,— ответил Франко,— но я тоже лег спать без ужина, и это не в первый раз. Ничем не могу помочь тебе: мои Карандаши не для твоих зубов.

— Прикажи им, пусть они хоть нарисуют для меня что-нибудь съедобное!— взмолилась Мышь.— Я видела, какие они чудесные мастера.

— Против этого я ничего не имею.

— Об этом позабочусь я,— предложил Жёлтый.

И в одно мгновение он нарисовал ломтик сыра с дырочками и слезою, который вызвал бы аппетит даже у индийского факира.

— Большое спасибо!— воскликнула Мышь, облизывая усы. Никто даже не успел заметить, как сыр исчез в её пасти.

— Чудо что за аппетит,— сказал Красный.— Но подожди, сейчас я тебя накормлю.

Он взял чистый лист и нарисовал на нём круг.

— Это, наверно, голландский сыр,— сказала Мышь.— Однажды я наелась его вволю. У него была такая же красная корочка.

— Подожди, я еще не закончил.

Красный нарисовал рядом с первым кругом кружок поменьше и некоторое время выводил какие-то странные палочки и закорючки.

— Странно,— заметила Мышь,— никогда не видела голландского сыра с такими большими дырками. Над этим сыром, наверно, потрудились целая мышиная семья. А теперь отойдите, пожалуйста, в сторону.

— И-и, какая спешка,— усмехнулся Красный,— да я ещё только начал. Я хочу приготовить такое блюдо, что ты запомнишь его на всю жизнь.

И, продолжая рисовать, приделал к своей странной фигуре какое-то подобие хвоста, которое Мышь приняла за сосиску.

— Сосиска? Это неплохая идея. Даже не помню, когда я ела её в последний раз. А может быть, и совсем не ела, а просто представляю её себе по рассказам моего отца, который жил в лавке одного колбасника. Но теперь отойдите, пожалуйста, в сторону и позвольте мне отведать этот чудесный сыр, а то как бы мне не захлебнуться слюной.

— Одну минуточку,— сказал Красный и коснулся листа бумаги.

Мышь беспокойно смотрела на ожившую фигуру, которая лениво поднималась с бумаги.

— Но ведь это... Что за шутки?.. Ай, на помощь! Мама!

И Мышь бросилась прочь с такой быстротой, что потеряла хвост.

Красный весело рассмеялся. Что же он нарисовал? Огромного

кота, друзья мои. Красного Кота, который облизал усы и сразу же принялся точить когти. К счастью для Мыши, Кот был немного ленив и слишком долго раскачивался, иначе несдобровать бы ей.

Кот нежно замурлыкал и стал тереться о руку Франко, чтобы тот приласкал его.

Для Франко это была забываемая ночь. Карандаши по очереди показывали ему своё искусство. Например, они нарисовали столько флажков, что разукрасили комнату, как в день национального праздника.

Они нарисовали трёхцветный флаг, красный флаг, немного попорили, потому что каждый хотел, чтобы его флаг был самый лучший, потом помирились, и все вместе нарисовали шестицветный флаг.

— Ну вот, на флаге есть цвет каждого из нас: никому не обидно. Теперь-то уж мы не будем ссориться.

Затем Чёрного осенила блестящая идея, так не соответствующая его отнюдь не блестящему виду. Но так уж случилось, и я должен рассказать вам об этом.

Чёрный нарисовал телефон, маленький, как игрушечный, но совсем настоящий: с трубкой, с диском для номеров, с проводами и со звонком, который сразу же зазвонил.

— Отвечай скорее,— сказал Чёрный.

— Но я не знаю, как это делать, я никогда в жизни не разговаривал по телефону,— ответил Франко.

— Смелее, ты должен сказать «алло» и слушать.

Франко взял трубку, приложил её к уху и сказал:

— Алло!

— Алло!— ответил бас, выходящий, казалось, из глубокого подземелья.— Кто говорит?

— Я, Франко. А вы кто?

— Я телефонный Маг. Могу сделать так, что ты будешь говорить с кем угодно.

— Так поздно? В это время люди спят, и, если я разбужу их, чтобы только поболтать, кто знает, какие проклятия посыплются на мою голову.

— Не все спят, Франко. Вот ты, например, не спишь...

— Но я не сплю, потому что не поужинал.

— Думаешь, ты один такой? Вот поговори-ка...

— Алло!— произнёс дрожащий голос.

— Кто говорит? Я, Франко.

— Доброй ночи, Франко. А я старушка, живу на последнем этаже.

— А почему ты не спишь, бабушка?

— Мальчик мой, старики спят мало. Кроме того, сказать тебе

по правде, пошла я сегодня посмотреть, нет ли у меня в шкафу чего-нибудь съедобного... Ты же знаешь, у стариков мало денег...

— Нашли вы что-нибудь?

— Что ты! Там лежала когда-то корочка сыра, но её, очевидно, съел кот. Мне ничего не оставалось делать, как снова лечь в постель.

— А если вы не заснёте?

— Что же делать!.. У меня есть о чём подумать. Я вспоминаю о моих сыновьях, которые бродят по миру в поисках работы. Может быть, кто-нибудь разбогатеет или зарабатывает столько, что сможет прислать мне много денег... Не так ли?

— От всей души желаю вам этого, бабушка.

— Спасибо, Франко! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, бабушка!

Франко положил трубку, но сейчас же раздался звонок.

— Алло! Ну как, поговорил?

Это звонил телефонный Маг.

— Да. Мне так жаль эту бедную старушку!

— Поговори сейчас ещё с одним человеком.

— Алло! Кто говорит?

— Франко.

— А, Франко! Я не знаю тебя, но это неважно. Я всё равно не сплю.

— А у вас какая-нибудь неприятность?

— Нет, никаких неприятностей. Я студент, и мне некогда огорчаться, мне нужно учить уроки.

— Значит, вы не спите, потому что занимаетесь?

— Сказать тебе по правде, я не занимался. Открытая книга лежит передо мной на подушке, но я даже не различаю слов, они прыгают у меня перед глазами, как балерины. Это всё ужин виноват.

— Вы неважно поели.

— Я совсем не ел. Пять минут тому назад я встал и пошёл в столовую к моей хозяйке. Ты лучше не говори мне, что красть плохо, я это сам знаю. Но мне так хотелось хоть что-нибудь пожевать: кусок хлеба, яблоко — что угодно. Свет в кухне не зажигал, чтобы не разбудить хозяйку, тем более что я на память знаю, где мебель стоит. На цыпочках я подошёл к буфету, открыл дверцу, осторожно, чтобы ничего не опрокинуть, протянул руку... Палец попал во что-то мягкое. Что это такое? На ощупь мне показалось, что это мармелад. Я сунул палец в рот. Знаешь, что это было? Томат, томат из помидоров. Я съел полбанки этого томата и сейчас умираю от жажды.

— Я не люблю томат из помидоров, — сказал Франко.

— Дорогой дружище, я сам его не люблю! Меня просто тошнит от томата! Но ведь больше ничего не было. А теперь до свидания.

ния. Звони мне завтра ночью, если не будешь спать. Мы поболтаем немножко.

Франко ещё некоторое время говорил по телефону. Сколько людей не могло спать! Больные, которым даже ночью боль не давала отдохнуть. Мальчики вроде него, которые легли спать без ужина. Старики, которых одолевали грустные мысли, а всем известно, что грустные мысли прогоняют сон. Были ещё люди, которые работали по ночам: рабочие у доменных печей и на электростанциях, ночные сторожа, пекари, пекущие хлеб ночью, чтобы он был свежим к утру.

«А ведь ночью город кажется вымершим»,— думал Франко.

Карандаши прицепились к телефонному проводу, чтобы подслушать разговоры, но вскоре утомились и заснули.

Франко осторожно, боясь разбудить, собрал их в коробку, закрыл её и положил под подушку, чтобы коробку не отыскала Мышь, если она отважится выйти из своей норы.

Нарисованные Карандашами фигурки одна за другой вернулись на свои листы, и в комнате стало тихо. Франко выключил свет и некоторое время лежал с открытыми глазами. Он ничего не видел, но ему казалось, что комната полна народу. Здесь были все те, с кем он разговаривал по телефону, и они пришли, думал Франко, чтобы составить ему компанию.

Наконец он заснул и спал спокойно до самого утра.

Его мама встала пораньше, чтобы приготовить на кухне ячменный кофе (настоящий кофе стоит так дорого!). Она прошла через комнату Франко и увидела на столике листы бумаги с чудесными рисунками. Мама нежно посмотрела на сына и улыбнулась.

«Мой мальчик станет художником,— подумала она про себя.— Пойду на любые жертвы, лишь бы он у меня учился. Грех погибнуть такому таланту!»

Она ласково провела рукой по взлохмаченным волосам сына, который шевельнулся во сне, и прошла на кухню.

Мне жаль, что я не могу рассказать вам историю Франко. Будет ли он художником, или ему придётся делать работу, которая ему не нравится, лишь бы только зарабатывать себе на жизнь?

Кто знает!.. Не все делают, что хотят. Я знал одного дворника, который хотел стать музыкантом.

— Мне так хотелось бы научиться играть на скрипке,— рассказывал он мне.— А на самом деле вот какой инструмент приходится держать в руках...

И он показал мне свою метлу.

Пожелаем счастья и успехов Франко и проследим за приключениями Голубой Стрелы.

Глава XIX

БУДКА № 27

Голубая Стрела мчалась сквозь тьму по последнему адресу. Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции собрались на паровозе. Все вагоны поезда были пусты.

Снег наконец перестал. Холодный ветер разогнал облака, и на огромном небе, как в чёрном зеркале, засверкали звёзды.

Но блеск их становился всё более тусклым: близился рассвет. Первые трамваи уже вышли из парка и медленно двинулись по покрытым снегом рельсам. Машинисту приходилось внимательно смотреть по сторонам, чтобы какое-нибудь из огромных чудовищ не раздавило поезд.

— Самая безопасная дорога,— сказал Начальник Поезда,— это тротуар.

— Но это будет нарушением правил,— возразил Начальник Станции.— Никогда ни один уважающий себя паровоз не поднимется на тротуар.

— Мы можем ехать между двумя рельсами,— сказал Машинист.— Я высчитал, что трамвай пройдёт над нами и не заденет нас.

Трамвай проходил над Голубой Стрелой, даже не касаясь её. Трёх железнодорожникам вагоны казались огромными грохочущими тоннелями, которые двигались. Сначала экипаж Голубой Стрелы немножко волновался, но затем все привыкли и успокоились.

Дом Роберто, последнего мальчика, который остался без подарков, находился за городом, в поле. Так, по крайней мере, было написано в списке. А сейчас посмотрим, правду ли говорит список.

* * *

Дом Роберто — это не дом, а железнодорожная будка, будка № 27.

Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции не поверили своим глазам. Список привёл их напрямёхонько к настоящей железной дороге.

В окошке маленькой будки горел свет. Обходчик не спал. Он выходил к каждому проходящему поезду, сигналил ему, покачивая своим фонарём, потом отряхивал от снега ноги и скрывался в будке. Перед будкой, вправо и влево, как две стальные змеи вытянулись бесконечные рельсы.

Что это были за рельсы! Железнодорожники Голубой Стрелы даже во сне таких не видали. А поезда? Земля начинала дрожать,

когда их ещё не было видно. Потом, как ураган, нарастал, приближался страшный грохот, приходилось затыкать уши, чтобы не оглохнуть. Три наших маленьких железнодорожника боялись за свои головы, которые, казалось, готовы были лопнуть от шума.

И вот появлялся поезд, огромный, как город на колёсах. Вагоны были величиной с дом, с сотнями освещённых окошек. Когда поезд проходил, три наших героя долго не могли прийти в себя. Хотя они плотно закрывали уши, грохот наполнял их головы и не хотел выходить оттуда. Им приходилось трясти головой и совать пальцы в уши, как делают пловцы, когда хотят, чтобы из ушей вытекла вода. И тогда они снова могли слышать.

— Что вы скажете?!— воскликнул Начальник Поезда, глаза которого сверкали от страха и восторга.— Вот это поезд!

— Да!— кричал Машинист.— Никогда в жизни не видал такой красоты!

— Ребята, нам подвезло!— кричал в свою очередь Начальник Станции.— Роберто, наверно, сын стрелочника. Мы будем жить здесь и ежедневно видеть сотни поездов!

— Ну что ж, войдём?— спросил Машинист, приготовившись запустить мотор.

— Давайте немного подождём,— предложил Начальник Станции.— Может быть, пройдёт ещё один поезд.

Недалеко от будки возвышался плетень. Они укрыли за ним Голубую Стрелу, а сами присели на ветку какого-то кустарника в ожидании проходящего поезда.

Не прошло и нескольких минут, как волной пронёсся глухой шум, загрохотал сильнее грома и вдруг так же внезапно смолк.

— Это не поезд!— воскликнул Начальник Станции.

Дверь будки отворилась, на пороге появился обходчик. Он поднял фонарь на уровень лица и огляделся. Похоже было, что он чем-то встревожен.

— Роберто!— позвал он.— Роберто!

В окошке показалось заспанное лицо мальчугана.

— Одевайся скорее, наверно, что-то случилось. Это, может быть, обвал или оползень.

— Иду!— поспешно ответил мальчик.

Окно затворилось с сухим стуком. Через мгновение появился Роберто. Он одевался на ходу. В его руке раскачивался такой же фонарь, как у отца.

— Возьми один из флажков,— приказал отец,— и пойдёшь осмотри рельсы слева, а я погляжу с другой стороны. Если заметишь что-нибудь на рельсах, беги скорее ко мне. Осталось десять минут до прихода скорого.

Отец побежал направо. Роберто схватил красный флажок, сто-

явший у двери, и побежал в противоположную сторону. Ноги его по колено проваливались в снег, но он не замечал этого.

— Скорее, скорее!— шептал мальчик.— Через десять минут пройдёт скорый. Вдруг произойдёт крушение?

Через сотню метров он наткнулся на огромную кучу снега и камней, рухнувших с холма на рельсы. Если поезд наткнётся на обвал, непременно произойдет крушение. Роберто почувствовал, как у него задрожали ноги. Ведь ему было всего одиннадцать лет. Ему показалось, что он слышит вдали шум приближающегося поезда. Он представил себе, как стальное чудовище наткнётся на эти камни и вагоны полетят кувырком; ему казалось, что он уже слышит стоны раненых из-под дымящихся обломков вагонов.

Роберто вздрогнул, повернулся и побежал к будке, бессвязно выкрикивая какие-то слова. Вдруг он поскользнулся и упал в снег, быстро вскочил, снова упал и сильно ударился коленом об рельс. Он попытался подняться, но не смог.

Тогда мальчик изо всех сил принялся звать отца. Но отец не слышал его: с той стороны с нарастающим грохотом приближался скорый.

Силы покинули Роберто. Поезд мчался уже в двухстах метрах от него. Он поднялся из последних сил и, стиснув зубы от нестерпимой боли, отчаянно замахал красным флажком, который не выронил при падении.

— Стой! Стой!— кричал он.

Грохот поезда заглушал его голос. Паровоз мчался вперёд на полной скорости, его сверкающие фары надвигались всё ближе и ближе. Вот он уже в ста метрах от Роберто, в пятидесяти...

Внезапно закрипели тормоза, поезд резко замедлил ход и остановился в двух шагах от Роберто.

Машинист соскочил с паровоза и бросился навстречу мальчику.

— В чём дело? Что случилось?

— Обвал,— прошептал Роберто,— там обвал...— И потерял сознание. Ему казалось, что он погрузился в мягкий снег, который был почему-то мокрым и горячим. Больше он ничего не слышал. Через некоторое время мальчик очнулся в своей кровати.

— Обвал,— прошептал он,— обвал...

— Тише, тише,— ласково прошептал незнакомый голос.— Опасности нет.

Роберто с трудом открыл глаза.

Комната была полна народу. Какой-то синьор в золотых очках склонился над ним и щупал пульс. Это был доктор, ехавший в скором поезде, его позвали на помощь мальчику.

— Папа,— едва слышно прошептал Роберто.

— Я здесь, мой мальчик.

Собравшиеся в комнате люди, затаив дыхание, следили за мальчиком. Когда он очнулся, все облегчённо вздохнули и разом заговорили.

— Какой молодец,— говорили они,— ты спас жизнь сотням людей.

— Если бы не ты, весь состав полетел бы под откос. Ты храбрый мальчуган,— глядя Роберто по голове, произнёс какой-то железнодорожник.

Это был Начальник Поезда. Роберто улыбнулся ему, но сразу же поморщился: он почувствовал резкую боль в коленке.

— Тебе больно?— спросил доктор.— Ничего, всё быстро заживёт. А если бы ты потерял сознание минутой раньше, произошло бы крушение. Ты крепкий храбрый мальчуган.

Роберто больше не чувствовал боли, так ему было приятно это слышать.

Через два часа путь расчистили, и поезд отправился дальше. Роберто и его отец остались одни.

И только тогда они заметили, что в комнате находится ещё кто-то. Кто-то или что-то? Это была Голубая Стрела, которая в царившей суматохе незаметно пробралась в комнату. Экипаж Голубой Стрелы с волнением следил за всем случившимся. Они заняли свои места, серьёзные и молчаливые, как и подобает настоящим железнодорожникам, но сердца их были полны нежности и любви к мальчику, спасшему поезд.

— Посмотри!— воскликнул отец.— Что это?

— Это электрический поезд, папа! Электрический поезд! Какой он чудесный! Я не говорил тебе, но мне так хотелось иметь его. Посмотри, какой он красивый. А на платформах нагружены рельсы... Могу спорить, что, если проложить их, они опояшут всю комнату!

— Но это не я купил его,— смущённо сказал отец,— я вижу этот поезд впервые в жизни...

Роберто недоверчиво посмотрел на него.

— Ладно, папа, не разыгрывай меня... Ты хотел подарить мне его утром на Новый год, но я встал раньше и увидел его. Правда? Так ведь?

— Нет, нет, маленький, уверяю тебя, что ты ошибаешься? Знаешь, что мне пришло в голову: наверно, кто-нибудь из пассажиров скорого поезда вёз его в подарок своим детям и решил его оставить тебе, потому что ты уже сделал самый лучший подарок его ребятам: спас жизнь их папы. Конечно, это так и было. Видишь, какой прекрасный поезд? Я никогда не смог бы купить тебе такой...

Роберто улыбнулся.

— Пусть будет так,— сказал он.— Предположим, что этот

поезд оставил мне какой-то добрый синьор, ехавший на скором.

Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции Голубой Стрелы слышали весь этот разговор и знали, что в действительности было совсем не так. Но они скорее дали бы отрезать себе язык, чем открыли бы свою тайну. У каждого есть своя гордость, не так ли? А впрочем, разве кто-нибудь слышал, чтобы Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции игрушечного поезда могли разговаривать? Одно дело — в сказках, и совсем другое — в настоящей жизни. Голубая Стрела ещё несколько страниц назад находилась в сказке. Сейчас же она вошла в настоящий дом, где настоящий мальчик совершил настоящий подвиг. Три маленьких игрушечных железнодорожника теперь знают, что недаром проделали они такой путь и приехали к Роберто, в маленькую будку около самой линии железной дороги. Ручаюсь, что, если бы им пришлось повторить весь этот путь и пережить снова все их опасные приключения, они не колебались бы ни минуты.

Роберто нежно погладил замечательную игрушку, и ему показалось, что она дрожит у него под рукой, но потом он подумал: «Какой я глупый! Это дрожит моя рука».

Г л а в а XX

ФРАНЧЕСКО ЕДЕТ В КОЛЯСКЕ

Где же мы оставили других героев нашей истории?

— Кнопка, бедный, верный щенок, всё ещё лежал на пороге пустого дома, откуда исчез Франческо. Было холодно, хотя снег уже перестал падать. Хвост у Кнопки замёрз и стал как сосулька, но он не уходил со своего поста.

А Франческо? Франческо всё ещё сидел на скамейке в коридоре полицейского участка.

Неважная подушка — кирпичная стена! Но Франческо всё-таки уснул, да так крепко, что ничего не видел во сне.

Бедная старушка Фея всё ещё разносила подарки. Руки у неё замёрзли, но она не могла, конечно, оставить свою работу. Старая служанка была с ней: в полночь Фея на минутку вернулась домой выпить чашку кофе и нашла там верную Терезу.

Кто знает, может быть, мы ещё встретимся с ними, прежде чем кончится наша история. А сейчас давайте отыщем ночного сторожа. Того самого сторожа, который подобрал и починил Канарейку.

Клетка с Канарейкой висела на руле его велосипеда, и, когда ему нужно было поворачивать, вместо резкого звонка раздавалась нежная трель Канарейки. Но вот сторож остановился и прислонил

велосипед к стене магазинчика Феи, а сам стал ходить взад-вперед, топая ногами, чтобы согреться. Нам ничего не остаётся делать, как влезть в его голову и посмотреть, что он думает.

«Надеюсь, что синьора скоро придёт,— думал ночной сторож,— а то у меня отмёрзнут ноги».

Итак, ночной сторож ожидал Фею. Может быть, он хотел вернуть ей Канарейку? Нет, нет, дело касалось не Канарейки, а Франческо.

Видите ли, ночной сторож был знаком с Франческо. Много раз он встречал его, когда мальчик возвращался со своей работы из кинотеатра, и немного провожал его домой.

— Почему ты не едешь на трамвае?— спрашивал ночной сторож.

— Потому, что это очень дорого,— отвечал Франческо.

— Да-а,— соглашался сторож, почёсывая затылок.

— Мне нужно приносить домой все деньги, которые я зарабатываю. Их и так очень мало...

— Да-а,— бормотал ночной сторож.— Невесело работать в твои годы, не так ли?

— Я не жалуюсь,— отвечал Франческо,— я даже доволен этим. Ведь я уже работаю, как большой. Правда, у меня нет времени поиграть, да и игрушек у меня нет и никогда не было...

— Конечно,— говорил ночной сторож,— конечно.

Мальчик болтал, мужчина слушал. Он любил этого мальчика, который уже работал, как взрослый, и один ночью ходил пешком через весь город, зажав в кулачке свой жалкий заработок.

Ночной сторож видел, как арестовали воров, и, к своему удивлению, увидел среди них Франческо, на которого тоже надели наручники и, как преступника, отвезли в полицию.

«Я не верю этому,— сразу же подумал ночной сторож,— этот мальчик не может быть вором. Я знаю его, как своего сына».

Он побежал в полицию, но его выгнали оттуда.

— Думай о своей работе,— сказали ему полицейские,— а о ворах позаботимся мы. Иди-ка лучше сторожить, не то, пока ты болтаешь тут, вору успеют ограбить все магазины города. Этот мальчик твой родственник?

— Нет, он мне не родственник, но...

— Тогда не мешай. Мы сами разберёмся. Знаем мы этих воришек!

Огорчённый ночной сторож вернулся к своей работе. Внезапно ему пришла в голову мысль, что в этом деле может помочь хозяйка магазина.

«Синьора,— скажет он ей,— в полиции меня не хотят слушать. В самую новогоднюю ночь бедного мальчика бросили в тюрьму как

вора. Почему бы вам не пойти вместе со мной в полицию и не освободить его? Достаточно будет, если вы скажете, что ничего не украдено, что знаете этого мальчика. Сделайте что-нибудь для него. Может быть, с вами полиция согласится».

Погружённый в свои мысли, сторож не заметил Феи и её служанки, которые верхом на метле свернули в ворота и через окошко проникли в магазин. На мгновение из-под шторы показался свет, и сторож понял, что внутри кто-то есть.

Он подошёл поближе и постучал.

— Кто там? — спросил голос служанки. — Что вы хотите в такое время?

— Я ночной сторож, мне нужно поговорить с вами по неотложному делу.

— Сейчас мы ложимся спать. Приходите попозже.

— Но я вам говорю, что дело срочное.

— Когда хочется спать, самое срочное дело — это лечь в кровать.

Послышался другой голос — голос Феи, который что-то спрашивал.

— Ничего, синьора баронесса, это всего-навсего сторож.

«Наверно, это хозяйка», — подумал сторож и позвал:

— Синьора баронесса! Синьора баронесса!

Услышав слово «баронесса», Фея смягчилась.

— Одну минутку! Сейчас я прикажу поднять штору. Входите, пожалуйста. Чем я могу быть вам полезна?

В двух словах сторож рассказал ей о случившемся. Фея без труда вспомнила Франческо.

— Я помню этого мальчика, — сказала она. — Он бедняк и, к сожалению, не числится в списках моих клиентов. Я никогда не могла ничего подарить ему. И мне было очень жаль мальчика, уверяю вас. Мне хотелось бы, чтобы все дети были довольны. Я очень устала, но я пойду с вами в полицию. Вы довольны?

Через десять минут Фея и ночной сторож предстали перед дежурным полицейским.

— Мы хотим поговорить с начальником, — сказала Фея.

— В такое время? Да вы ещё не проснулись, что ли? Начальник придёт в девять часов.

— Позовите его сейчас же!

— Позвать его? Да вы с ума сошли!

Фея разошлась:

— Я сошла с ума? Думай, что говоришь! К твоему сведению, я почти баронесса. И если ты немедленно не вызовешь начальника, будешь раскаиваться в этом всю свою жизнь!

Словом, она совсем запугала дежурного. Бедняга вызвал на-

чальника, бросая грозные взгляды на сторожа, который исподтишка потирал руки от удовольствия.

Приехал заспанный начальник. Фея и его отругала.

Что за темперамент, друзья мои! Эта сердитая старушка умела держать людей в руках!

— Хорош начальник! Почему вы позволяете держать целую ночь под арестом бедного мальчика?

— Но я никого не держу. Он остался здесь в ожидании допроса.

— А, так?! Ну что ж, допрашивайте его. И быстрее, у меня дома уже вскипел кофе.

Полицейский разбудил Франческо. Мальчик едва стоял на ногах от усталости. Холодок пробежал по его спине, когда он узнал Фею.

Конечно, она пришла обвинять его! Ведь она столько раз видела его у своего магазина. Может быть, Фея думает, что это он подготовил налёт на её магазин.

— Синьора, я ничего не взял,— прошептал мальчик,— это я поднял тревогу и позвал полицейских.

— Именно так и было,— энергично сказала Фея,— а теперь, когда всё выяснилось, пойдём.

— Минутку,— всполошился начальник,— откуда вы знаете, что дело было именно так? Этот мальчик мог солгать! Мы захватили его в компании двух опасных воров.

— Солгать? Неужели я стала так стара, что не могу понять, когда мальчик врёт, а когда говорит правду? Этот мальчик спас мой магазин, а вы посадили его в тюрьму, вместо того чтобы наградить. Где же справедливость? Но я сама позабочусь о том, чтобы отблагодарить его. Пойдём!

Начальник развёл руками. С этой грозной старушкой ничего нельзя было сделать. Она взяла Франческо за руку, бросила сердитый взгляд на полицейских и направилась к двери. Часовые отдали ей честь, как генералу, и уверяю вас, что в этот момент походка Феи была более величественна, чем походка самых великих генералов.

Ночной сторож от радости не рассчитал разбега и, вместо того чтобы прыгнуть в седло велосипеда, перемахнул через него и свалился в снег.

— Не ушиблись?— спросила Фея.

— Чепуха, я чертовски рад за мальчика!— ответил сторож.

Он дружески попрощался с Франческо, поцеловал ручку Фее и удалился.

— Симпатичный парень,— заметила Фея, смотря на руку, которую он поцеловал.— Знает, как вести себя с настоящей синьорой.

Другой рукой она держала вспотевшую от волнения руку Франческо.

Фея была не такая уж плохая: это она освободила его, а сейчас держала за руку и вела по тёмному городу, как старая храбрая бабушка.

Служанка не поверила своим глазам, когда увидела их обоих. Она сразу же приготовила третью чашку кофе и вынула из шкафа стеклянную вазу со старыми засохшими пирожными. Пирожные были крепкие, как цемент, но зубы Франческо были ещё крепче; он жевал до тех пор, пока ваза не опустела.

— Смотрю я, как ты перемалываешь эти пирожные, и завидую. Мне бы такие крепкие зубы,— проговорила Фея.

Франческо, улыбаясь, смотрел на неё. Потом он встал:

— Мне нужно вернуться домой, а то мама уже, наверно, беспокоится.

Фея почесала за ухом.

— Я хотела подарить тебе что-нибудь,— сказала она.— Но в эту ночь я опустошила весь магазин, в нём остались одни только мыши. Я знаю, тебе нравится этот чудесный электрический поезд Голубая Стрела, но я не знаю, куда он делся.

— Неважно,— улыбаясь, ответил Франческо.— Тем более что у меня даже нет времени играть. Вы же знаете, мне приходится работать. В полдень я продаю газеты, а вечером продаю карамели в кинотеатре.

— Послушай,— сказала вдруг Фея, которую осенила какая-то идея.— Я уже давно собираюсь взять себе в магазин приказчика. Он должен содержать в порядке игрушки, следить за почтой, подсчитывать выручку. По правде сказать, я стала хуже видеть и уже не могу работать так, как раньше. Хочешь быть моим приказчиком?

Франческо затаил дыхание от радости.

— Быть приказчиком Феи!— воскликнул он.

— Приказчиком магазина, конечно. Не думай, что я pošлю тебя разносить на метле подарки клиентам.

Франческо осмотрелся вокруг. Каким красивым казался сейчас магазин, пусть даже с пустой витриной и со шкафами, заваленными бумагой!

— На этой работе не обморозишь руки,— весело проговорил он, показывая распухшие от мороза пальцы.— А газеты я лучше буду читать, чем продавать.

— Значит, договорились,— сказала Фея.— Завтра приступишь к работе.

Франческо поблагодарил и попрощался с ней. Он вежливо раскланялся и со служанкой, которая немножко ревновала его к хозяйке. Но она не могла долго злиться на мальчика, который так доверчиво смотрел на неё, и улыбнулась ему на прощание.

— Подожди-ка,— сказала Фея.— Я вызову тебе коляску. Те-

перь ты у меня на службе, и я не хочу, чтобы ты простудился.

Коляску! До этого дня Франческо несколько раз ездил на коляске, прицепившись сзади, где обычно шалуны прячутся от кучера и его кнута. Теперь же он забрался на кожаное сиденье, кучер pokrыл ему ноги чудесным жёлтым ковриком, влез на козлы и щёлкнул кнутом.

Лошадь тронулась мелкой рысцой.

«Как жаль, что никого нет на улице,— думал Франческо, глядя на небо, которое только ещё начинало чуть-чуть светлеть.— Никто не увидит меня в коляске. Но когда я приеду домой, то, прежде чем слезть, позову маму. Она и братья подбегут к окну, и в это время я сойду с коляски. Вот вытаращат они глаза!»

Его веки становились всё тяжелее и тяжелее. Потом они сомкнулись, и он крепко заснул, убаюканный мягким покачиванием коляски, плавно катившейся по снегу.

Г л а в а XXII

КНОПКА ХОЧЕТ УМЕРЕТЬ

Дневной свет вывел Кнопку из оцепенения.

«Пока я ещё двигаюсь,— подумал он,— незачем умирать от холода на пороге необитаемого дома. Я слышал о собаках, которые умирают на могиле своего хозяина, но у меня ещё нет хозяина, а этот дом не могила. Разомну-ка я немного ноги».

Он попробовал завилать хвостом, но это ему удалось с трудом, так как хвост совсем замёрз. Затем он сунул нос в снег (от этого, он слышал, согревается кончик носа). Потом Кнопка стряхнул снег со спины и отправился в путь. Куда? Неважно. Не всегда собаки знают, куда они идут. А это ведь настоящие собаки, так что же вы хотите от игрушечного щенка?

Кнопка бродил по городу, увёртываясь от бесчисленных трамваев и проваливаясь в лужи.

Один раз в витрине он увидел своё отражение.

«Странно,— подумал он,— по-моему, я стал больше. Очень странно: за целый год в витрине Феи я не вырос ни на сантиметр».

Он прошёл мимо бронзового Памятника патриота на лошади и окликнул его. Памятник не шевельнулся и не ответил.

Выпало много снега, и борода патриота стала совсем белой, а лошадь покрылась холодным белым покрывалом. Кнопка несколько минут смотрел на него. Затем вздохнул и побежал прочь, потому что большой ком снега сорвался с гривы лошади и устроил щенку хороший душ, в котором он совсем не нуждался.

Внезапно раздался звонок. Кнопка обернулся и увидел ехавшего на велосипеде приказчика с большой корзиной за плечами. Щенок скрылся в подъезде и подождал, пока тот проедет. Он не очень доверял людям. В конце концов это был дикий пёс, почти волк.

Правда, волк не лесной, а витринный.

Кнопку тяготило одиночество. Он так хотел бы поболтать с кем-нибудь. Разве можно жить без друзей, товарищей? Он попробовал поговорить сам с собой. Пристроился около лужи и стал разговаривать со своим отражением.

— Куда ты идёшь, бедный, маленький, заблудившийся и замёрзший щенок?— спросил он.

— Куда ты идёшь, бедный, маленький, заблудившийся и замёрзший щенок?— ответила ему лужа.

— Что ты повторяешь мои слова, как попугай?

— Что ты повторяешь мои слова, как попугай?— ответило отражение.

— Дурак!— разозлился Кнопка.

— Дурак!— ответило ему отражение.

Видите, как плохо быть одиноким? Вас сразу обзывают разными нехорошими словами.

Сейчас Кнопка отдал бы половину хвоста, лишь бы найти товарищей. Он попробовал побежать за приказчиком проехавшим на велосипеде, но тот уже уехал слишком далеко, и Кнопка, высунув язык от быстрого бега, вскоре отстал и потерял его из виду. Но вот из боковой улицы выехал другой велосипедист. Кнопка радостно бросился ему навстречу. От неожиданности велосипедист потерял равновесие и свалился в канаву, заваленную снегом.

— Паршивый щенок!— закричал он, слепил снежок и бросил им в щенка.

Снежок попал Кнопке прямо в глаз, и бедняжка с воем побежал прочь. Какой успех! Чуть было не подружился с велосипедистом!

Он присел у какого-то дерева и стал лечить глаз, из которого непрерывно текли слёзы. Глаз невыносимо болел. Кнопка согласился бы вырвать глаз, только бы не чувствовать этой боли.

Рассвело. Небо уже не казалось таким низким и чёрным, оно стало серым и поднялось высоко над крышей.

«Будь сейчас луна, я смог бы повить и полаять бы на неё, как делают другие собаки,— подумал Кнопка. И тут же возразил себе:— Другие собаки, но не ты, неумеющий лаять».

Над этим вопросом Кнопка размышлял долго. Почему он не умеет лаять? Может быть, он ещё маленький? Может быть, он мало упражнялся?

И вот он стал учиться лаять. Раздались жалкие и пронзительные вопли, от которых прослезились бы камни. Но у камней нет ушей, а у горожан есть. Одно, два, три окна распахнулись над головой Кнопки.

Несколько тазов холодной воды окатило Кнопку с ног до головы. С жалобным воплем он убежал прочь.

«Хороший результат!— думал Кнопка вне себя от отчаяния и смущения.— Ещё один такой душ, и я перейду в другой мир, так и не научившись лаять».

Бедняга совсем отчаялся: «Лучше бы я пошёл с моими товарищами. Теперь они сидят в тёплой комнате. Скоро проснутся дети и так обрадуются им! А чего я достиг своей преданностью Франческо? Щенок не должен позволять себе роскошь думать. Что мне теперь делать? Куда идти? Мне ничего не остаётся, как умереть».

Решив умереть, он растянулся на трамвайной линии. Первые трамваи уже счистили снег со стальных рельсов, и они отливали голубым светом в бледных лучах восходящего солнца. Но вот рельсы слегка задрожали.

Приближался трамвай. Пора. Прощай, Кнопка, тебе не повезло в жизни. Так встретить смерть так же смело, как встретил её Генерал. Бродячие собаки на твоём примере поймут, что нельзя оставаться в мире одиноким.

Трамвай быстро приблизился, но в нескольких шагах от Кнопки резко затормозил. Вожатый спрыгнул на землю.

— Смотрите, щенок! Щенок, который хочет умереть!.. Видали вы когда-нибудь такую картину?

Кнопка вскочил и, поджав хвост от смущения, побежал прочь. Даже умереть ему не давали спокойно.

— Эй ты!— звал его вожатый.— Верный, Верный, иди сюда!

Он называл много имён, но Кнопка не ответил ни на одно, хотя прекрасно понимал, что у вожатого не было плохих намерений. Вернее, именно поэтому он и не отзывался. Он так отчаялся, что не желал больше ничьей дружбы. Ему хотелось только одного — умереть.

— Верный, Тузик, Ральф, Щенок, Послушный, иди сюда!

Кнопка даже не повернулся. Вожатый сел в трамвай, включил мотор и поехал дальше, сигналив и внимательно смотря на рельсы.

Кнопка спрятался за уличной тумбой. Трамваи с грохотом проходили в десяти шагах от него, но он не осмеливался выйти из своего укрытия. А как они весело сигналият, эти трамваи! Как сверкает солнце на трамвайных окошках! Какие симпатичные, добрые лица у вожатых! Видно было, что эти люди, не задумываясь, снимут с себя куртку, чтобы укрыть замерзавшего щенка, а по утрам будут кормить его белым хлебом, намоченным в молоке.

Кнопка вздохнул.

Неподалёку послышался стук копыт. Старая лошадь медленно тащила по снегу коляску.

«Брошусь под коляску,— решил Кнопка.— Если лошадь не раздавит меня копытами, я всё равно попаду под колёса».

Когда коляска была в двух шагах, он закрыл глаза и бросился под копыта. Но лошадь заметила его. Лошади хорошо видят, даже из-под шор. Копыта лишь пригладили взлохмаченную шерсть Кнопки, не причинив ему никакого вреда. Коляска чуть-чуть отклонилась в сторону — Кнопка остался цел и невредим. Тогда он всеми четырьмя лапами уцепился за коляску и повис сзади, где обычно цепляются шалуны, чтобы не получить кнута от кучера и проехать бесплатно.

По правде сказать, он устроился совсем неплохо: колёса поднимали лёгкую снежную пыль, которая свежей струёй обдавала Кнопку. Под ним и по обеим сторонам коляски бежала белая гладкая дорога. Справа и слева отступали дома.

«Как хорошо ехать в коляске!»— подумал Кнопка.

Вы помните, то же самое подумал и Франческо.

«Буду ездить вместе с коляской взад-вперёд, а потом видно будет,— решил Кнопка.— По моему, кучер не заметил меня».

Через некоторое время Кнопке надоело ехать на запятках. Он решил сравнить, где лучше: в коляске или на запятках.

«Пожалуй, наверху гораздо лучше,— подумал он.— Там, должно быть, красные сиденья, как в купе первого класса Голубой Стрелы. Ручаюсь, что на сиденье можно вытянуться».

Пустив в ход зубы, лапы и хвост, Кнопка забрался в коляску. Внутри было тепло. Щенок почувствовал под ногами нежный, мягкий бархат.

«Немножко темновато,— подумал он,— но даже лучше, чем в Голубой Стреле. Боюсь, что намочу подушку своими мокрыми лапами. Хотя не всё ли мне равно? Я еду в коляске впервые в жизни и хочу как следует насладиться поездкой. Сейчас я растянусь на сиденье и посплю немножко».

Он вытянулся... Но неожиданно стукнулся головой обо что-то, вернее, об кого-то.

«Кто же сидит в коляске?»— испуганно подумал Кнопка. Он открыл свои маленькие серые глазки, и вдруг сердце бешено забилось у него в груди.

Прислонившись к спинке сиденья, подложив под голову руку, в коляске спокойно спал какой-то мальчик.

Г л а в а XXII

КНОПКА УЧИТСЯ ЛЯТЬ

— Франческо,— затаив дыхание пробормотал Кнопка. Франческо пошевелился во сне и улыбнулся. Наверно, хороший сон видел сейчас эта каштановая головка с большим чубом, спускавшимся, как обычно, на лоб.

Кнопка лизнул ему руку. Впервые в жизни он лизнул руку своему другу, и это показалось ему самой приятной вещью в мире.

«А я бросался под трамвай,— думал он.— Я чуть было не погиб под коляской Франческо. Какая ужасная была бы смерть!»

От счастья он закрыл глаза, но сразу же снова открыл их, боясь хоть на минуту потерять из виду спящего мальчика. Хвост Кнопки тихо постукивал по бархату сиденья. Кнопка бросил рассеянный взгляд на хвост и удивился, как тогда, когда увидел в луже своё отражение.

«Странно, этот хвост не похож на тот, который был раньше. Не пришили же мне новый!»

Это замечание Кнопки относилось к тому периоду его жизни, о котором я вам не успел рассказать. Когда он ещё жил в магазине Феи, мыши однажды отгрызли ему хвост. Но Фея, осматривая как-то магазин, заметила это и пришила ему новый.

«Этот мой хвост не похож на те, которые можно пришивать и отрезать,— думал Кнопка.— Это не тряпичный хвост».

Он попробовал ухватить хвост передними лапами, но это ему не удалось. Увлёкшись, он несколько раз кувырнулся на сиденье и в конце концов свалился прямо на Франческо, который поморщился во сне.

«Как хорошо! Не хватало ещё, чтобы я сделал мальчику больно! Пропаций я совсем пёс!— упрекнул сам себя Кнопка, потом стал оправдываться:— В конце концов рано или поздно он всё равно должен проснуться».

Франческо спал теперь не так крепко. Он поворачивался, двигал руками, открывал рот, как бы желая что-то сказать. Может быть, он подымался на поверхность из сна, глубокого, как море.

— Проснись,— попросил Кнопка,— проснись, Франческо. Я уже давно здесь, а ты ни разу не взглянул на меня. Проснись, уже пора!

Франческо открыл глаза и сразу же зажмурился: утренний свет хлынул ему в глаза серебряной струей.

Он никак не мог вспомнить, что с ним случилось, и с удивлением спросил:

— Где я?

Но стук лошадиных копыт, ставший внезапно более громким (коляска проходила как раз по той части города, где снег уже счищали), напомни ему все события этой удивительной ночи. Он открыл глаза и увидел пса, который вилял хвостом, смотрел на него и, казалось, по первому знаку готов был броситься к нему в объятия.

— Пёсик!— весело воскликнул Франческо.— Откуда ты взялся?

Он сел поближе, но ещё не осмеливался протянуть руку и погладить щенка.

— Может быть, мне его подарила Фея? Может быть, это мой новогодний подарок?

Но потом засмеялся. Фея дарила игрушки, а не настоящих псов с ласковыми, преданными глазами, с настоящим хвостом, который плясал в воздухе, как маленький флажок под порывами ветра. Вы, наверное, уже сами догадались, что Кнопка не был больше игрушкой. Он стал настоящим псом.

Франческо ласково погладил его по спине, сначала робко, одной рукой, потом смелее, обеими руками. Кнопка только и ждал этого приглашения: проворный, как ящерица, он вскочил на колени к мальчику и весело залаял.

Да, вы правильно меня поняли, именно залаял. Впервые в жизни Кнопка услышал, как из его горла вылетают сильные, энергичные звуки, так не похожие на его обычный визг. Эти звуки казались ему песней и отдавались в голове, как колокол.

«Я лаю», — только и успел подумать он и сразу же перестал думать. Зато теперь он наслаждался этим новым, неиспытанным чувством. Он лаял так громко, что Франческо рассмеялся:

— Похоже, что ты лаешь впервые в жизни. Но голос у тебя неплохой.

Кнопка перестал быть игрушкой из папье-маше и тряпок; он чувствовал, как в его груди бьётся настоящее, живое сердце. Когда его гладили, он не оставался теперь холодным и безразличным, как игрушка, а весь был тёплый, живой и дрожал, как птица.

Это произошло потому, что он нашёл себе настоящего друга и не был больше одинок.

Услышав этот лай, удивленный кучер обернулся. Он увидел мальчика и пса, которые весело боролись на старых, потёртых подушках сиденья: псы и ребята не видят особой разницы между лужайкой и сиденьем коляски. Как только они найдут немного свободного места, так сразу же начинают вертеться юлой.

— Откуда же к нам прыгнул этот пёс? — смеясь, спросил кучер.

— Не знаю. Когда я проснулся, он уже сидел здесь и лизал мне руку.

Кучер кашлянул и принялся рассказывать какую-то длинную историю.

— Однажды подобрал я одного пса. Дело было так: ехал я со станции; в коляске лежал багаж и сидели пассажиры. Лошадь в тот день совсем не хотела двигаться. Шёл дождь, а у лошадей ведь тоже есть свои капризы. Правду говорит пословица...

Но Франческо и Кнопка так и не узнали, ни что говорит пословица, ни чем кончилась история кучера. Старик говорил, говорил, а два друга — я чуть не сказал два мальчика — уже обнаружили, что вдвоём можно играть, смеяться, развлекаться. И пасмурный день в занесённом снегом городе вдруг показался им светлым и радостным, как солнечный день на берегу моря.

Г л а в а XXIII

ЧТО ТАКОЕ ДРУГ

На следующий день Франческо пошёл на работу в магазин Феи. Кнопка, конечно, последовал за ним. Они не могли расстаться ни на минуту. Франческо брал его на ночь к себе в кровать, и ранним утром Кнопка будил его нетерпеливым лаем, который означал: «Вставай, не трать столько времени на сон. У нас ещё тысяча дел. Нам нужно поваляться в снегу, сбегать наперегонки до стены фабрики, проверить, кто дальше прыгает. Вставай, вставай скорее!»

Всю дорогу они продолжали играть.

Фея, по правде сказать, сморщила нос при виде пса.

— Пёс? Ты хочешь держать его в магазине?

— Если вы разрешите, синьора.

— Гм... Нет ли у него случайно блох?

— Нет, синьора. Это чистый пёс.

— Мне кажется, что я где-то его уже видела. Тереза, взгляни-ка на этого пса! Ты помнишь, где мы его видели?

— Нет, синьора баронесса. Впрочем... Подождите-ка... Знаете, на кого он похож? На щенка, который сидел у нас в витрине на прошлой неделе. Посмотрите, у него хвост светлее, чем остальная шерсть.

— Ты права, он очень похож на нашего щенка. Правда, тот был поменьше.

— Да, синьора баронесса, наш был немного поменьше.

Кнопка залаял, чтобы они вспомнили его. Но Фея сказала смеясь:

— А кроме того, наш не лаял.

— Да, синьора баронесса, он не лаял.

Франческо разрешили держать пса, но только с условием, что тот не будет сорить и ломать игрушки.

За один день Кнопка научился предупреждать лаем о приходе покупателя. Научился смирно сидеть на задних лапах, держа во рту кружку, куда покупатели бросали чаевые для Франческо. Научился развлекать маленьких ребятишек, пока их мамы беседовали о том о сём с синьорой Феей.

В свободное время, когда покупателей не было, Франческо и Кнопка играли вместе с новыми игрушками, которые Фея привезла к следующему Новому году. Это был всё новый народ, незнакомый Кнопке: реактивные самолёты, ружья, стреляющие сжатым воздухом, огромные океанские пароходы с сотнями пассажиров.

«Бедняжка Полубородый,— думал Кнопка,— каким жалким казался бы его парусник рядом с этими гигантами!»

Со всем этим народом Кнопка не разговаривал. Все они были молчаливые и неподвижные и не желали вступать в разговор.

Может быть, между собой они и беседовали, как это раньше делал Кнопка со своими друзьями. Но теперь Кнопка не был одним из них: он принадлежал к миру настоящих людей с настоящими, а не нарисованными, как у трёх Марионеток, сердцами.

Франческо тоже почти не играл с игрушками. Он предпочитал целыми часами бороться и кувыраться с Кнопкой.

— Все игрушки мира не стоят одного друга,— говорил Франческо на ухо Кнопке.

И Кнопка лаял:

— Да! Да!

— Мы всегда будем друзьями! Не расстанемся никогда!

— Никогда! Никогда!— лаял Кнопка.

Фея выглядывала из двери магазина и, глядя поверх очков, спрашивала:

— Что он так лает, этот демон?

— Он доволен, синьора. Он рад, что живёт в этом мире.

И Кнопка лаял:

— Да! Да!

Д Ж И П в т е л е в и з о р е

17 января, в восемнадцать часов тридцать минут, восьмилетний Джампьеро Бинда, или просто Джип, проживающий в городе Милане, на улице Сеттембрини, дом 175, квартира 14, включил телевизор, снял ботинки и поудобнее устроился в зелёном кожаном кресле. Он заранее предвкушал удовольствие от фильма «Необычайные приключения Бесстрашного Орла — вождя краснокожих».

Справа от Джипа, в таком же зелёном кресле, совсем неплохо устроился его младший брат, пятилетний Филиппо Бинда по прозвищу Флип. Он тоже предпочёл скинуть ботинки, которые теперь в полнейшем беспорядке валялись на полу.

Кроме разницы в годах, братьев разделял... футбол. Джип болел за команду «Интер», а Флип — за «Милан», что, впрочем, не так уж важно для нашей истории, которая началась в восемнадцать часов тридцать восемь минут, когда у Джипа вдруг зачесались обе ноги.

Минуту спустя Джип почувствовал, что его неудержимо увлекает ввысь таинственная сила. Он взмыл с кресла, на секунду застыл в воздухе, словно ракета в миг запуска, а затем перелетел через всю комнату и рухнул вниз головой в телевизор.

А там шло жестокое сражение.

Бедняге Джипу тут же пришлось прижаться к скале, иначе его пронзили бы насквозь стрелы индейцев. Он с немым изумлением смотрел на пустое кресло, возле которого валялись ботинки, его ботинки, и на кресло рядом, в котором сидел Флип.

От чрезмерного волнения Флип не мог вымолвить ни слова, а только ойкал: «Ой! Ой-ой!» Наконец он обрёл дар речи:

— Как это ты сумел, Джип? И даже стекло не разбил!

— Я и сам не знаю, Флип.

— Но ты и взаправду внутри телевизора? Как Бесстрашный Орёл? Где ты дыру отыскал?

— Не знаю, ничего не знаю.

— Вот чудеса так чудеса! Подвинься немного влево, Джип, а то мне ничего не видно.

— Но ведь кругом отравленные стрелы свистят!

— Ну и трусишка же ты, Джип!

А на экране продолжалась свирепая битва.

Внезапно скала исчезла, и Джип очутился под ногами... коня.

— Ай! — в ужасе закричал Флип.

Однако он зря испугался — конь был учёный и Джипа даже копытом не тронул.

— Ну, раз уж ты в телевизоре, — сказал Флип, — то спроси у Бесстрашного Орла, почему его верного друга Громовой Тучи вторую неделю не видно.

— Да он же не понимает по-итальянски!

— А ты скажи ему волшебное слово — «хуг!»

— Хуг! — сказал Джип.

Но у Бесстрашного Орла были дела поважнее — он освободил из плена свою дочку с длинными чёрными косами.

— Хуг, хуг, — робко повторил Джип.

— Громче, ты же еле пищишь! — возмутился Флип. — Признавайся честно: испугался? Все болельщики «Интера» — трусы.

— А храбрые болельщики «Милана» преспокойно посиживают в кресле. Хвастунишка.

— Ах так! Вот выключу сейчас телевизор, тогда будешь знать.

С этими словами Флип соскочил на пол и босиком подбежал к телевизору.

— Не сме-е-ей! — отчаянно завопил Джип.

— Сколько ни кричи, ничего тебе не поможет.

— Мама, помог-и-и-и!

— Что случилось?— спросила из кухни синьора Бинда.

— Флип хочет выключить телевизор.

— Флип, перестань безобразничать,— спокойно сказала мама.

— Это Джип, а не я вскочил в телевизор.

— Джип, хватит дурачиться,— сказала мама, продолжая гладить бельё.— И не притрагивайся к телевизору. Так его и сломать недолго.

— Он не притронулся, он в него с ногами влез!— торжествующе воскликнул Флип.— Одни ботинки остались.

— Я вам сколько раз говорила: ходить босиком по полу вредно,— суровым голосом предупредила синьора Бинда.

— Флип тоже снял ботинки!— крикнул Джип.

Тут синьора Бинда решила, что пора вмешаться и унять расшалившихся сыновей. Она поставила утюг на подставку и направилась в комнату. Открыла дверь и:

— Ой!

— Мама!

— Что ты наделал, сынок?

— Честное слово, я не виноват,— громко всхлипывая, пробормотал Джип.— Я ничего такого не делал. Тихонько сидел в кресле. Посмотри...

И он показал на пустое кресло, словно оно умело говорить и могло подтвердить каждое его слово.

— Что скажет отец?— прошептала синьора Бинда и тяжело опустилась в кресло.

В этот момент домой вернулась тётушка Эмма — она играла с соседями в лото.

— Что я вижу!— воскликнула она, сурово поглядев на свою младшую сестру, синьору Бинда.— Кто позволил детям играть в столь опасную игру? Ты?

Ей сразу же рассказали, что произошло. Но тётушка Эмма расказу не поверила.

— Таинственная сила?! Ерунда! Значит, Джип сам не знает, как попал в телевизор? А я вам ручаюсь, что он решил спрятаться там от отцовских подзатыльников. Разве не молодой человек по имени Джип получил вчера двойку по арифметике? А теперь попробуй его поймай. Но так легко он не отделается. Сию минуту позвоню механику...

После долгих уговоров и даже угроз механик наконец пообещал прийти ровно через десять минут.

Тем временем вместо краснокожих на экране появилась не слишком молодая синьора. Она принесла салатницу и принялась нудно объяснять, как приготовить вкусный салат без оливкового масла.

— Ну и скучища! — пробурчал Флип.

И тут ему пришло в голову, что не мешало бы порисовать. Он разложил на столе большой лист бумаги, краски, кисточки — свои и Джипа.

— Мама, он взял мои кисточки! — громко запротестовал Джип, высунувшись из-за салатницы.

— Флип, не трогай вещи брата.

Флип притворился глухим и преспокойно стал рисовать синее небо любимой кисточкой Джипа.

Джип кричал, грозил нарвать Флипу уши. Но добраться до младшего брата он, понятно, не мог. От злости он завопил из последних сил.

Флип закричал ещё громче, чтобы заглушить вопли брата. А мама и тётушка Эмма тоже кричали во всю мочь, чтобы навести порядок.

В самый разгар концерта в комнату вошёл глава семейства — бухгалтер Джордано Бинда. В общей суматохе его никто даже не заметил.

— Хорошо же меня встречают в родном доме... И это после целого дня работы, — задумчиво проговорил Джордано Бинда. — Что здесь происходит?

— Ты не волнуйся, дорогой, — поспешила успокоить мужа синьора Бинда. — Сейчас придёт механик.

— Зачем? Снова испортилась стиральная машина?

— Нет, это из-за Джипа.

— Из-за Джипа? Он что, опять пережёг мою электробритву? Кстати, куда он делся?

— Я здесь, папа, — ответил тоненький голосок.

Уважаемый бухгалтер Джордано Бинда повернулся лицом к телевизору да так и застыл с раскрытым ртом.

— Ну раз уж случилось, что бедный мальчик угодил в телевизор, его нужно простить. В следующую четверть наш Джип исправится. Вот увидите, он станет по арифметике лучшим учеником в Милане! — затараторила тётушка Эмма.

— По арифметике? Лучшим учеником в Милане? — растерянно переспросил синьор Бинда.

Тётушка Эмма решительно направилась к письменному столу. Там, в самом нижнем ящике, лежал школьный дневник Джипа. Тётушка Эмма сама спрятала дневник подальше от грозного отца семейства. Она мудро рассудила, что пройдет неделя-другая и Джип исправит плохую оценку. И тогда можно будет спокойно извлечь дневник из тайника.

— Вот он.

— Э, ерунда. Дело тут совсем не в плохой оценке! — воскликнул

синьор Бинда. — Как вы не понимаете?! Это же ужасная болезнь — телемания. Я как раз вчера читал про неё большую статью. Один знаменитый адвокат до того пристрастился к телевизору, что забыл про жену и детей. Целыми днями он просиживал у телевизора. Он смотрел всё подряд: кинокомедии, рекламу, научные лекции, доклады, уроки для неграмотных крестьян. Точь-в-точь как Джип и Флип. И, понятно, заболел телеманией.

— Ну, а потом?

— А потом он, как был, в рубашке и в брюках с подтяжками, так и угодил в телевизор. И просидел там целых три дня. Представляете, в таком неприличном виде он принимал клиентов.

— А как же он оттуда выбрался?

Почтенный бухгалтер Джордано Бинда открыл было рот, но так ничего и не ответил. Он выскочил на лестничную площадку и громко постучал в дверь своего соседа адвоката Проспери. Нет, это был не тот адвокат, который угодил в телевизор, а совсем другой. В Италии адвокатов куда больше, чем дворников.

— Добрый вечер, синьор Бинда! Входите. Чем могу быть полезен?

— Не могли бы вы одолжить минут на десять ваш телевизор?

— Сейчас? Вот-вот начнут передавать тележурнал. А я очень интересуюсь всем, что творится в мире. Почему бы вам не зайти ко мне, коль скоро ваш телевизор испортился?

Бухгалтер Бинда объяснил адвокату, что дело тут совсем не в телевизоре, а в болезни, именуемой телеманией.

— Кстати, уважаемый синьор Проспери, в одном из тележурналов рассказывалось, как нужно лечить это редкое заболевание. Надо поставить прямо напротив телевизора, в котором очутился больной, второй телевизор. Тогда новый экран начнёт неудержимо притягивать к себе больного. И в тот самый миг, когда больной вылетит из старого телевизора и повиснет в воздухе, выключаются сразу оба телевизора. Теперь больного не притягивают ни старый, ни новый телевизоры, и он падает на пол. Понятно, надо заранее постелить ковёр, чтобы больной не ушибся. Знаменитый адвокат, о котором я только что рассказывал, был спасён именно благодаря этой несложной системе. Но при падении он сильно ударился головой об пол, и у него вскочила на лбу большая шишка.

Адвокат Проспери терпеливо выслушал рассказ соседа, а затем пожелал лично взглянуть на беднягу Джипа. Наконец адвокат объявил, что охотно поможет соседу, но только после тележурнала.

— Знаете, кроме тележурнала, меня ни одна передача не интересует.

Увы, после тележурнала двое сыновей и дочка адвоката Проспери закричали в три голоса, что хотят смотреть «Весёлую кару».

сель». И сколько их ни уговаривали, они так и не отдали телевизор.

Пришлось Джипу перетерпеть и «Веселую карусель». Только он успел спрятаться от зубной пасты, летевшей во все стороны из огромного тюбика, как его обдало с ног до головы мыльной пеной. Да ещё, ко всем бедам, в нос и в рот ему набилась манная каша фирмы «От манной каши — все силы наши». А Джип манную кашу терпеть не мог. И пока он чихал и кашлял, под отчаянные вопли тётушки Эммы и ехидный смех Флипа, новейшая шариковая ручка подрисовала ему пышные усы. Но вот Джипу чуть было не улыбнулось счастье. Фирма «Ешь сыр до мелких дыр» показала головку настоящего швейцарского сыра. Однако едва Джип до неё дотронулся, она исчезла, а в руках у него оказался рыбный сачок. «Самое время рыбу ловить», — с печалью подумал Джип.

Всё же после «Весёлой карусели» адвокат Проспери сумел отнять у своих непослушных детей телевизор и понёс его к соседу. По дороге он раз десять повторил:

— Сейчас по интервидению будут передавать бокс. А кроме бокса, меня ни одна передача не интересует. Но я человек слова.

Наконец телевизор адвоката был аккуратно поставлен напротив телевизора хозяев. Тётушка Эмма разложила на полу все подушки и одеяла, чтобы Джип при падении отделался лишь лёгкими ушибами.

— А теперь внимание, — сказал Бинда-старший. — Когда я подам команду, вы потушите оба телевизора. Только в одну и ту же секунду. А ты, Джип, смотри, не отрывая глаз, в телевизор синьора адвоката.

Джип послушно исполнил приказание. И сразу же ощутил, что у него зачесались обе ноги. И вот уже он задвигался... Ещё мгновение — и он пулей вылетел из телевизора. Увы, поражённый столь необычным зрелищем, бухгалтер Бинда позабыл дать команду. Джип рухнул в телевизор адвоката Проспери и... исчез.

— Джип, где ты? Отзовись! Ты слышишь нас, Джип?

— На экранах обоих телевизоров итальянский и английский боксёры щедро награждали друг друга сильнейшими ударами. А Джип? Джип словно в воду канул.

— Скорее переключите телевизоры на вторую программу!

Но по второй программе показывали балет.

— Что же теперь делать?

В этот момент раздался звонок. В дверях стоял механик и улыбался во весь рот.

— Вы меня вызывали? Телевизор не работает? Ну-ка поглядим... Оба испортились?

Механики, вы это и сами, наверно, знаете, всегда немного запызаывают.

ЛЮДОЕД ОБЪЯВИЛСЯ

Шведский профессор Эрикссон, главный врач больницы города Стокгольма, осматривал больного — лесоторговца по имени Классон. Профессор подозревал у Классона язву желудка. А чтобы проверить, так ли это, профессор решил ввести больному через рот тонкую трубочку с телекамерой на конце. Телекамера была крохотной, величиной с булавку. Но профессор Эрикссон глядел на экран телевизора и видел всё, что делается у больного в желудке.

— Готово?— спросил профессор у своего помощника и у двух медицинских сестёр.

Все трое дружно ответили по-шведски: «Да». Лесоторговец Классон тоже сказал «да», хотя у него никто ничего не спрашивал.

— Ну-с, приступим,— сказал профессор.

Он осторожно ввёл больному тонкую трубочку, нажал кнопку и еле удержался, чтобы не чихнуть. А при обследовании больного чихать строго-настрого запрещено. И вот на экране телевизора возник изрядно увеличенный желудок лесоторговца Классона.

— Ой!— воскликнули по-шведски обе медицинские сестры.

Но и вы, ребята, легко поняли бы их. Ведь «ой» почти на всех языках мира звучит одинаково.

— Ой!— воскликнул в испуге и больной.

— Вы, господин Классон, не беспокойтесь, всё будет в порядке. Думайте лучше о приятных вещах — о летнем отдыхе на берегу тёплого южного моря, о вашем любимом пироге. А о налогах пока не думайте, иначе у вас испортится настроение. Исследование вашего желудка продлится не больше десяти минут... Эрна, прибавьте напряжение, а то в желудке моего уважаемого пациента освещение явно недостаточное. Вот так, отлично. Что же мы видим?

Восемь глаз одновременно захлопали ресницами.

— О господи!— воскликнул помощник профессора.

Обе медицинские сёстры дружно вскрикнули.

— Вы людоед!— рявкнул профессор.

В животе лесоторговца Классона сидел Джип и от нечего делать ковырял в носу.

— Господин Классон, вы утаили от меня истинные причины вашей болезни. Но вам не удалось скрыть следы преступления. Стыдитесь! Вы не больной, а людоед.

Лесоторговец Классон, разумеется, крайне удивился. Ведь он-то лежал на операционном столе и ничего не видел.

— Людоедство в двадцатом веке! И где? В самом центре Европы!

— Профессор,— робко пролепетала одна из медицинских сестёр,— ребёнок подает нам знаки. Возможно, он ещё жив...

— Бедняжка, он даже без ботинок...— прошептала вторая медицинская сестра.

— И ботинки съели?! Как это вы ему носки оставили!— воскликнул помощник профессора, окинув растерявшегося больного суровым взглядом.

— Тише,— сказал профессор и оглядел Джипа с головы до... носок.— Как ты себя чувствуешь, мальчик?— спросил он.

— Куик прик куак марамак,— ответил Джип.

— Странный, однако, язык!— удивился профессор Эрикссон.

На самом-то деле Джип ответил профессору по-итальянски: «Я ничего не понял». Но профессор Эрикссон не знал по-итальянски ни одного слова. Ну, а Джип не знал шведского, и для него вопрос профессора тоже звучал очень странно. Вот так: куик прик куак марамак. «На каком это он языке говорит?»— подумал Джип.

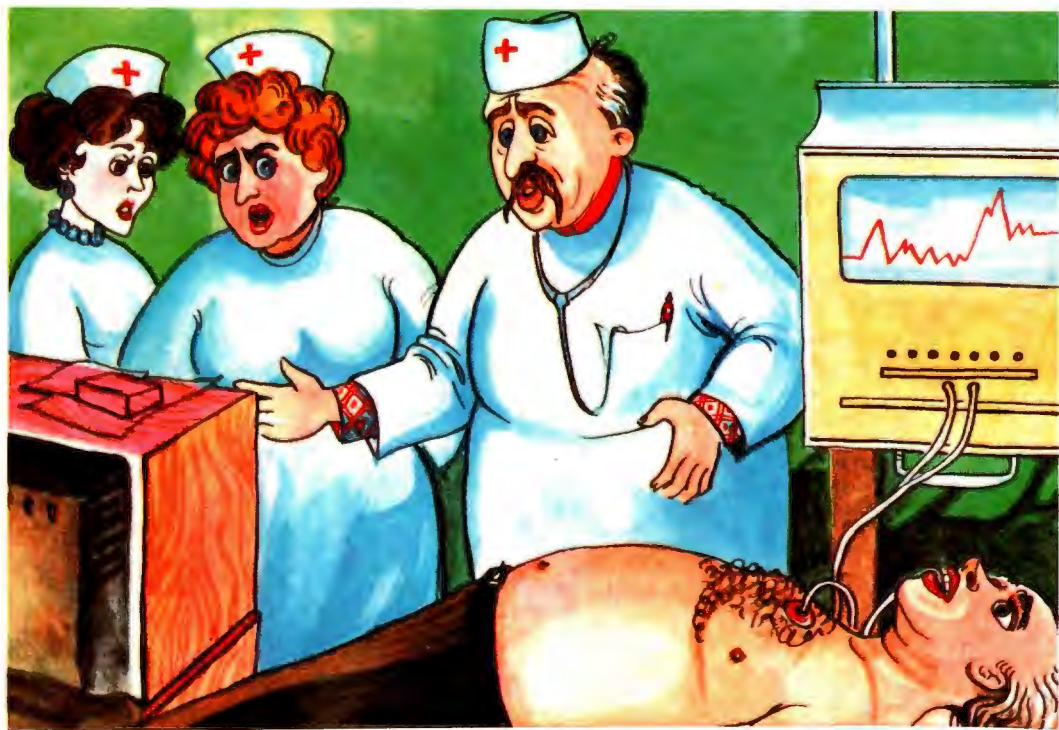
К счастью, одна из медицинских сестёр летом отдыхала на Капри и выучилась там итальянскому.

— Как ты себя чувствуешь?— повторил свой вопрос профессор. Медицинская сестра перевела.

— Спасибо, хорошо,— ответил Джип.

— Он причинил тебе боль, малыш?

— Кто?

— Как — кто? Классон, чёрт возьми!

— Я такого не знаю.

— Что же ты тогда делаешь в его животе? В твои годы я не лазил по чужим желудкам. Тем более иностранцев.

— Клянусь вам, господин профессор, я не виноват.

— Ты не виноват, Классон не виноват, все не виноваты. Кто же виноват? А? Король Швеции? Конная стража?

— Понимаете, я...

— Хватит. Сиди тихо и не шевелись. А мы подумаем, как тебе помочь.

Профессор, что-то сердито бормоча себе под нос, вытащил телеиглу из живота лесоторговца Классона. Больному сразу стало легче.

— Профессор, моё положение очень серьёзно? — робко спросил он.

— Весьма серьёзно.

— Значит, мне придётся сегодня же лечь в больницу.

— Скорее всего, вас, уважаемый, посадят в тюрьму. Съели восьмилетнего мальчика вместе с ботинками, а потом спокойно пришли ко мне на приём. Нет, даром вам это не пройдёт.

— Простите, какого мальчика?

— Вот этого, — сурово сказал профессор и ткнул пациента пальцем в грудь.

— Я здесь! — крикнул Джип. — Весь день тут торчу!

Профессор, ассистент профессора, обе медицинские сестры и лесоторговец Классон повернулись к телевизору и увидели на экране Джипа. Он отчаянно размахивал руками и от бессильной ярости пританцовывал на месте.

— Следовательно, в животе господина Классона был не ты, — глубокомысленно заключил профессор Эрикссон. — Значит, ты обычная помеха?

— Я не помеха, а Джампьеро Бинда. Я живу в Милане и нечаянно упал в свой телевизор.

— Это мой телевизор! — завопил профессор Эрикссон. — И тут не Милан, а Стокгольм. Ты не имеешь никакого права мешать моим опытам. Это преступление, вернее, покушение на...

Вероятно, на голову Джипа обрушились бы и ещё более страшные обвинения, но в этот миг выключили ток и экран погас. Когда снова зажёгся свет, экран был чистым и белым, как заснеженное поле. А Джип исчез, растворился, и от него ни пятнышка, ни даже полоски не осталось.

Лесоторговец Классон так и не понял, с чего вдруг профессор обозвал его людоедом. Сам же профессор до того разозлился, что забыл взять у больного деньги за исследование. Такое за долгие годы случилось с ним впервые.

ОХОТА ЗА ВОРОМ

В подвале старинного немецкого замка, на берегу Рейна, два весьма почтенных господина играли в шахматы. Время от времени они поглядывали на экран телевизора, где подрагивало изображение вешалки.

Но с каких это пор в перерывах между передачами стали показывать вешалку?

Здесь необходимо кое-что объяснить.

1. Двое уважаемых господ не кто иные, как профессор Сильвиус Леопольд Линкен — директор библиотеки города Бармштадт, и Вильгельм Фредерик Рехтен — старший инспектор полиции. Оба эти господина очень не любят скверное пиво. Но ещё меньше они любят смотреть телевизор.

2. В старинном немецком замке находится библиотека, директором которой является господин Линкен.

3. На экране телевизора виден коридор библиотеки, где и стоит вешалка, на которой висят пальто уважаемых читателей.

4. В коридоре за рамой одной из картин спрятана крохотная телекамера. От неё не ускользает никто и ничто, и она мгновенно передаёт изображение в подвал, где господа Линкен и Рехтен играют в шахматы.

5. Крохотная телекамера была спрятана за картиной, чтобы...

Но тут на экране появился молодой человек. Незнакомец подошёл к вешалке, повесил своё пальто и направился в библиотеку.

— Пока ничего любопытного, — сказал профессор Линкен.

— Любопытного пока ничего, — подтвердил инспектор Рехтен.

При этом он, как вы, конечно, заметили, слегка переставил слова.

И оба уважаемых господина продолжили игру в шахматы. Из груды старинных, пожелтевших книг вылезла мышка, но ни герр профессор, ни герр инспектор не удостоили её даже взглядом. Мышка сконфузилась и снова забилась в щель.

Но вот на экране появились две молодые дамы. Они сняли свои шубки из искусственного меха и повесили на вешалку рядом с другими пальто. Всё это время профессор Линкен и инспектор Рехтен не спускали с них глаз. Когда обе дамы исчезли с телеэкрана, профессор Линкен сказал:

— Приятные дамы.

— Нет, грациозные, — поправил его инспектор Рехтен. — Но ответа на загадку они не дают.

— Увы, не дают, — заключил профессор Линкен, не слишком уверенно подвинув крайнюю пешку.

И в тот же миг на экране возник Джип.

— Ого! — воскликнул профессор Линкен. — Мальчишка!

— Интересно! Даже очень!— подтвердил инспектор Рехтен.— Заметьте, он без ботинок. С какой, по-вашему, целью он снял ботинки, уважаемый господин профессор?

— Да, всё это крайне подозрительно,— согласился профессор Линкен.— Быть может, он и есть тот самый жулик, который вот уже пятнадцать вечеров подряд очищает карманы посетителей нашей старинной библиотеки, украшения и гордости Бармштадта и...

— Буона сера... Добрый вечер,— сказал Джип.

Профессор Линкен и инспектор Рехтен удивлённо поглядели друг на друга.

— Поздравляю вас. Оказывается, вы знаете итальянский,— сказал профессор инспектору.

— Поздравлять надо вас. Ведь я даже рта не раскрыл,— отвечал инспектор профессору.

— Я тоже.

— Простите за беспокойство,— сказал Джип с экрана.— Вы

не можете объяснить, куда я попал? Меня зовут Джампьеро Бинда. Я живу в Милане, на улице Сеттембрини, дом сто семьдесят пять, квартира четырнадцать.

Оба уважаемых господина одновременно вскочили с табуреток и подбежали к телевизору.

— Стой и не двигайся! — приказал инспектор Рехтен Джипу.

Он нажал кнопку, и на экране появились двое полицейских в мундирах. Они выскочили из кладовой, где прятались до этой минуты, уверенные, что сейчас поймают наконец вора. Они поглядели вокруг, на пол, на потолок, пошарили среди пальто. Никого. Тогда они, в сильнейшем изумлении, посмотрели в зеркало на свои носы.

— Ослы! — кричал инспектор полиции, топая ногами. — Дурни лопоухие! Ничего не видите дальше своего носа. Вот он, вор! Он даже не пытается спрятаться. Ты вор? Признавайся, — обратился он к Джипу.

— Нет, вы ошибаетесь, — сказал Джип.

— Тебе не отвертеться, милейший! Только воры снимают ботинки, чтобы бесшумно пробраться в квартиру или библиотеку.

— Но я их снял, чтобы удобнее было сидеть в кресле. Я сюда не по своей воле попал. Я пленник...

— Отлично. Ты сам признался, что теперь ты наш пленник.

Тем временем полицейские удалились в свою комнату, сердито ругая этого глупца, инспектора Рехтена. Они, конечно, ничего не увидели и не понимали, зачем их потревожили.

А brave инспектор наседа на Джипа:

— Признавайся, кто научил тебя воровать? Куда ты дел украденные вещи? Ну погоди же! Теперь твоим родителям придётся уплатить и за специальную телевизионную установку, которую мы вынуждены были купить.

Услышав о своих родителях, Джип вспомнил, как давно он не был дома, и горько расплакался.

— Он плачет — значит, он виновен! — торжествующе воскликнул инспектор Рехтен.

— Не торопитесь с выводами, уважаемый господин инспектор! Вором может быть только постоянный читатель нашей библиотеки. Не так ли? А я этого мальчишку впервые вижу. Правда, не совсем ясно, зачем он снял ботинки. Где ты, собственно, находишься? — обратился он к Джипу.

— Я и сам не знаю. Скорее всего, в телевизоре.

— Значит, ты не в коридоре? А пальто на вешалке ты не видишь?

— Вижу. Но это не настоящее пальто, а телевизионные. Ведь я сам на экране.

— Понятно, — сказал Линкен. — Ребёнок чист, как вода в

ручьё!— воскликнул он.— Вероятно, где-то оборвался контакт. В результате чего...

Профессор Сильвиус Леопольд Линкен пустился было в длиннейшие технические объяснения, но внезапно умолк. На экране возник солидный пожилой господин. Он надел своё пальто и шляпу, а затем быстро огляделся и... запустил руку в карман чужого пальто. В мгновение ока он обшарил карманы десяти пальто, перекладывая в свои карманы все приглянувшиеся ему вещи.

На этот раз инспектор Рехтен не стал терять даром драгоценное время. Он мгновенно нажал сигнальную кнопку. Полицейские выскочили из своего укрытия. Вор попытался удрать, но его сразу же схватили, вернее, почти сразу, потому что он отчаянно сопротивлялся.

Наконец на экране остались лишь Джип и вешалка со множеством пальто. Профессор Линкен и инспектор Рехтен задумчиво почесали затылки.

— Так ты из Милана,— сказал профессор Линкен.— Знаю, знаю. Бывал там. Красивый город: собор, метро... Да...

— Но вы не знаете моего отца!— воскликнул Джип.— Он всегда верит тётушке Эмме. А она убеждена, что я убежал из дому, потому что боялся показать отцу дневник. У меня двойка по арифметике.

— По арифметике? Это ужасно. В двадцатом веке, когда даже машины умеют считать, и вдруг двойка по арифметике. И что же тебе труднее всего даётся? Надо думать, деление?

— Нет, перевод из одной меры в другую. Я каждый раз забываю, что в одной тонне тысяча килограммов и сто тысяч граммов.

— Но это не одно и то же!— воскликнул профессор Линкен.

— Как не одно и то же?!— удивился инспектор Рехтен.— В тонне именно сто тысяч граммов.

— Вы ошибаетесь, мой друг. В тонне миллион граммов.

Тут оба уважаемых господина, забыв про Джипа, стали ожесточённо спорить. Они поочерёдно писали в блокноте какие-то сложные формулы, выхватывая друг у друга шариковую ручку. Когда же они наконец пришли к полюбовному соглашению и вспомнили про Джипа, на экране не было ничего, кроме обычных полос.

Джип исчез, словно его и не было вовсе.

ДЖИП ПОД ВОДОЙ И НА СУШЕ

В тот день Джипа видели в самых различных городах мира. Он появлялся то в передаче «До-ре-ми», то в самый разгар футбольного матча. Бедняга Джип метался по экрану, словно футбольный мяч, который игрокам никак не удаётся забить в ворота.

В семь часов утра, возле Марселя, французские и итальянские водолазы с борта фрегата «Мерендина» готовились погрузиться на дно. Недавно один любитель подводной охоты обнаружил неподалёку от берега старинное римское судно, затонувшее много веков назад. На фрегат тут же проникли вездесущие репортёры и телеоператоры. Уж они-то никак не могли упустить столь любопытное событие. Они стояли у экрана телевизора и весело показывали то на сардину, то на рыбку омбрину, которая с любопытством разглядывала телекамеру, дружелюбно помахивая хвостиком.

Но вот и само затонувшее судно. Почти две тысячи лет пролежало оно на дне, занесённое песком и илом. Водолазы, неуклюжие и смешные в своих громоздких скафандрах, стали разгребать песок. И вдруг вместо старинных кувшинов с вином и оливковым маслом на экране телевизора возникло лицо Джи́па.

Фотокорреспонденты и телеоператоры закричали, перебивая друг друга:

- Смотрите, утопленник!
- Это мальчик! И он живой!
- Обычно утопленники не размахивают руками.
- А может, это сын русалки?
- Нет, тогда бы у него был рыбий хвост.

И тут Джи́п исчез так же внезапно, как и появился.

А водолазы, когда их подняли на «Мерендину», клялись, что нашли на затонувшем судне только рыб да обломки кувшинов.

В Югославии на опушке леса, в своём деревянном домике, сидел лесничий и мирно курил трубку. И время от времени поглядывал на экран телевизора. Ему полагалось бдительно следить, не вспыхнет ли где-либо лесной пожар. Но когда он увидел, что за ним самим внимательно наблюдает с экрана незнакомый мальчишка, трубка выпала у него изо рта. И хоть старый лесничий давно уже не верил, что в лесу водятся гномы, он на всякий случай пробормотал магическое заклинание: «Сгинь с глаз моих»— и для пущей храбрости залпом осушил стакан сливянки.

После чего Джи́п мгновенно исчез.

СКОЛЬКО СТОИТ ОДИН МАЛЬЧИШКА?

А в дом семейства Бинда, через пятнадцать минут после исчезновения Джи́па, явились одновременно представитель телевизионной компании и глава полиции. Им было поручено произвести расследование необычайного происшествия. Они нашли: синьору Бинда в слезах, Флипа уснувшим в кресле, тётушку Эмму с горой подушек и половиков на плече, а бухгалтера Бинда яростно спорящим с ад-

вокатом Проспери. Адвокат упорно пытался унести домой свой телевизор.

— Неужели вы не понимаете, что Джип может вернуться с минуты на минуту! И мы не знаем, на каком из двух экранов он объявится.

— Если на моём, я вас сразу же предупрежу,— невозмутимо отвечал адвокат.— Но это маловероятно. В телевизионной программе за неделю про Джипа не упоминается. После футбольного матча клуб домохозяйек будет обсуждать вопрос, сколько петрушки и укропа надо положить в суп, чтобы он стал особенно ароматным. Меня только такие программы и интересуют. Я запишу все рецепты, и потом жена...

— Вы отлично можете послушать домохозяйек и здесь. По-моему, вот это кресло очень удобно.

— Э, нет, моё любимое кресло из чёрной кожи. А под ноги я подставляю жёлтую табуретку. И не знаю, как вы, а я в одиннадцать часов ложусь спать.

— И, наверно, выключаете телевизор.

— Разумеется.

— А на этот раз не выключите!

— Всю ночь?!

— Если понадобится, то и всю ночь. Мы будем дежурить по очереди. Ведь Джип может появиться в любую секунду.

— Но у меня лампы перегорят. Нет-нет, я не позволю портить мой телевизор!

Тут в спор вмешался глава полиции. Он принял сторону бухгалтера, и адвокату Проспери пришлось отправиться домой без своего драгоценного телевизора.

Представитель телевизионной компании и глава полиции немедленно начали расследование. Однако оно тут же и закончилось, так как ни представитель компании, ни глава полиции не знали, с чего начать. Оба они считали, что случай этот необычный, нелогичный и частично непонятный.

— Но уже известен один случай телеболезни,— настаивал бухгалтер Бинда.— Я сам читал об этом в газете.

— Выдумки, дорогой синьор Бинда! Выдумки ловких журналистов. Чего они только не придумают, эти журналисты!— воскликнул представитель телевизионной компании.

— Что верно, то верно,— откликнулся глава полиции.— Вот недавно один журналист подробно описал, как украли падающую башню в Пизе. А ведь это единственная в мире башня, которая всё ниже клонится к земле, но пока ещё держится. Вся Италия разволновалась. Но мы опубликовали цветную открытку, и все могли убедиться, что башня как падала, так и падает. И что вы думаете, люди

поверили сказкам журналиста, а не открытке. А полицию, конечно, обвинили в преступной бездеятельности.

Пока глава полиции жаловался на журналистов, тётушка Эмма успела расстелить во всех комнатах ковры и дорожки. Оглядевшись вокруг, она приняла командование на себя: велела синьоре Бинда уложить Флипа в постель, заставила синьора Бинда положить на живот грелку (у него от всех переживаний сильно разболелись голова и живот), а гостей уговорила отведать по рюмочке ликёра собственного изготовления. Потом взяла карандаш и бумагу и распределила, кому когда дежурить.

Уже домохозяйки перестали спорить, сколько петрушки и укропа надо класть в суп, уже красивая дикторша пожелала всем «доброй ночи», а Джип не появлялся. Не появился он и утром. Зато появились газеты.

Огромные, во всю первую страницу, заголовки умоляли, предостерегали, вопрошали, сообщали:

«Вернёт ли экран свою добычу?»

«Страшное преступление по первой программе!»

«Восьмилетний мальчик проглочен телевизором!!»

«Банда телебандитов держит в страхе весь город!»

Статьи были ещё более тревожными, чем заголовки. И в каждой из них история, приключившаяся с Джипом, была рассказана по-разному. В одних Джипа называли «тихим белокурый мальчиком», в других — «шалуном и задирой». А газета «Раньше всех» намекала, что адвокат Проспери знает многое, но почему-то молчит. Ведь это в его телевизоре произошло преступление.

А одна вечерняя газета написала, что всё это выдумки полиции. На самом деле Джипа похитили пришельцы из космоса, скорее всего марсиане-невидимки, особенно кровожадные и опасные.

— Марсиане! Невидимки! — громко возмущалась тётушка Эмма, бросив газету в мусорный ящик. — Лучше б эти журналисты стали невидимками.

А газеты продолжали печатать сообщения одно невероятнее другого: то Джипа видели в Швеции, то в Голландии, то в Египте.

— Да они совсем очумели! — возмущалась тётушка Эмма. — Джип дальше Милана в жизни не бывал.

На второе утро, когда вновь позвонил почтальон, тётушка Эмма чуть было не захлопнула дверь перед самым его носом.

— С меня довольно! Пока я жива, в этот дом не попадёт не то что газета, но даже кусок обёрточной бумаги.

— Подождите, подождите... Разве вы не слышали новость?

— Какую ещё новость? Уходите!

— Тут в газете написано: вашего Джипа ищут с помощью этих самых... ну, как они называются?

— Откуда мне знать? Как?

— Уважаемая синьора! Эти штуки похожи на бенгальские огни, но только это не огни. Словом, что вам стоит заглянуть в газеты? Там всё сказано.

Тётушка Эмма осторожно, словно это была горячая сковородка, взяла пакет с газетами и отнесла его бухгалтеру Бинда, дежурившему у телевизоров.

Флип тоже завладел одной газетой. Но он умел различать лишь заглавные гласные буквы.

— Урааа!..— закричал он.— Я нашёл «О».

И он не ошибся. Молодой японский профессор Огирава пришёл к убеждению, что Джип, упав в телевизор, превратился в электромагнитную волну. И теперь эта волна летает в пространстве. За одну секунду она делает семь оборотов вокруг Земли. Время от времени волну-Джип улавливала телевизионная станция или же отдельный телевизор в самых разных частях света.

— А почему, уважаемый господин Огирава, волна-Джип прежде всего попала в телеиглу профессора Эрикссона?— спросил один из журналистов.

— Вероятно, потому, что в тот вечер все телевизионные передачи Европы уже закончились и работал лишь телевизор профессора Эрикссона,— ответил японский учёный.

— А можно ли перехватить волну-Джип и вернуть мальчугана на Землю?— поинтересовался другой журналист.

— Да, уважаемые господа и дамы, это вполне возможно. Нужно, чтобы все телевизионные станции мира передавали одну-единую программу. В этом случае волне-Джип придётся вернуться.

— Единая программа для всех телевизоров земного шара?!

— Да, уважаемые господа и дамы,— подтвердил Огирава.— Для этого, как известно, надо запустить три искусственных спутника.

— Что?! Три искусственных спутника ради какого-то мальчишки.

— Совершенно верно, любезные господа и дамы. Три искусственных спутника.

«ГАРИБАЛЬДИ ПЕРВЫЙ», «ГАЛИЛЕО ГАЛИЛЕЙ» И «ДЖИП»

Ровно в час без пяти секунд по римскому времени с космодрома острова Сардиния итальянский искусственный спутник «Гарибальди Первый» ждал сигнала к запуску. Началась «Операция Джип». В центральном зале космодрома профессор Нбчера держал палец на пусковой кнопке, а оператор громко вёл отсчёт:

«...Чинкуе (так по-итальянски будет «пять»), куаттро, тре, дуэ, уно... Пуск!»

*

В Москве в это самое время часы показывали без пяти секунд три. На подмосковной базе мощная ракета приготовилась запустить ввысь спутник «Галилео Галилей». Профессор Максим Петров тоже держал палец на кнопке. А из репродуктора доносились цифры отсчёта:

«...Пять, четыре, три, два, один... Пуск!»

*

В Америке, на мысе Кеннеди, было всего шесть утра. Тоже без пяти секунд. И здесь указательный палец уважаемого профессора лежал на кнопке. Только звали профессора Джон Браун. Спутник в честь героя приключения назывался «Джип», и отсчёт вёлся не на русском языке, и не на итальянском, а на английском:

«...Файф, фоо, фри, туу, уан... Пуск!»

*

Точно по сигналу «Гарибальди Первый», «Галилео Галилей» и «Джип» одновременно взмыли в небо и вскоре вышли на одну и ту же орбиту.

Миллионы людей сидели у телевизоров и на сотне разных языков слушали взволнованный рассказ дикторов о том, как проходит «Операция Джип».

— Внимание, внимание! Вы, уважаемые телезрители, присутствуете при оригинальном и смелом опыте. Все телевизионные станции мира связаны между собой. Через несколько секунд на ваших экранах появится изображение голубя. Ретрансляционные установки трёх искусственных спутников земли передадут изображение на землю.

И вот миллионы людей, сидевших у телевизоров в Риме, Моск-

ве, Токио, Нью-Йорке, увидели белого голубя, эту птицу мира и братства. Все, кроме неисправимых любителей крепко поспать. Сонни — они всегда пропускают всё самое интересное. И вдруг голубь исчез, а вместо него на экране возник... Джип. Его рубашка сильно помялась и была не слишком чистой. Как, впрочем, и штаны.

— Смотрите, у него на носке дырка!— завопила тётушка Эмма, заглушая крики «ура», раздавшиеся в квартире бухгалтера Джордано Бинда. А там собрались чуть ли не все жильцы дома.

— Ой, ай, ох, ух!— кричал Флип.

— В моём телевизоре Джип лучше выглядит: он розовощёкий, полный,— объяснял всем и каждому адвокат Проспери.

— Внимание, внимание!— объявил диктор.— Сейчас профессор Ночера попытается поговорить с Джипом.

Голос учёного звучал взволнованно и строго.

— Джип, мы видим тебя. Отвечай: ты слышишь нас? Отвечай! Земля вызывает Джипа. Земля вызывает Джипа. Перехожу на приём...

Миг всеобщего ожидания, а затем:

— Я вас отлично слышу!— звонко крикнул Джип.— Слышу, но не вижу. Тут тоже есть телевизор, но в нём видно лишь моё лицо. Перехожу на приём...

— Разве ты сам не в телевизоре?

— Э, нет! С меня хватит. Я из него выскочил.

— Объясни, где же ты теперь?

— Я и сам толком не пойму. Минуту назад я был в Марокко. А сейчас... Похоже, я очутился в кабине. Здесь полным-полно всяких приборов и... ой! Тут со мной кот. И он летает по воздуху, словно его к воздушному шарiku подвесили. Но никакого шарика я не вижу. Ой, я тоже повис в воздухе... Дудки, на этот раз меня не обманешь. Больше я в телевизор не упаду. Теперь я умею парить в воздухе не хуже планёра.

— Джип,— сказал профессор Ночера,— справа от тебя иллюминатор. Посмотри в него внимательно. Что ты видишь, расскажи.

— О, да это же Земля! Как быстро она крутится. А теперь внизу подо мной море. И в нём острова. Только я не знаю их названий. Ведь глобуса у меня нет... Котик, котик, смотри, какой большой остров! Как тебя зовут, котик?

— Его зовут Маццола Старший. И оба вы находитесь в искусственном спутнике Земли.

— Значит, я теперь космический мальчишка?

— Ты, Джип, первый итальянский космонавт.

— Э, первый, пожалуй, кот. Когда я сюда попал, он уже сидел тут и облизывал усы... Скажите, а маму вы можете позвать? Она меня видит?

— Тебя видит вся Земля, Джип.

— Мама, папа, тётушка Эмма, здравствуйте! Флип, привет! Как вы поживаете, синьор Проспери?

— Вот разбойник!— воскликнул адвокат Проспери, покраснев от удовольствия.— Как он догадался, что я здесь?

— Я хочу домой!— крикнул Джип.— Мне надоело летать по телевизорам. Честное слово, я не собирался удирать. И если...

— Внимание, Джип,— прервал его профессор Ночера.— Скоро спутник начнёт снижаться и войдёт в земную атмосферу. Спуск будет осуществляться по команде с Земли. Не бойся, всё будет хорошо. А пока поприветствуй всех, кто сейчас сидит у телевизоров и тревожится за тебя: англичан, русских, американцев, итальянцев, французов, немцев, африканцев.

Джип задумчиво почесал голову. Потом крикнул звонким голосом:

— Добрый день — одним, добрый вечер — другим! Привет всем от Джипа. Я вас не знаю, но вы наверняка хорошие люди. Кот тоже приветствует вас.

И сразу же тысячи журналистов принялись отстукивать на машинках статьи в газеты.

Девяносто пять журналистов из ста начали статью так:

«Улыбающееся лицо восьмилетнего Джипа ещё раз подтвердило, что нашей древней планете нужны мир и счастье».

А остальные пять журналистов начали с той же фразы, только вместо «улыбающееся лицо» они написали «весёлое лицо».

МАТУШКА КОТОВ

В пятнадцать тридцать 19 января почти все римляне сидели у телевизоров в своём доме или в кафе. Ждали последних вестей о Джипе. А на улицах прохожих было очень мало. И совсем уж немного людей шло по своим или чужим делам мимо древнего Колизея.

Среди этих немногих была старушка с толстой сумкой на руке. В сумке лежали кульки и кулёчки с корочками сыра, рыбными головками, кусками хлеба и кусочками мяса.

В квартале все называют старушку матушкой котов. Теперь-то вы, наверно, и сами догадались, кому старушка несла все эти лакомства.

Развалины древнего цирка Колизея — излюбленное место встречи римских котов. Там они проводят целые дни, греясь на солнце и наблюдая за туристами. За мышами они и не думают охотиться. Туристы да и сами римляне не забывают угостить котов всякой всячиной.

И вдруг на тротуар надвинулась чёрная тень. «Никак дождь собирается? — забеспокоилась матушка котов. Она взглянула на небо и остолбенела: — О господи, да это же парашют! Огромный, розовый, а к нему гондола подвешена. Неужто война началась? Нет-нет, не похоже. Если б это был воздушный десант, парашютов была бы целая тысяча, а не один-единственный», — здраво рассудила матушка котов.

А парашют опускался прямо на Колизей.

— Схожу-ка погляжу, — сказала старушка.

Она пересекла площадь и, ускорив шаги, прошла через арку к главной арене. И в тот же миг на арену, где прежде сражались со львами гладиаторы, приземлился странный корабль-гондола.

Двери кораблика отворились, и из него выскочил Джип.

— Ты кто? — крикнула матушка котов.

— Добрый день, синьора, — вежливо сказал Джип.

— Ты почему без ботинок? — удивилась старушка.

— Это Колизей, да? — ничего не ответив, спросил Джип.

— Конечно. Смотри не провались в подземелье.

— Если и провалюсь, не страшно. Львов-то теперь в Колизее нет.

— Послушай, мальчик, с каких это пор ребята стали летать по небу? Да ещё с парашютами.

— У вас есть телевизор, синьора?

— У меня? Нет, сынок.

Джип огорчился. Надо же! Прилететь из космоса и встретиться в Колизее со старушкой, у которой нет телевизора! Вот уж не повезло так не повезло.

— Простите, уважаемая синьора, но я тороплюсь. Мне надо предупредить профессора Ночеру. Меня, верно, уже ищут.— И он бросился к выходу.

Но бравая старушка его и не слушала.

— Котик... котёнка... котёночек...— ласковым голосом звала она.— Иди сюда, не бойся...

Ну конечно, это был Маццола Старший —кот, которого учёные посадили в корабль, чтобы изучить поведение животного в космосе. Он выпрыгнул из гондолы и теперь растерянно озирался вокруг.

— Это, котик, древний Колизей, знаменитый римский цирк. Сразу видно, что ты нездешний. Но у твоей мамочки есть для тебя что-то очень вкусное...

Впрочем, Маццола Старший хоть и был чужестранцем, но, как и у всех котов, нюх у него был преотличный. И сумка матушки котов сразу же заинтересовала его.

Ну а Джип? Он как выскочил на улицу, так и застыл на месте. От ужаса. Толпы людей неслись к древнему Колизею, где, согласно последним сообщениям, должен был приземлиться Джип. Тысячи и тысячи людей, толкаясь, пробирались поближе к арене. А там уже суетились теле- и кинооператоры, журналисты, представители правительства и дипломаты. Со всех сторон доносились гудки, рёв сирен, слышались орудийные залпы.

«Да они меня затопчут,— подумал Джип.— От меня даже носков не останется. Спасайся кто может!»

Он повернулся и помчался назад. На бегу он перепрыгнул через Маццолу Старшего, которого матушка котов угощала лакомствами, влез в корабль и заперся на ключ.

— Осторожнее, осторожнее! Разве вы не видите, что котик голоден!— крикнула старушка первым любопытным, прорвавшимся в Колизей.

К счастью, один из фотографов узнал в Маццоле Старшем кота-космонавта, и это спасло ему жизнь. А Джип тихонько сидел в кабине, и оттуда не доносилось ни звука.

— У него глаза закрыты.

— Он в обмороке.

— Джип, отзовись! Тебя ждёт вся Италия.

— Нет, сначала вы утомнитесь!— пробормотал Джип.— А главное — никаких телекамер. Не хватало мне только опять угодить в телевизор и снова отправиться в кругосветное путешествие! Да ещё босиком.

Наиболее нетерпеливые взломали дверь корабля, силой вытащили Джипа, и самый высокий из всех водрузил его на плечи под громкие аплодисменты толпы.

— Дорогу! Дайте дорогу! Его надо отвезти в больницу. Вызовите «скорую помощь»!

Но на площади стояла уже не одна, а двести машин «скорой помощи». Их сирены ревели так громко, что разбудили бы и Спящую красавицу. Но только не Джипа.

Лишь когда одна из машин пробилась к самому Колизею, Джип приоткрыл один глаз. Его бережно уложили в машину «скорой помощи». Убедившись, что рядом нет телекамер, хитрый притвора открыл второй глаз и громко расхохотался. Медицинские сестры, учёные, адмиралы, фоторепортёры тоже засмеялись. Кто от радости, кто от смущения.

— Я хочу домой, в Милан,— сказал Джип.— Но лучше не в машине, а на поезде.

И вскоре поезд помчал его в родной Милан.

А Колизей тем временем опустел. На арене остались лишь матушка котов и Маццола Старший. Хотя представители властей и журналисты в суматохе позабыли о коте, он этим нисколько не огорчился. Он так сытно пообедал, что не в состоянии был не то что сдвинуться с места, но даже хвостом пошевелить.

И бравая старушка всю дорогу до своего дома несла бесстрашного кота-космонавта на руках.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОРТ В НЕБЕ. <i>Перевод В. Смирнова</i>	3
ПУТЕШЕСТВИЕ ГОЛУБОЙ СТРЕЛЫ. <i>Перевод</i> <i>Ю. Ермаченко</i>	57
ДЖИП В ТЕЛЕВИЗОРЕ. <i>Перевод Л. Вершинина</i> .	149

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Джанни РОДАРИ

СКАЗКИ

Перевод с итальянского

Редактор

А. Я. Спиридонов

Оформление художника

И. А. Шехурдиной

Художественный редактор

В. Н. Андреев

Технический редактор

Р. О. Зайниева

Корректоры

Л. А. Кольцова, Г. И. Армякова

ИБ № 2074

Сдано в набор 22.04.92. Подписано к печати 14.08.92. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 14,3. Усл. кр.-отт. 59,15. Учетно-изд. л. 12,68. Тираж 100000.
Заказ 283. Изд. 35. «С» 61.

Марийское книжное издательство, 424000, г. Йошкар-Ола, ул. Палантая,
114. Республиканское полиграфическо-редакционное объединение
Министерства печати и информации Республики Марий Эл, 424700,
г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112.

Художник **Ирина Шехурдина**

Родари Д.
Р 60 Сказки/Перевод с итальянского.— Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992.— 176 с.

ISBN 5—7590—0518—9

В книгу вошли три сказки — «Торт в небе», «Путешествие Голубой Стрелы» и «Джип в телевизоре» — всемирно известного итальянского писателя Джанни Родари.

Р 4803010102—33 без объявл.
М 129—92

ISBN 5—7590—0518—9
ЛР 01.0040

ББК 84.4 Ит

© Шехурдина И. А., рисунки, 1992

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

